

Немецкие предприниматели в Москве

Воспоминания

РОССИЯ В
МЕНУАРАХ

Россия в мемуарах

Немецкие предприниматели в Москве. Воспоминания

«НЛО»

2023

Немецкие предприниматели в Москве. Воспоминания / «НЛО»,
2023 — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-482361-7

В XVIII–XIX веках немецкие предприниматели активно переселялись в Россию. Уезжая из Германии, где торговля была осложнена раздробленностью страны, одни из них надеялись поправить дела, которые на родине шли не очень успешно, а другие – увеличить капитал. Сборник, составленный немецким историком Вольфгангом Сартором, содержит воспоминания трех московских предпринимателей немецкого происхождения (Георга Шписа (1861–1926), Вальтера Марка (1873–1950) и Андреаса Ценкера (1855–1928)) о жизни немецкой колонии в Москве, о немецких фирмах, существовавших там, и их руководителях, об их контактах с русскими предпринимателями, администраторами и деятелями культуры. Мемуары содержат как общие наблюдения за условиями предпринимательской деятельности в России, так и частные замечания о нравах и обычаях россиян. Герои книги описывают и конкретные события от коронации Николая II и давки на Ходынском поле до Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде в 1896 году и немецких погромов в 1914-м. Вольфганг Сартор – историк, независимый исследователь.

ISBN 978-5-44-482361-7

, 2023

© НЛО, 2023

Содержание

НЕМЕЦКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ (1800–1918):	8
ЭКОНОМИКА – ИНТЕГРАЦИЯ – АДАПТАЦИЯ	
ГЕОРГ ШПИС	18
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО В МОСКВЕ. 1861–1874	18
1. Дед Купфер	18
2. Мой отец	21
3. Моя мать	23
4. Братья и сестры	25
5. Наш московский дом	26
6. Поездки отца в Киев	27
7. Вилла в Сокольниках	28
8. Дядюшка Кнут Шернваль	28
9. Путешествие в Финляндию	29
10. Школьные будни в Москве	30
11. Война 1870–1871 годов	32
12. Мой отец – немецкий консул	32
13. Путешествие в Германию и Швейцарию	34
14. Жизнь в Москве	36
15. Пасхальная ночь в Кремле	38
16. «Штукен и Шпис»	39
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ШКОЛЬНАЯ УЧЕБА В ДРЕЗДЕНЕ. 1874–1879	45
17. Переезд в Дрезден	45
18. В гимназии Витцтума	46
19. Выборы в рейхстаг 1877 года	52
20. Жизнь моего отца в Дрездене	53
21. Круг общения родителей	54
22. Дом Везендонков	54
23. Липман	55
24. Путешествие в Австрию	56
25. Конфирмация	56
26. Соседи	56
27. Я избираю поприще коммерции	58
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОДЫ УЧЕБЫ НА РЕЙНЕ. 1879–1882	59
28. Путешествие на Рейн	59
29. Учеба в Школе ткачества в Мюльхайме-на-Рейне	60
30. Учеба в Мюнхенгладбахе	61
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГОДЫ УЧЕБЫ В ДРЕЗДЕНЕ. 1882–1889	63
31. Фабрики «Лаферм» Гупмана	63
32. Приобретение фабрик фирмой «Штукен и Шпис»	65
33. Приобретение доли Штукена	66
34. Суровые годы учебы под началом отца	67
35. Круг деятельности и прочее	67
36. Первая поездка в Рим, 1883 год	68
37. Рудольф де Брейн	69
38. Женидьба, 1886 год	70

39. Путешествие на Восток, 1886 год	70
40. Путешествие на Балканы, 1886 год	75
41. Путешествие в Испанию, 1887 год	77
42. Инцидент Шнебеле	78
43. В Берлине	80
44. Московский соблазн	80
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. МОСКВА. 1889–1902	82
45. Москва	82
46. Несколько слов об истории рабенековских красилен	82
47. Торговля мазутом и поездки в Баку	83
48. Я принимаю дела у Эрнста Шписа	88
49. Чугуноплавильные заводы	89
50. Общество по продаже хлопка	93
51. Торговля вигоной	95
52. «Товарищество Франца Рабенека»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Немецкие предприниматели в Москве. Воспоминания

Россия в мемуарах

Немецкие предприниматели в Москве
Воспоминания

Новое литературное обозрение

Москва

2023

УДК 94(47+57)«189/191»

ББК 63.3(2)53

Н50

Серия выходит под редакцией А. И. Рейтблата

Перевод с немецкого воспоминаний Г. Шписа *Р. С. Эйвадиса*,
воспоминаний В. Марка *Н. А. Зоркой*
и воспоминаний А. Ценкера *Н. Н. Федоровой*

Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии *В. Сартора*

Немецкие предприниматели в Москве: Воспоминания. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Россия в мемуарах»).

В XVIII–XIX веках немецкие предприниматели активно переселялись в Россию. Уезжая из Германии, где торговля была осложнена раздробленностью страны, одни из них наделись поправить дела, которые на родине шли не очень успешно, а другие – увеличить капитал. Сборник, составленный немецким историком Вольфгангом Сартором, содержит воспоминания трех московских предпринимателей немецкого происхождения (Георга Шписа (1861–1926), Вальтера Марка (1873–1950) и Андреаса Ценкера (1855–1928)) о жизни немецкой колонии в Москве, о немецких фирмах, существовавших там, и их руководителях, об их контактах с русскими предпринимателями, администраторами и деятелями культуры. Мемуары содержат как общие наблюдения за условиями предпринимательской деятельности в России, так и частные замечания о нравах и обычаях россиян. Герои книги описывают и конкретные события от коронации Николая II и давки на Ходынском поле до Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде в 1896 году и немецких погромов в 1914-м. Вольфганг Сартор – историк, независимый исследователь.

В оформлении обложки использован рисунок торговой марки Voгау и фрагменты фотографий из собрания В. Сартора.

ISBN 978-5-4448-2361-7

© В. Сартор, сост., вступ. статья и комментарии, 2023

© Р. С. Эйвадис, перевод с немецкого воспоминаний Г. Шписа, 2023

© Н. А. Зоркая, перевод с немецкого воспоминаний В. Марка, 2023

© Н. Н. Федорова, перевод с немецкого воспоминаний А. Ценкера и предисловия В. Сартора, 2023

© Ю. Васильков, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

НЕМЕЦКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ (1800–1918): ЭКОНОМИКА – ИНТЕГРАЦИЯ – АДАПТАЦИЯ

Большие коммерческие перспективы в огромной стране, относительная легкость быстро заработать деньги, а вероятно, и возможность жить в этой полуазиатской стране на широкую ногу побудили его там обосноваться.

Андреас Ценкер

Контакты немецких купцов и предпринимателей с Россией имеют давнюю историю.

Географическая близость средневековой Германии и русских княжеств, в особенности Новгородского и Смоленского, способствовала тесным экономическим связям. Ганзейский союз, державший контору в Новгороде, этому благоприятствовал. Пушнина, воск, древесина, поташ, лен, конопля, юфть и металлы обменивались на текстиль и серебро. В XVIII в. этот обмен весьма вырос вследствие потребностей Петра I в промышленных товарах и вооружении. Первые металлургические и текстильные предприятия в России были основаны немцами.

С 1770-х гг. множество немецких крестьян стало переселяться на необжитые территории Причерноморья, что дало толчок развитию сельского хозяйства. В 1820–1830-е гг. новым импульсом к переселению послужил увеличившийся спрос на европейские промышленные товары. Создавалась и росла промышленность и в самой Российской империи. В сфере коммерции действовали либо активные уже в XVIII в. предпринимательские семьи (Штиглиц, Мас), либо многочисленные новые, искавшие там успеха. В первой половине XIX в. среди них можно назвать семейства Штиглиц, Кноп, Вогау – Марк, Брандт, Кёниг, Рабенек и Эйнем. Важное значение имела торговля такими импортными промышленными товарами, как текстильные изделия и станки, а позднее фабричное оборудование, красильное и химическое сырье, сахар-сырец, чай и кофе. К прежним статьям экспорта добавилось зерно. С 1850–1860-х гг. начался поворот к промышленности, постепенно охвативший все отрасли: металлургию и горнодобывающую промышленность, текстильную, химическую, свекольносахарную, табачную, пищевую, электротехническую и нефтеперерабатывающую индустрию, а также банковский сектор. Доля немецких предпринимателей в промышленном производстве составляла порядка 10–20%. Существовали, конечно, и другие иностранные предприятия, в частности британские, а позднее французские, однако ведущее место занимали немцы.

Среди коммерсантов-немцев были как подданные России, так и такие, кто работал на немецких предприятиях («Сименс» и др.) и имел немецкое гражданство.

В целом эмиграция коммерсантов в первой половине XIX в. возросла. Так, в 1812–1876 гг. в Россию переехало около 530 000 немецкоязычных переселенцев. В совокупности лица немецкого происхождения (из германских государств, Австрии и Швейцарии) составили 90% от общего числа иммигрантов, то есть явно преобладали среди приезжающих иностранцев¹. В России насчитывалось тогда примерно 1,8 млн немецкоязычных жителей. Нередко чисто деловые поездки совмещались с постоянным или почти постоянным проживанием², причем новоприбывшие зачастую встречали здесь постоянно проживающих в России земляков³.

---

¹ См.: Ischchanian B. Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913. S. 55–57.

² См.: Schramm P. E. Hamburg, Deutschland und die Welt. Hamburg, 1952.

³ Idem. S. 71.

Причины эмиграции могли быть разными. Так, Кнопов, самую состоятельную семью немецких коммерсантов, подвигли к переезду в Россию чисто деловые интересы⁴. У Руперти толчком к эмиграции послужили неудачи в делах в Германии. Семейства Ахенбах, Юнкер, Вогау и Ценкер тоже были относительно бедны, когда перебрались в Россию.

«Жизнь в России зиждется отчасти на имущественном благоденствии, каковое обеспечивает им Россия и каковое они тщетно ищут в Германии»⁵. Это высказывание Д. В. Зольтау, сделанное в 1811 г., – попытка объяснить стремление немецких коммерсантов переселиться в Россию. Вероятно, немецкие предприниматели или те, что еще только хотели стать таковыми и, пожалуй, оказались в России совершенно случайно, ощущали это абстрактное «благоденствие», находясь в Петербурге или в Москве. «Всех отпугивает немецкое обывательство, хотя они сами из него-то и вышли. Они бегут сюда и привозят его с собою, а вот того, что находят здесь, там ищут напрасно». Другой коммерсант писал: «Нет, говорит разбогатевший немецкий ремесленник, не хочу я каждый вечер пить пиво в немецком городишке и мусолить грязную колоду карт, не хочу каждые выходные принимать визит почтмейстера с его дочерьми, которые вдобавок воображают, будто оказывают мне огромную честь»⁶. Раздробленность Германии на мелкие государства, различные денежные системы и меры веса в них мешали торговле. В условиях идущей индустриализации, развития торговли и промышленности это было особенно тягостно. В России дело обстояло иначе, хотя и здесь хватало проблем.

В целом ситуация стала меняться со второй половины XIX в., по мере все большего объединения Германии в это время начинается сокращение эмиграции.

Рудольф Шпис называет еще ряд привлекательных сторон России: «Очень симпатичным было отсутствие строгих форм и формальностей <...> никому в голову не приходит в приватном общении прибегать к титулованию собеседника...» Упоминает он и радушие: «Величайшее радушие, совершенно неизвестное в Германии, здесь само собою разумелось»⁷.

Словом, для многих коммерсантов общий климат был, судя по всему, благоприятным.

В России, однако, иностранец сталкивался со множеством проблем: коррумпированными бюрократами, скверной организацией дел, плохими дорогами, более холодным климатом. Правда, были и положительные аспекты: гостеприимство местных жителей и большие просторы страны, выгодно отличавшиеся от «тесноты» Германии. Эдуард Рудольфи писал: «На мой взгляд, в Санкт-Петербурге или в Москве сделки заключаются легче и быстрее, чем в каком-нибудь немецком городишке <...>. Здесь есть необходимые связи, в любое время можно переговорить с купцами и чиновниками. Возможны даже встречи на дому. В Германии же только и слышишь, что тот, кого ищешь, “ушел в пивную”»⁸.

Адаптироваться к нравам и традициям чужой страны было непросто. Показательны воспоминания Рудольфа Шписа о первом увиденном русском бале: «...один из первых балов, где я побывал, проходил в доме знаменитого текстильного фабриканта, г-на Саввы Морозова, который выстроил себе дом в псевдогоthicеском стиле. В самом начале первой моей зимы в этом городе я как-то раз, воротившись домой, обнаружил его визитную карточку и знать не знал, что это означает <...>, однако потом выяснил, что карточка означает приглашение сделать визит ему или его супруге, так как в скором времени она намеревалась дать большой бал». Рудольф Шпис, разумеется, отдал визит Морозовой, супруге одного из богатейших людей России. А после того отправился на бал: «...с доброй немецкой пунктуальностью явившись немногим позже назначенного времени, около 9, я поначалу был совершенно один, ведь и хозяева еще

⁴ См.: Wolde A. Ludwig Knoop. Erinnerungsbilder aus seinem Leben. Bremen, 1998. S. 10.

⁵ Rudolphi E. Unterhaltungen über Rußland. Altenburg, 1853. Bd. 2. S. 29.

⁶ Idem. S. 30.

⁷ Spies R. Lebens-Erinnerungen 1874–1914 [1915] // Архив публикатора.

⁸ Rudolphi E. Op. cit. S. 231–232.

одевались; я покуда не знал, что в Москве гостей на бал ожидают по меньшей мере на час, если не на два после назначенного времени, то бишь только в 10 или в 11 часов вечера, зато и заканчиваются балы редко раньше 5 утра, зачастую даже позднее...». На балу были «200 представителей московских промышленников и финансовой верхушки, дамы <...>. Никогда прежде я не видел подобной роскоши и пышности и на первых порах, учитывая вдобавок зрелище множества очаровательных молодых девушек и женщин, словно ослеп, так что, несмотря на вполне симпатичную наружность и безупречный английский фрак, казался себе ничтожным и уродливым. Однако это впечатление скоро улетучилось, отчасти благодаря <...> танцевальной музыке, а отчасти благодаря любезности и непринужденности, с какою все здоровались со мной, едва только меня представили как новоприбывшего...»⁹ Далее он описал превосходную, с его точки зрения, организацию праздника: те, кто не увлекался танцами, могли в боковых комнатах заняться карточной игрой, а также послушать выступление знаменитого певца Шаляпина. Около часу ночи был подан «сказочный ужин», а закончилось все рано утром, в 5–6 часов. Русский бал произвел на него куда большее впечатление, чем подобные балы в Германии, откуда он только что приехал.

От поколения к поколению немецкие предприниматели все лучше узнавали обычаи и традиции русского народа и сами постепенно русифицировались, хотя имели место и противоречивые тенденции. Нередко приезжие немцы вначале входили в общество своих соотечественников или других иностранцев, а лишь потом налаживали отношения с местными жителями.

Адаптацию облегчал и тот факт, что по сравнению с другими приезжими немцы имели одну особенность: «*Ubi bene, ibi patria*» («Где хорошо, там отечество») – вот их принцип, тогда как у других иностранцев преобладал иной подход: «*Ubi patria, ibi bene*» («Где отечество, там хорошо»)¹⁰. Это утверждение Рудольфи характеризует различие между немцами и другими иностранцами. Другие иностранцы хотя и оставались в России надолго, но в большинстве своем твердо намеревались вернуться на родину. Имперские немцы жили главным образом в городах. Числом 470 тысяч, они на 82% были заняты в торговле и промышленности¹¹. В обеих столицах их доля среди крупного купечества составляла 20–25%¹².

Адаптация нарастала от поколения к поколению. Представители первого поколения преимущественно вращались в обществе соотечественников и были очень привязаны к родному языку (русским они не владели или владели слабо) и родной культуре. В последующих поколениях адаптация нарастала. Например, в семье Рабенек она шла очень быстро¹³.

Позднее адаптация усиливалась также благодаря политическим переменам: в школах эмигранты обязаны были изучать русский язык. Обязательное введение русского языка привело к любопытному результату: с одной стороны, многие русские мальчики поступали в немецкие школы, чтобы лучше изучить немецкий язык, однако это привело и «к удивительно быстрой русификации немецкой молодежи: она учила немецкий как распространенный иностранный язык, владела только русским, думала – и чувствовала – только на русском»¹⁴. В немецких школах училось теперь растущее число русских¹⁵.

⁹ Spiess R. Op. cit. S. 153.

¹⁰ Rudolphi E. Op. cit. S. 30.

¹¹ Idem. S. 99.

¹² Подсчеты произведены по «Справочнику по лицам Санкт-Петербургского купечества» и «Справочнику по лицам Московского купечества».

¹³ См. статьи Л. Л. Рабенек в парижском журнале «Возрождение»: «Москва времени до Первой мировой войны» (1960. № 107); «Москва и ее хозяйства» (1960. № 105); «Московская хлопчатобумажная промышленность» (1963. № 135); «Незабываемое прошлое» (1964. № 149); «Хлопчатобумажная промышленность старой Москвы 1914 года» (1966. № 172; 1967. № 190); «Хлопчатобумажные мануфактуры Москвы и Подмоскovie времени до Первой мировой войны» (1965. № 161, 162).

¹⁴ С. 152 настоящего издания.

¹⁵ См.: Найденов Н. Н. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. Т. 1. С. 84; Busch M. Deutsche in

В результате ассимиляция усилилась. В 1910 г. один из учителей так высказался о немецких учениках: «Дети говорят на плохом немецком, дух немецкого языка им чужд, а если они говорят или пишут по-немецки, то, чтобы их понять, нужно буквально переводить немецкий на русский»¹⁶.

Немецкая церковь, впрочем, еще поддерживала национальное единство. Однако то, что дети от смешанных браков в обязательном порядке становились православными, по-прежнему действовало разъединяющим образом. Жесткость этого запрета несколько смягчилась в 1905 г. Число смешанных браков в церкви Св. Петра и Павла в 1842–1902 гг. колебалось в пределах 25–37%¹⁷. В целом доля смешанных браков возрастала, поскольку принцип брака как делового договора начиная с 1890-х гг. устаревал и утрачивал строгость¹⁸.

Наряду с церковью и школами существовало несколько немецких социальных учреждений, которые также поддерживало купечество, например Евангелический госпиталь в Москве, Евангелическое общество вспомоществования и другие, в том числе Союз имперских немцев и Московский немецкий клуб¹⁹.

Леон и Альберт, старшие братья одного из авторов этой книги – Георга Шписа, – осознавали себя немцами, оба были немецкими офицерами-резервистами. Зато у его третьего брата, Рудольфа, значительно младше, тенденции к ассимиляции уже куда заметнее. В соответствии со своей русофилией, касавшейся многих явлений повседневной жизненной культуры в России, он называл эту страну своей второй родиной.

Руперти даже воевал как русский офицер против немецкой армии. Свои воспоминания он начинает словами: «Моя семья по происхождению немецкая. Сам я родился в 1897 г. в Москве как русский, поскольку отец мой принял российское подданство. Тесных связей с немецкой колонией в Москве мы не поддерживали»²⁰, однако после Первой мировой войны был вынужден покинуть Россию, поскольку прекрасно понимал, что должен уехать из страны не столько по причине немецкого происхождения, сколько потому, что принадлежит к крупной буржуазии. Некоторые выездные документы он смог получить только в немецкой миссии, где служил его дядя Эрнст Руперти, в прошлом московский купец. Там он вновь столкнулся с кризисом идентичности. В ответ на его просьбу брат отца сказал: «Ты – русский офицер, я – немецкий. И ты должен понимать, что...». Руперти пишет: «Я ничего не понимал и словно упал с небес на землю»²¹. Мы видим, что конфликт, связанный с национальным самоопределением, затрагивал самый узкий семейный круг.

Петербургский учитель, немец Х. Пантениус, подтверждает это. В 1930 г. он вспоминал, что немцев «очень быстро поглощало русское <...>. Дети сравнительно недавних иммигрантов зачастую говорят друг с другом только по-русски...», и возмущался, что «родители не только допускают это, но и сами говорят со своими отпрысками на ломаном русском»²².

Еще один аспект идентичности немецких предпринимателей в России – их космополитизм, естественный в особенности для элиты, которая действовала преимущественно на меж-

St.-Petersburg 1865–1914. Essen, 1995. S. 150–151.

¹⁶ Busch M. Op. cit. S. 168.

¹⁷ См.: Namentliches Verzeichnis der im Jahre ... Geborenen, Getauften, Confirmirten und Getrauten bei der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauli Kirche. Moskau, 1843–1903; Berichte des Kirchenrathes der Evangelisch-Reformierten Kirche in Moskau. Moskau, 1874–1905.

¹⁸ См.: Сартор В. Немецкие предприниматели Санкт-Петербурга: семья и конфессиональная структура, 1815–1914 гг.; этническая и религиозная среда // Экономическая история: ежегодник. 2010. М., 2010. С. 75.

¹⁹ См.: Erster Jahresbericht über die Leistungen des Evangelischen Hospitals in Moskau. M., 1876–1914; Moskau. Deutsche Zeitung. 22.6.1878. № 71. S. 322; 20.2.1879. № 20. S. 95; 5.3.1883. № 85. S. 358; 9.4.1887. № 79. S. 303.

²⁰ Rupert A. Erlebtes in Rußland (машинопись) // Частный архив. С. 1.

²¹ Там же. С. 70.

²² Wolde A. Op. cit. S. 12.

дународной арене. Они ощущали себя не русскими и не немцами, но гражданами мира, членами российской финансовой элиты, которая уже в XIX в. имела международный характер.

При этом вплоть до Первой мировой войны гражданство, по всей видимости, играло незначительную роль. Были немцы натурализованные, принявшие российское гражданство, и немцы имперские. В принципе это не составляло разницы, как упоминал Рудольф Шпис: «Когда я приехал в Москву, “немецкая колония” состояла уже большей частью из российских подданных. Хотя они любили и ценили Россию как свою новую родину, чувствовали себя русскими и шли воевать за Россию, “настоящие русские” по-прежнему считали их немцами <...> что связано с обычно сохраненным евангелическим или римско-католическим вероисповеданием; полностью русскими они считались – да и то условно, – только когда переходили в православие; собственно, опять-таки лишь те, кто вдобавок сменил немецкую фамилию на русскую, могли быть уверены, что в них видят русских, и опять-таки только они не пострадали в немецких погромах 1915 года <...> Здесь я, пожалуй, должен добавить, что до 1914 года переход в другую национальность вовсе не считался очень важным и значительным <...> и переход из немецкого подданства в российское едва ли имел большее значение, чем, например, переход из саксонского подданства в прусское. Иными словами, человек, решившийся на это, отнюдь не был “не имеющим отечества” <...> просто он нашел в России новую и милую родину...».

Однако Роберт Шпис в своей статье подчеркивал: «В нравах и религиозных обычаях <...> все [немцы] одинаковы...»²³.

Любопытно проследить, в какой мере деловая культура немцев сближалась с местной.

Рудольфи отзывался о российской деловой жизни в целом положительно: «Жить и давать жить другим – вот торговый и жизненный принцип, и он работает. В России приобретение права собственности еще возможно»²⁴. Здесь определенную роль играл интересный для коммерсантов факт, что в противоположность Германии в России еще можно было получать довольно крупную прибыль.

«Бесспорно, среди русских малоимущий новичок в ремесле находится в более благоприятных условиях, чем в Германии, благодаря помощи, какую ему охотно оказывают [русские] купцы»²⁵.

Сходным образом высказался и Георг Шпис в 1920-е гг.: «С тех пор я познакомился с деловой психологией и методами большинства европейских стран, а также Америки и должен откровенно заявить, что нигде не работалось так приятно и легко, как с московским крупным купечеством 90-х годов»²⁶. «При заключении сделок даже на очень крупные суммы они не требовали письменных подтверждений, не говоря уже о нотариальном договоре; устной договоренности было для них достаточно»²⁷.

В настоящее издание включены воспоминания Георга Шписа, Вальтера Марка и Андреаса Ценкера, коммерсантов немецкого происхождения, которые жили и работали в Российской империи в XIX и в начале XX в.

Георг Шпис (1861–1926)

Георг Шпис родился в 1861 г. в Москве, в семье купца Роберта Шписа, основавшего в Петербурге и Москве солидный торговый дом «Шпис и Штукен». Происходила эта семья из города Эльберфельд на востоке Рейнской области. Фирма работала в нескольких отраслях. В

---

²³ Moskauer Deutsche Zeitung. 1879. № 21. S. 100.

²⁴ Rudolphi E. Op. cit. S. 33.

²⁵ Idem. S. 32.

²⁶ С. 135 настоящего издания.

²⁷ Wolde A. Op. cit. S. 40.

1850-е гг. она занималась импортом красильного сырья, в частности индиго, а также табака и хлопка. Фирма быстро вошла в число ведущих экспортеров и импортеров империи, в 1858 г. она была вообще крупнейшим российским импортером. На Украине, в Киеве и Подольске, ей принадлежали сахарные фабрики, например Киевский сахарорафинадный завод и товарищество «Яроповице». Шпис был тогда одним из самых значительных производителей сахара. В Петербурге он владел табачной и сигаретной фабрикой «Лаферм», первой в мире сигаретной фабрикой. В 1868 г. в состав фирмы вошла крупная красильная фабрика «Франц Рабенек». В России Шпис входил в круг немецко-российских предпринимателей, среди которых нельзя не назвать весьма важные предпринимательские семейства Вогау, Кноп, Юнкер, Марк, Рабенек, Банза, Штукен. С ними Шписа связывали и тесные родственные узы. Основная деятельность постепенно переместилась в Москву, в Петербурге же главной базой остался «Лаферм».

Торговый дом продолжал расти и развиваться вплоть до Первой мировой войны, в 1880-е гг. он инвестировал в металлургию, волжский транспорт и, наконец, в нефтяную отрасль. Среди представителей семьи наряду с основателем, Робертом, надо назвать его сыновей Альберта (1859–1929), Леона (1858–1921) и Рудольфа (1874–1958), а также племянника Эрнста Шписа (1849–1917).

Временно уехав в Дрезден, Георг Шпис в 1889 г. по приглашению московского кузена Эрнста вернулся в Россию и занялся волжскими нефтеперевозками. Следующим объектом стало Товарищество мышегских рудников, которое он продал бельгийской металлургической компании «Hauts Fourneaux de Toula» («Тульские доменные печи»). Возникла новая фирма «Шпис, Штукен и К^о». В итоге Георг создал многостороннее дело, которое включало металлургию, текстильную химию, торговлю хлопком и пряжей, маслострой, торф, а позднее нефть²⁸.

Георг Шпис начал вкладывать капитал в еще сравнительно молодой нефтяной район в Грозном²⁹. Так появился синдикат «Терек», а затем весьма значительная Spies Petroleum Company Ltd. («Нефтяная компания Шписа») (1900).

Кризис для Георга и всего торгового дома наступил в ходе общего экономического кризиса 1900–1901 гг. Они много потеряли на акциях Société anonyme des Hauts Fourneaux de Toula, рухнувших на брюссельской бирже, а именно эти акции составляли значительную часть их основного капитала. Синдикат «Казбек» в Грозном Георг сумел спасти. За финансированием он обратился в Немецкий банк (Deutsche Bank), и директор банка, Артур фон Гвиннер, не только предоставил ему необходимый кредит, но и предложил пост генерального директора купленной банком румынской нефтяной компании Steaua Romana.

В должности генерального директора «Акционерного нефтяного общества Стяуа романа» начинается новый стремительный карьерный взлет Шписа. Затем он стал директором Европейского нефтяного союза (Немецкий банк, Нобель и Ротшильд), конкурировавшего с рокфеллеровской «Стандард ойл компани», которая в те годы во многом контролировала европейский нефтяной рынок. В 1909 г. у Шписа возникли разногласия с Немецким банком, в результате которых он в 1910 г., оставив все посты, ушел в отставку. Затем он возглавлял энергетический концерн «Продуголь», а в 1912 г. входил в состав директората лондонской компании «Эмба», добывавшей нефть на северном побережье Каспийского моря. Когда началась Первая мировая война, он находился в Лондоне. В Петроград он еще раз вернулся в 1922 г.

В годы Первой мировой войны Георг Шпис, сотрудничая с посольством в Бухаресте, управлял нефтяной промышленностью на оккупированной территории³⁰. В Хельсинки и в Берлине он владел фирмой, занимавшейся нефтяными сделками. Были у него и деловые контакты

²⁸ Spies R. Op. cit. S. 77.

²⁹ Gerretson F. C. History of the Royal Dutch. Leiden, 1953. T. 3. P. 155.

³⁰ См.: Spies G. Rumänische Erinnerungen [Румынские воспоминания]. Kap. 3. Рукопись // Archiv Ernst und Georg Spies, Traben-Trarbach.

с правительством РСФСР, которое предлагало ему важный пост в нефтяной промышленности, но он отказался³¹. На жизненные и экономические взгляды Георга Шписа наложило свой отпечаток происхождение из кальвинистской купеческой семьи³². Семейный уклад тяготел к скромности и благоприятствовал рациональному и экономному образу жизни, что способствовало развитию дела. Ни Георг, ни его братья не принадлежали, однако, к числу фанатичных поборников кальвинистско-пиетистской идеологии. Они, конечно, поддерживали финансово свою реформированную церковь, но в их записках особая набожность не играет роли. Георг характеризует своего отца как человека «толерантного» и вполне отдает себе отчет, в чем состоит отличие от «ультра»-пиетистов. Тем не менее возобладал экономический дух, «протестантская этика» (по Макс Веберу)³³.

Уверенный в себе, Георг рассматривает свою коммерческую деятельность как успешную и амбициозную, но при этом вполне самокритичен.

К российской деловой жизни он относился с определенной критичностью, но и с симпатией и постепенно в нее интегрировался. «Г-н Шпис обрел очень выгодное положение в России, своей родной стране...»³⁴

Отчетливо звучащая в его мемуарах критика Российской империи учитывает и опыт, и последствия событий 1917–1918 гг.

Шпис был крупной фигурой и на международной арене: был близко знаком с французским политиком П. Думером, министром иностранных дел Германии А. фон Кидерлен-Вехтером и с Э. Людендорфом, занимавшим в годы Первой мировой войны руководящий пост в германском генштабе. В России он знал таких важных особ, как председатели кабинета министров С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов и министр торговли С. И. Тимашев³⁵. Умер Шпис в 1926 г.

Георг Шпис обладал выдающимся управленческим талантом, отличаясь знанием деталей, энтузиазмом и организаторскими способностями. При этом у него были и отрицательные качества – непомерное честолюбие и склонность к спекуляциям. Словом, он являлся типичным представителем эпохи грюндерства.

Вальтер Марк (1873–1950)

Вальтер Марк с 1893 г. был членом дома Вогар и одноименного концерна. Происходили Марки из города Арользен, где были придворными факторами князя Вальдека³⁶. В конце XVIII в. они переселились в Россию. Брачные узы тесно связали их с Людвигом Штиглицем, основателем Российского государственного банка. От Альберта Карла (1794–1850) и Филиппа Августа (1804–1876) пошли две важнейшие семейные линии российских Марков³⁷.

³¹ См.: *Lebenserinnerungen von Robert C. Spies (Russischer Zweig)* // *Familien-Zeitung Spieß und Spies*. 1970. № 59. S. 241. Тут говорится, что Шпису предлагали пост наркома по нефти, но этого быть не могло, так как и поста такого не было, и иностранцу не доверили бы пост в правительстве. Тем не менее предложение работать специалистом-нефтяником (в рамках общего привлечения во время НЭПа бывших иностранных предпринимателей и специалистов) он вполне мог получить.

³² См.: *Zunkel F. Der Rheinisch-Westfälische Unternehmer 1834–1879. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Bürgertums im 19. Jahrhundert*. Köln-Opladen, 1962. S. 67.

³³ См.: *Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма* / Пер. с нем. М. Левиной. М., 2020.

³⁴ Письмо Гвиннера Моравицу от 24 ноября 1910 г. // *Historisches Archiv der Deutschen Bank. Sekretariat*. EPU. Akte 1633.

³⁵ Там же.

³⁶ *Schnee H. Die Hoffinanz und der moderne Staat. Geschichte und System der Hoffaktoren an deutschen Fürstenhöfen im Zeitalter des Absolutismus*. Berlin, 1955. Bd. 3. S. 87–93, особенно S. 88–89.

³⁷ Генеалогические данные о Марках и Штиглицах основаны на: *Heidsieck A. Die Arolser Familie Marc*. Bückeburg, 1956; и на генеалогическом древе Вогар: *Stammtafel von Wogau. Genealogisches Handbuch des Adels. Adelige Häuser B*. 1985. Bd. 16. S. 495 и далее.

Фирма Альберта Марка стала первым крупным коммерческим предприятием семьи Марк в России³⁸.

Еврейские корни уже, видимо, не играли для Марка большой роли. Как и Штиглицы, Марки приняли христианство еще в XVIII – начале XIX в.

С 1850-х гг. Марки породнились с членами семьи Вогау и другими семьями этого торгового дома, например с Шумахером и Рюхардтом, а затем начались и их деловые взаимоотношения. Вообще в ходе своей почти столетней истории (1840–1918) фирма «Вогау и К°» достигла в Российской империи поистине удивительного размаха.

Дом Вогау развивался в нескольких направлениях: изначально, в 1840–1860-х гг., компания росла за счет импорта чая и хлопка-сырца. В 1865 г. дом вложил средства в свое первое промышленное предприятие, бумажную фабрику Говарда, после чего в 1870–1890-е гг. последовали многочисленные инвестиции в сахарную, металлургическую, а в особенности в медную, содохимическую, текстильную, цементную и нефтяную отрасли. В Москве и Лондоне у него был собственный банкирский дом. К 1914 г. «Вогау и К°» были в России одним из крупнейших предприятий, в которое полноправно и активно входила семья Марк. Более того, «Вогау и К°» оставалась под самым непосредственным контролем семьи. Все остальные совладельцы в первую очередь происходили из семей фон Вогау и Марк. После смерти Карла Генриха фон Вогау в 1870 г. в фирму вошел совладельцем Мориц Марк (1873). Членами компании были Максимилиан (1853–1895), Отто Вогау (1844–1904), Гуго Марк (1869–1918) и, наконец, с 1900 г. Вальтер, брат Гуго. По второй линии туда входили семьи Шумахер, Банза, Герман и Рюхардт, опять-таки состоявшие в близком родстве с фон Вогау и Марками.

Семья Марк прижилась в России и активно участвовала в общественной жизни. Ее члены поддерживали социальные учреждения, например Евангелическое общество вспомоществования и др., причем не только финансово.

Первая мировая война и революция привели к серьезным последствиям для «Вогау и К°» и дома Марка. Война, антинемецкие погромы и антинемецкое законодательство обременяли компанию Вогау и материально, и психологически. Революция положила конец торговому дому «Вогау и К°», в результате почти все связанные с Вогау семейства России покинули страну, чем окончательно завершилось пребывание там и Марка³⁹. С остатками состояния – в особенности Лондонского банка и компенсации Германской империи⁴⁰ – они начали заново, создав в тяжелых экономических и политических условиях, в каких жила в 1920-е гг. побежденная Германия, компанию БРАМАРКО.

Мемуары Вальтера Марка были написаны в 1942 г. по инициативе его тетки Фанни Рюхардт⁴¹ и повествуют о его жизни начиная с детства в России и Германии, о его деятельности в фирме «Вогау и К°» в России в эпоху экономического подъема.

³⁸ См.: *Нистрем К. М.* Адрес-календарь жителей Москвы. М., 1846; То же. М., 1849. Ч. 2. С. XIII. Жил А. Марк в районе Мясницкой улицы.

³⁹ Исключение составлял Максим Гугович Марк (1895–1938), сын Гуго Марка; он восторженно приветствовал революцию, занимался научной работой, а в 1930-х гг. возглавлял кафедру радиоприемных устройств в Инженерно-технической академии связи. В 1938 г. он пал жертвой репрессий, в 1996 г. реабилитирован. См.: *Petrov Ju. A.* Das Handelshaus Wogau & Co. in Moskau, Eine grosse Zukunft // *Deutsche in Russlands Wirtschaft*. М.; Berlin, 2000. S. 168, 174.

⁴⁰ По соглашению между Германией и Россией 27 августа 1918 г. был создан особый фонд, из которого совладельцы дома Вогау до ноября 1918 г. получили 3,7 млн руб. (Макс фон Вогау – 2 млн, Рюхардт – 1,4 млн, Гуго Марк – 255 тыс. руб.) по довоенному курсу, то есть ок. 7 млн марок. См.: *Petrov Ju. A.* Op. cit. S. 408.

⁴¹ Фанни фон Вогау (1854–1946), дочь Карла Генриха фон Вогау, была замужем за Георгом Рюхардтом (1851–1922).

Андреас Ценкер (Андрей Иосифович; 1855–1928)

Семья Ценкер родом из Богемии. Первый из Ценкеров, Андреас (1764–1838), стекольщик по профессии, приехал в Москву еще во второй половине XVIII в. По-видимому, семья сумела быстро достичь успеха, ведь уже около 1810 г. Ценкеры принадлежали к числу крупнейших немецких купцов в России. В первой половине XIX в. Ценкеры стали одним из ведущих банкирских домов Москвы. Поэтому Андреас Ценкер, активно действовавший в 1880–1917 гг., очень хорошо ориентировался в российской деловой жизни и в финансовой элите – по его словам, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения занятых там людей. Сам мемуарист в 1890-е г. возглавлял частный банк «Ценкер и К°», а затем, перейдя в крупный Санкт-Петербургский международный коммерческий банк, сделал свой банк его московским филиалом. В результате он расширил собственный кругозор.

Ценкер рассказывает об эпохе роста российской экономики и, так сказать, на своем материале анализирует экономическое развитие России.

Судьба сурово обошлась с ним. Подобно другим очень состоятельным российским предпринимателям, он поневоле оказался в других географических и материально худших обстоятельствах. Несмотря на немецкое происхождение, он тоже считал себя эмигрантом. Финляндское гражданство, которое Ценкеры имели с 1830-х гг., уже отрезало их от немецких корней. Следует отметить, что свои письма Ценкер писал в 1926 г. из Парижа. В 1920-м он, одолев немало препон, выехал из России и поселился там. Причина однозначна: в Париже (прежде всего в XVI округе) проживало большинство его знакомых, в том числе Рабенек и Путилов. Потомки его остались в Париже, стали адвокатами, как, например, внук Константин. Опубликовать свои воспоминания Андреас Ценкер не успел, в 1928 г. он скончался в Париже. Примечательно, что на могильной плите в Париже отсутствует дворянская частица. Он и сам почти ею не пользуется, вероятно, как и многие другие дворяне-предприниматели, не придавая ей большого значения.

Многие особенности экономики, для которой весьма характерен жесткий контроль государства при наличии чиновно-бюрократического управления, каковое действовало не слишком эффективно, выступают в рассказе Ценкера весьма ярко и выразительно. Например, он упоминает важную роль государства в строительстве железных дорог и в финансовой политике.

Письма Андреаса Ценкера Георгу Шпису 1926 г. впервые были опубликованы по-немецки в 2004 г.⁴² В них Ценкер описывает свою семью и свое предприятие, а далее речь идет о развитии отдельных отраслей российской экономики.

На первом месте у него банки, затем идет строительство железных дорог, с которыми банки по причине выдачи кредитов были тесно связаны, затем – текстиль, экспорт зерна, сахар, импорт чая, сельское хозяйство, химия, металлургия, электротехника, а также нефть. Становится ясно, что главную роль играли текстильная промышленность, сахарорафинадная отрасль и экспорт зерна. В особенности заметен быстрый рост нефтедобычи.

Он также учитывает национальные группы в экономике – немцев, англичан, французов, итальянцев, армян, евреев и греков.

Местами повествование прерывают или дополняют общие рассуждения, содержащие замечания касательно большевиков, нуворишей, а порой и антисемитские высказывания. Публикатор не разделяет взгляды Ценкера, но информация о них может представлять интерес для исследователей антисемитизма.

---

⁴² Sartor W. Das Handelshaus Spies. Die deutsche Unternehmerfamilie Spies in Russland und Europa 1846–1918: Ein internationales Unternehmen um die Jahrhundertwende // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1996. № 2. S. 147–178.

Определенную роль в антисемитизме Ценкера, вероятно, сыграл чрезвычайно негативный личный опыт в годы революции, которой, как он считал, во многом руководили евреи. Вообще, именно революция была причиной усиления подобных тенденций в России, и к таким же негативным последствиям в Германии привело ее поражение в Первой мировой войне.

Путь писем был весьма сложен: судя по всему, от Георга Шписа, скончавшегося в том же 1926 г., они попали в Хельсинки к Бруно Шпису, его племяннику, работавшему в этом городе. Бруно Шпис в свою очередь передал их вместе с другими материалами, относящимися к комплексу запланированной истории предприятия Шписов, Эрику Амбургеру (1907–2001), крупному специалисту по истории российских предпринимателей. Эрик Амбургер передал письма публикатору.

Воспоминания Георга Шписа, Вальтера Марка и Андреаса Ценкера были по отдельности изданы Вольфгангом Сартором в 2002–2004 гг.⁴³ Теперь русские переводы объединены в один том. За возможность такой публикации хочу поблагодарить московское издательство «Новое литературное обозрение», в особенности А. И. Рейтблата. Следует назвать и имя Михаила Белопухова, который в 2000-е гг. отредактировал и сверстал переведенные в настоящем сборнике немецкоязычные издания публикуемых мемуаров.

Вольфганг Сартор

---

⁴³ *Spies G. Erinnerungen eines Ausland-Deutschen / Nach der Original-Ausgabe von 1926 und dem nachgelassenen Original-Manuskript bearbeitet und neu herausgegeben von Wolfgang Sartor. St. Petersburg: Olearius Press, 2002; Marc W. Erinnerungen eines Unternehmers im Moskauer Wogau-Konzern / Herausgegeben von Wolfgang Sartor und Elisabeth Edle von Seyfried. St. Petersburg: Olearius Press, 2004; Zenker A. Geschäftiges Russland: Erinnerungen eines Bankiers / Hrsg. und kommentiert von Wolfgang Sartor. St. Petersburg: Olearius Press, 2004.*

ГЕОРГ ШПИС ВОСПОМИНАНИЯ РОССИЙСКОГО НЕМЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО В МОСКВЕ. 1861–1874

1. Дед Купфер

Мне и моим сестрам выпала на долю поистине счастливая юность. Суровость и строгость нашего отца компенсировались безграничной добротой и мягкостью матери, а дед наш по материнской линии был нам товарищем и другом. Поэтому детские души наши исполнены были удивительной гармонии.

Дед мой, Людвиг Купфер (1801–1888), родился 13 февраля 1801 года в Митаве⁴⁴ в многодетной семье, насчитывавшей пятнадцать детей. Его предок Кристоф Купфер в XVII веке прибыл в Курляндию из небольшого местечка Тюннингк под Майсеном в Саксонии⁴⁵ и дал своей новой родине множество пасторов и купцов, России же нескольких выдающихся ученых. Член Петербургской академии наук Адольф Яковлевич Купфер (1799–1865), друг Александра Гумбольдта, был старшим братом моего деда⁴⁶.

Последний, рано осиротев и оказавшись на попечении своего старшего брата, купца, жившего в Митаве, из-за стесненных материальных условий, несмотря на художественные задатки, тоже принужден был посвятить себя коммерции. Он оставил нам свою рукописную автобиографию, копию которой я привожу в приложении⁴⁷. Она обрывается на его женитьбе, и поэтому я счел своим долгом дополнить рукопись.

Его брак с моей бабушкой Луизой (урожденной Тидеманн из Гольдингена в Курляндии)⁴⁸, родившей ему двух сыновей и трех дочерей, оказался несчастливym. Я мог заключить это из того обстоятельства, что наша матушка, которая была воплощением любви, крайне редко упоминала о своей матери, дед же никогда не произносил имени своей спутницы жизни. Я даже думаю, что она изрядно помучила нашего дорогого дедушку, как это часто случается с записными красавицами, а она, судя по портрету, была необыкновенно хороша.

Особенно мучительными для ее окружения оказались, судя по всему, ее последние годы, после того как два несчастья, обрушившиеся на семью Купфер, подорвали ее душевное здоровье. В 1848 году холера унесла жизнь ее старшего сына, а за несколько лет до этого его маленький брат умер страшной смертью на глазах матери. Она ехала с ним в своей карете, и мальчик стоял, по-видимому прислонившись к дверце. Внезапно дверца случайно открылась, и ребенок так неудачно упал на землю, что задние колеса раздробили ему голову! Неудивительно, что после этой страшной трагедии моя бедная бабушка, которая к тому же была тогда беременна,

---

⁴⁴ Ныне г. Елгава в Латвии.

⁴⁵ Родословная семьи Купфер из Митавы в Курляндии (ныне Елгава в Латвии), позже переселившейся в Москву, берет свое начало в XIII в.

⁴⁶ Выдающимся ученым из этой семьи был только упомянутый физик-химик и метролог, академик А. Я. Купфер, можно упомянуть еще профессора чистой математики в Нежинском лицее Карла Генриха Купфера (1789–1838) и генерал-майора Фридриха Карловича Купфера (ок. 1832 – 1890), автора монографии «Военное обозрение Воронежской губернии» (СПб., 1863).

⁴⁷ Отыскать упомянутую автобиографию нам не удалось.

⁴⁸ Тидеманн Луиза Элизабет (1806–1854). Бракосочетание состоялось в 1830 г. в Риге. В свидетельстве о браке Л. Купфер назван купцом второй гильдии.

впала в меланхолию. Так что ее кончина, последовавшая вскоре после упомянутых событий, принесла, очевидно, облегчение не только ей, но и ее близким.

Ни я, ни мои старшие сестры не знали эту бабушку. Тем больший интерес возбуждала в нас прабабка, ее мать, фрау Тидеманн из Гольдингена⁴⁹. Ибо из уст нашей матушки мы слышали о ней весьма романтические замечания. Она, насколько мы поняли, была всеобщей любимицей, отличалась необыкновенной красотой и разъезжала по Курляндии, услаждая слух благородной публики игрой на арфе, пока не повстречала моего почтенного прадеда Тидеманна, который влюбился в нее до беспамятства и женился на ней. Я несколько не сомневаюсь в двух упомянутых завидных качествах прабабушки, так как они унаследованы были ее потомками: красота – моею матушкой и моей сестрой Адель⁵⁰, а музыкальные способности – несколькими членами нашей семьи⁵¹.

Как явствует из вышеупомянутой биографии моего деда, он обосновался в Москве в 1825 году. Его торговый дом «Людвиг Купфер», занимавшийся сначала экспортом российских промышленных товаров в Остзейские провинции, а потом импортом шелка-сырца, после Крымской войны в начале 50-х годов вошел в состав основанной моим отцом фирмы «Штукен и Шпис»⁵².

Импорт шелка-сырца привел моего деда и моего отца к тесному сотрудничеству с миланской фирмой «Милиус», а также с компанией «Александр Гонтард и сын» во Франкфурте-на-Майне. Вероятно, благодаря этому партнерству мой отец и стал консулом вольного города Франкфурт в Москве – тогда, во времена нашей политической раздробленности, каждый член Германского союза⁵³ почитал своим долгом иметь собственные консульские представительства.

Мой дед был вполне преуспевающим купцом, однако при всей его надежности и добросовестности ему все же недоставало коммерческого таланта и смелости, необходимых для серьезного успеха. Крымская война, неблагоприятно отразившаяся на русской денежной системе, испугала его. Он, как уже было сказано, предпочел передать дела своему зятю, то есть моему отцу, и, довольствуясь небольшим состоянием, посвятить себя дочерям и развитию своего главного дарования – таланта скульптора.

Для этой цели он в возрасте пятидесяти пяти лет отправился на несколько лет в Дрезден, чтобы работать под руководством Ритшеля⁵⁴, с которым его к тому же связывала тесная дружба. Правда, на его работах отчетливо видна печать дилетантизма: выполненные им многочисленные копии знаменитых шедевров были безупречны, те же произведения, в которых он выступал как автор, не оставляли сомнений в том, что он взялся за ваяние слишком поздно, уже на пороге старости. Впрочем, он и сам сознавал это, будучи необыкновенно, подкупающе скромным. Но ежедневный неутомимый труд ваяния, которому он предавался в Дрездене до конца жизни, даже уже почти девяностолетним старцем, приносил ему удовлетворение и счастье, дополняемое радостью общения со старшими дочерьми, моей матушкой и моей тетюшкой Софи, баронессой фон Шернваль. Это абсолютное взаимопонимание, эта полная душевная гармония и самоотверженная любовь между отцом и дочерьми были источником бесконечного блаженства для моей матушки; оно стало также основой нашей замечательной, столь богатой нравственными ценностями семейной жизни. Едва ли можно выразить любовь, которую моя

---

⁴⁹ Тидеманн (урожд. Хертель) София Элизабет Шарлотта.

⁵⁰ Адель (1855–1929), жена московского купца Гуго фон Вогау.

⁵¹ В третьем поколении семьи Шпис, жившем в России, было несколько музыкантов, родившихся в Москве или Петербурге.

⁵² Фирма «Штукен и Шпис» была основана 1 января 1856 г.

⁵³ Германский союз – объединение независимых германских государств и вольных городов, существовавшее в 1815–1866 гг.

⁵⁴ Ритшель Эрнст Фридрих Август (1804–1861) – живописец и скульптор, профессор Академии художеств в Дрездене.

мать питала к своему отцу, более проникновенно, более торжественно, чем словами, произнесенными ею на смертном одре: «Я умираю без сожаления, потому что вижу всех вас на верном пути, а еще потому, что скоро соединюсь с вашим дорогим дедушкой!»

В пору нашего детства дед был средоточием нашей семейной жизни, в значительной мере заменяя нам отца, который работал не покладая рук. Когда мы жили в Москве, он каждый вечер проводил с нами, курил свою сигару, пуская восхитительные облачка дыма. Надо отметить, впрочем, что качество его сигар постепенно ухудшалось, ибо наш добрый дедушка к старости, сам того не замечая, утратил вкус. Мы, мальчишки, каждый день, если у нас не было на уме иных проказ, навевались в его квартиру, отделенную от нас зимним садом, в расчете на *boule de gomme*⁵⁵ или пастилу с названием «девичья кожа». Или, когда его не было дома, по крайней мере пососать лакричную палочку, которой обычно услаждала себя его эконожка, добрая Мария Ивановна со своим единственным черным передним зубом, придававшим ей сходство со старой колдуньей. Она великодушно позволяла нам разделить с ней это лакомство. Гораздо более изысканными были дедушкины кулинарные улады, которые выпадали и на нашу долю в день его рождения. Он обычно устраивал настоящий парадный обед, включавший и великолепные сласти. Нам позволялось даже выпить немного вина, а именно подававшегося к десерту сладкого ривзальта⁵⁶. Торжества эти по обыкновению кончались для нас, детей, многодневными телесными муками: мы, привыкшие к простой и здоровой пище, только раз в году, в день рождения дедушки, благодаря его трогательному ходатайству получали неограниченную свободу относительно выбора кушаний, а также количества съедаемого и, разумеется, широко пользовались этой свободой. Подобно голодным шакалам набрасывались мы на пироги и пирожные, на горы конфет и шоколада. Неудивительно, что вся детвора уже в тот же вечер начинала мучиться животами.

Как я уже говорил, дедушка был нашим приятелем. С ним совершали мы прогулки по окрестностям, во время которых он приучал нас ценить красоты природы; с ним позже, в дрезденский период нашей жизни, путешествовали мы по Саксонской Швейцарии⁵⁷.

Мы любили слушать его рассказы о своей юности, которая прошла в Митаве. Ведь эти воспоминания включали и события, связанные с Освободительной войной⁵⁸! Одиннадцатилетним мальчишкой он стал свидетелем входа в Курляндию прусских войск, составлявших левое крыло армии Наполеона, с которой он пытался покорить Россию. Как известно, прусский контингент, к счастью, не участвовал в походе на Москву. Отношения между курляндцами и их бывшими соотечественниками сложились прекрасные. Затем, после бегства разбитой французской армии, прусаков сменило малокультурное русское воинство – казаки и вооруженные луками и стрелами калмыки. Так что наш дед еще в детстве имел возможность на собственном опыте увидеть чудовищные контрасты, которыми отличалась Российская империя.

Поведал он нам и о судьбоносном курьеже, в результате которого он стал коммерсантом. Ему тогда было четырнадцать лет. Брат его, ставший к тому времени и его опекуном, спросил однажды, не желает ли он отправиться на шесть лет в Ригу, чтобы стать учеником в «Торговом доме Бергенгрюн». А за несколько дней до этого в Митаву, в свой родной город, приехал погостить один из его кузенов, как раз проходивший обучение в упомянутом торговом доме. Юноша этот, облаченный в прекрасный зеленый фрак, рассказывал, что у Бергенгрюнов повсюду стоят мешки с изюмом и миндалем и он может есть их сколько душе угодно. И когда старший брат спросил деда, готов ли он отправиться в Ригу и посвятить себя коммерции, тот, вспомнив зеленый фрак и изюм с миндалем, не раздумывая, с радостью дал свое согласие.

⁵⁵ жевательную резинку (*фр.*).

⁵⁶ Ривзальт – марка французского вина.

⁵⁷ Саксонской Швейцарией называют германскую часть Эльбских Песчаниковых гор, находящуюся недалеко от Дрездена.

⁵⁸ Имеется в виду освобождение от власти Наполеона.

Мой дорогой незабвенный дедушка умер в 1888 году в Дрездене. Когда мои родители в 1874 году переселились туда из Москвы, он, уже 75-летний старец, проживший в России, на своей второй родине, почти полвека, не выдержал и последовал за своей любимой дочерью Юлией в Германию.

Его верность была щедро вознаграждена дочерней любовью.

2. Мой отец

Мой отец Юлиус Роберт Шпис, добившийся больших успехов в коммерции, родился в Эльберфельде 2 октября 1819 года. Это был человек широкой души и благородных помыслов. Мы потеряли его 23 сентября 1897 года.

Было бы несправедливо ограничиться лишь несколькими страницами, говоря о значении этого человека, к которому я питаю огромную любовь и глубочайшее уважение и которому обязан столь многим, человека, чья необыкновенно цельная личность была свободна от внутренних противоречий и которого можно было бы назвать «королевским коммерсантом». Я хотел бы – и надеюсь, что мне когда-нибудь удастся это сделать, – отразить масштаб его личности для наших потомков в более обширном жизнеописании. Здесь же речь пойдет лишь о влиянии, которое он оказал на наше детство и на нашу юность.

В детстве моем, проведенном в Москве, влияние это было не очень заметным и проявлялось, как правило, в виде суровых актов возмездия за те или иные прегрешения.

Рано осиротевший отец мой сам в детстве и отрочестве изведal немало горечи, будучи воспитан в необычайной строгости своею суровой, черствой сердцем сводной сестрой. И хотя он сам вкусил от горьких плодов спартанского воспитания, он все же был убежден в справедливости такой педагогики. К тому же он почитал своим долгом, когда того требовала необходимость, дополнять и уравнивать неиссякаемую доброту и мягкость нашей дорогой матушки посредством неумолимой строгости. Однако он всегда был справедлив.

И все же во время моего московского детства доверия и тем более горячей любви к отцу у меня не было. Безграничное уважение и даже восхищение им, а иногда и страх, когда мне случалось чем-нибудь прогневить его, – да, но подлинная детская любовь и сознание того, что и отец исполнен любви к нам, своим детям, постепенно пришли ко мне лишь на двенадцатом году жизни, когда мы были уже в Киссингене. Потому что в Москве у отца, почти все время поглощенного работой и возвращавшегося домой лишь к обеду (в пять часов пополудни), просто не было возможности заниматься своими маленькими разбойниками. А за обедом нам положено было помалкивать.

Мало приятного было в получении заслуженного наказания. Папа требовал от провинившегося, чтобы тот держал голову прямо и покорно принимал кару в виде увесистой оплеухи. В противном случае за каждую попытку увернуться его ждала дополнительная затрещина.

Две такие экзекуции я до сих пор не могу забыть.

Одна стала расплатой за воровство. Мне тогда было шесть или семь лет от роду. Моя сестра Генриетта⁵⁹, десятью годами старше меня, взяла меня с собой за покупками. К несчастью, одним из магазинов, которые она намеревалась посетить, была кондитерская «Эйнем»⁶⁰. Пока она была занята покупкой, я увидел на мраморном прилавке кучку конфет и маленьких шоколадок, выпавших из хрустальных ваз. Будучи весьма прожорлив, я не смог побороть соблазн и проворно отправил часть этих сокровищ в карманы. К сожалению, на мраморном прилавке не оказалось сливочных тянучек, которые я любил больше всех остальных лакомств;

---

⁵⁹ Шпис Генриетта (1851–1909), впоследствии жена московского купца Георга Фосса.

⁶⁰ Фирма «Эйнем», одна из популярнейших московских кондитерских, была основана в 1867 г. вюртембергцем Т. Эйнемом. После его смерти в 1876 г. его партнер Юлиус Хойс переименовал ее в «Эйнем. Товарищество паровой фабрики шоколада, конфет и чайных печений».

они величественно возлежали в своих хрустальных вазах, соблазнительно прекрасные, белые и коричневые. Мне не оставалось ничего другого, как встать на цыпочки и запустить руку в одну из этих вожделенных ваз. Тут-то меня и застучала Генриетта.

Я пристыжено убрал руку от запретного плода, втайне радуясь, что хоть чем-то успел поживиться, и, вернувшись домой, поскорее спрятал добычу в своем шкафчике.

Ни отчаянный рев, ни слезы, ни клятвенные заверения, что это больше никогда не повторится, мне не помогли. Вечером о моем преступлении было доложено папе, и тот, велев мне снять штаны, посредством хлыста раз и навсегда научил меня честности.

Этот урок оказался очень эффективным. Я потом несколько лет мучился угрызениями совести, вспоминая свой позорный поступок, а когда друг моего старшего брата Альберта⁶¹ (который к тому времени уже был в Германии) прошел в Москве обряд конфирмации, я с глазу на глаз спросил его, могу ли я надеяться, что мои грехи, совершенные до конфирмации, будут отпущены мне на небесах. И какова же была моя радость, когда он уверил меня, что мои надежды вполне обоснованны!

Следующим незабвенным актом отцовского правосудия я обязан был собственной глупости.

Мне тогда было лет семь или восемь. Мы с братом Альбертом учились в немецкой реформатской школе, располагавшейся во вновь отстроенной после пожара реформатской церкви⁶².

Будучи глупыми мальчишками, мы считали особым шиком по дороге в школу курить сигареты. В тот роковой день, уже подходя к школе, я прикурил вторую сигарету и, не желая выбрасывать еще довольно большой окуроч, чтобы докурить его после уроков, погасил его (как я полагал) в снегу и сунул в нагрудный карман своей шубы. В тот день мы сдавали устный экзамен, который начался с Закона Божия. Я как раз только что верно ответил на все вопросы, заданные мне нашим добрым старым пастором Неффом⁶³, и без запинки прочел Символ веры, когда директора, господина Керкофа⁶⁴, неожиданно вызвали из класса. Возвратившись, он устремил на меня суровый осуждающий взгляд. Причина его сердитости мне была совершенно непонятна. «Что ему от меня нужно? – думал я. – Ведь я успешно выдержал экзамен. С какой стати ему гневаться на меня?»

После экзамена все разъяснилось самым нежелательным для меня образом. Окуроч мой не погас в снегу и прожег в шубе огромную дыру. Если бы это не было вовремя замечено, дело обернулось бы катастрофой – возможно, новым пожаром в церкви.

Разумеется, это тоже было расценено как злодейство с моей стороны. Господин Керкоф, знавший суровый нрав моего отца, предпочел не сам выступить в роли карающей десницы, а уступить эту роль моему родителю и отправил его дерзкого отпрыска домой с обгоревшей шубой и соответствующим письмом.

Как всегда в подобных случаях, я надеялся найти защиту у матушки, но той, как назло, дома не оказалось, зато папа совершенно неожиданно явился домой раньше обычного. У меня не хватило смелости вручить ему письмо. «Мама, верно, как-нибудь поможет», – подумал я. Однако, когда она вернулась и я, не без труда улучив момент, принялся в слезах умолять ее скрыть произошедшее от папы, она справедливо отказалась от соучастия в заговоре и дала делу законный ход.

Прочитав письмо Керкофа и выслушав мою исповедь, папа сказал приблизительно следующее:

---

⁶¹ Шпис Альберт (1858–1930), табачный фабрикант, имевший фабрики в Петербурге, Дрездене и Гельсингфорсе.

⁶² Роберт Юлиус Шпис был активным членом совета реформатской церкви в Москве.

⁶³ Пастор реформатской школы в Москве Нефф приехал в Россию из Швейцарии в 1846 г. и умер в Москве в 1886 г. (см.: Moskauer Deutsche Zeitung. 23.11.1886. S. 1167–1168).

⁶⁴ Супруги Керкоф основали реформатскую школу в Москве в 1874 г. Роберт Шпис пожертвовал на это 500 рублей (см.: Berichte des Kirchenrathes der Evangelisch-Reformierten Kirche 1874. Moskau, 1875. S. 4–5).

– То, что ты, глупый мальчишка, посмел курить, еще полбеды; я сам грешил этим в детстве. А вот то, что у тебя не хватило смелости сразу же отдать мне письмо, заслуживает наказания... – Тут он влепил мне первую пощечину. – И откуда у тебя вообще сигареты? – продолжал он допрос.

– От Альберта, – признался я, и брат в ту же секунду получил свою порцию, хотя он и не прожигал дыру в шубе и не утаивал писем.

Эта маленькая непоследовательность отца имела для меня весьма неприятные последствия. Потому что потом, оставшись наедине с братом, я получил еще более щедрую награду за свои подвиги.

3. Моя мать

К нашей матушке мы испытывали глубокую, нежную привязанность. Она любила нас жертвенной любовью, и доброта ее была настолько велика, что у нее никогда не было врагов, а этим могут похвастать лишь очень немногие.

Когда мама родилась – 9/21 августа 1831 г. (умерла она в Дрездене 6 октября 1895 г.), – родители ее жили еще в центре Москвы, который только в течение последней трети века приобрел ярко выраженный городской характер.

Это был старинный боярский дом на Варварке, почти напротив сохранившихся палат Романовых, возникшей еще в Средневековье усадьбы, в которой когда-то жили представители последней царской династии.

Судьбе было угодно, чтобы шестьдесят лет спустя я открыл свою контору именно там, где мама впервые увидела свет Божий, – в построенном к тому времени Торговом доме Московского купеческого общества⁶⁵. От него открывался прекрасный вид на город: справа Варварка, часть кремлевской стены со своими башнями и зубцами, а у подножья Кремля московский Трастевере⁶⁶ – расположенный по ту сторону Москвы-реки район, центр русского купечества и старообрядчества.

Позже дедушка с бабушкой переехали на Садовую, часть бульварного кольца, огибающую районы севернее Москвы-реки. Там и прошла мамина молодость.

Самое раннее ее воспоминание связано с путешествием в Карлсбад в 1834 году. Ее родители отправились туда по совету докторов, чтобы бабушка могла поправить здоровье, и взяли с собой четырехлетнюю дочь. Путешествие было долгим – только до Берлина они добирались три недели – и утомительным, поскольку ехать приходилось через литовские леса и гати.

Все остальные воспоминания маленькой Юлии об этом путешествии вытеснила радость, испытанная ею по возвращении от свидания со своей куклой. Уезжая, она уложила ее в кроватку и велела спать, пока она не вернется. Возвратившись же домой, она тотчас поспешила к своей кукле, чтобы поскорее разбудить ее. Вскоре послышался ее радостный голос, которым она сообщила маме, что кукла за время ее отсутствия родила ребеночка. Правда, через минуту выяснилось, что счастливой мамашей стала не кукла, а мышь, обосновавшаяся в ее кроватке.

Воспитание, которые получали девушки из приличных семей в 30-е и 40-е годы в России, разумеется, было домашним и с современной точки зрения не отличалось разносторонностью: много Закона Божьего, немного арифметики, немецкий, французский и русский языки, музыка, танцы и рисование. С этим скромным багажом знаний и умений девушка шестнадцати или семнадцати лет считалась готовой к замужеству. Я не знаю, в каком объеме изучали они – и изучали ли вообще – историю и географию. Во всяком случае, наша дорогая матушка рас-

---

⁶⁵ Современный адрес: Малый Черкасский переулок, д. 2.

⁶⁶ Трастевере (*итал.* *trastevere* от *лат.* *trans Tiberim* – «за Тибром») – район средневековых улочек на западном берегу Тибра в Риме.

полагала весьма скудными познаниями в географии, а ее осведомленность в мировой истории можно уподобить торчащей из безбрежного моря неведения скале с начертанными на ней именами римских царей. Услышав имена Ромула и Рема, наша матушка тотчас могла без запинки перечислить всех семерых римских царей. Упомянуть же Нуму Помпилия или Анка Марция и тем более спрашивать ее, когда эти господа жили, было совершенно бесполезно.

В шестнадцать лет мама была обручена, в семнадцать вышла замуж⁶⁷, в восемнадцать стала матерью и затем родила еще одиннадцать детей, двое из которых рано умерли. Двенадцатый ребенок родился мертвым. Поскольку мама к моменту обручения еще не прошла конфирмацию, ей, чтобы выйти замуж, пришлось подвергнуться этой процедуре в экстренном порядке, под видом «неизлечимо больной и обреченной на смерть». До первых родов матушка тайком играла в куклы.

Письмо, которое написал ей папа по случаю помолвки, у меня, к сожалению, не сохранилось: его вместе с другими документами из нашего семейного архива забрали в Петербурге большевики. Оно дышит безграничной нежностью и благоговением к избраннице сердца и проникнуто духом романтизма, не имеющего ничего общего с сегодняшними представлениями о любви.

Впрочем, моему отцу даже в качестве жениха не чужд был определенный практицизм. Так, он потребовал, к изумлению и огорчению своей будущей тещи, чтобы невеста проявила способности к рукоделию и своими руками сшила себе свадебное платье. Ситуация была не из приятных, так как воспитательная программа юных барышень не включала развитие подобных навыков. Фройляйн Юлия вышла из положения, распоров свое старое платье и изготовив по нему выкройку нового, которое и сшила из нового материала. А заодно освоила начальные навыки швейного мастерства.

Мама была среднего роста, имела темные волосы, удивительный цвет кожи и очень тонкие черты лица. Однако ее душевные качества превосходили ее внешние достоинства и необыкновенное обаяние. Есть люди, благопристойное и безупречное поведение которых является следствием хорошего воспитания или – что еще ценнее – самовоспитания, потому что в последнем случае они повинуются собственной воле. Мама же была по натуре своей добра и справедлива и действовала, подчиняясь собственной натуре; она вообще не могла вести себя иначе, подобно тому, как, скажем, фиалка не может перестать быть синей.

Мама была глубоко религиозна. Ее естественной, по-детски наивной религиозности был совершенно чужд фанатизм. Насколько не критичным было ее отношение к Богу, я узнал, когда готовился к конфирмации, то есть когда ей уже исполнилось сорок пять лет. Она спросила меня, существует ли на самом деле дьявол, и с явным облегчением приняла мой отрицательный ответ, обоснованный замечанием, что всемогущество Бога исключает существование дьявола.

Мама обладала простым природным умом, который, однако, не получил должного развития, да и вряд ли мог бы получить его в силу ее не критичного восприятия мира. Ей претило все сложное, проблематичное. Поэтому всеми полученными нами духовными импульсами мы обязаны не ей, а исключительно отцу, а младшие из нас еще и моей дорогой и незабвенной сестре Юлии⁶⁸.

Зато мамино влияние на нашу душевную жизнь оказалось очень глубоким и необыкновенно благотворным. Она сделала из нас порядочных людей своим личным примером, своей

---

⁶⁷ Брак Роберта Шписа с Юлией Купфер, заключенный 18 сентября 1848 г., укрепил деловые связи Шписа с домом Купфер. Вильгельм Штукен (1820–1895), партнер Роберта Шписа, к тому же женился на сестре Юлии, Софи Купфер (см.: *Namentliches Verzeichnis der im Jahre 1848 Getauften, Confirmirten, Getrauten und Gestorbenen bei der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauli-Kirche in Moskau nebst Rechnungs- Auszügen über Einnahme und Ausgabe der Kirchen-, Schulen und Armen-Kasse u. der des Aller'schen Hauses und einem kurzen Schulbericht. Moskau, 1849. S. 9).*

⁶⁸ Шпис Юлия (1853–1924) – сестра Г. Шписа, впоследствии жена профессора, доктора филологии Карла Майхофа, гимназического учителя Г. Шписа в Дрездене.

добротой, мягкостью и любовью. Не думаю, чтобы все дети в нашей семье были порядочными от природы; во всяком случае, о себе я этого сказать никак не могу. Правда, я с самого начала был очень чувствительным и впечатлительным ребенком, что не мешало мне быть проказником, ловким и изворотливым малым и к тому же мастером притворства.

Посредством этих предосудительных качеств я, еще будучи малышом, постыднейшим образом злоупотреблял добротой матушки.

Так, например, я лежал однажды в кровати, после того как матушка «приняла» мою вечернюю молитву, и даже не думал засыпать, когда она вдруг еще раз заглянула вместе с Генриеттой в детскую, чтобы удостовериться, что все малыши уснули. Я мгновенно закрыл глаза, сложил руки на груди поверх одеяла и сделал смиренно-невинную мину. Матушка умиленно прошептала Генриетте: «Ты только посмотри – какой славный мальчик!»

В другой раз я прибегнул к еще более гнусному обману, оригинальности которого, впрочем, не могу не отдать должное и сегодня. Я не выучил уроки и, чтобы не идти в школу, притворился больным. Тем более что это было так заманчиво – немного «поболеть» дома. Во-первых, больному полагалось особое питание, например вкусный куриный бульон, курочка с рисом. Во-вторых, – и это главное – кровать больного перемещали в мамину спальню, так что можно было полдня болтать с дорогой мамочкой и слушать сказки и истории, например «Мальхен и вязальная спица»⁶⁹.

Итак, притворившись больным, я успешно изобразил ужасные боли в животе. Мне удалось внушить матушке чувство глубокой жалости, и, чтобы избавить меня от страданий, она решила прибегнуть к касторке, которую я, мягко выражаясь, не жаловал. Это решение противоречило моим планам. Но, как говорится, голь на выдумки хитра. Как только матушка отлучилась из комнаты, я, недолго думая, вылил касторку в свой ночной горшок, присовокупил к содержимому свой совершенно нормальный стул, и мама, вернувшись, с удовлетворением констатировала положительный результат лечения.

4. Братья и сестры

Потребовалось бы много места, чтобы подробно рассказать обо всех моих десяти братьях и сестрах. Между нами сложились прекрасные отношения, и узы братской любви, связывавшие нас, успешно выдержали все жизненные испытания.

Правда, в детстве братская любовь не всегда способна была преодолеть наш эгоизм. Особенно ярко это проявилось, когда Адель слегла с «нервной горячкой», как тогда называли тиф⁷⁰. Мы, трое ее братьев, не придумали ничего лучше, как прилипнуть к стеклянному шкафчику с разными безделушками и затеять дискуссию, кому что достанется из «наследства» сестры в случае ее смерти.

И когда смерть и в самом деле вырвала из наших рядов с детства страдавшего болезнью сердца Роберта⁷¹ на двадцать четвертом году его жизни, я, несмотря на свои двенадцать лет, странным образом недолго предавался скорби о нем. По-видимому, душа ребенка все же просыпается гораздо позже, чем предполагают взрослые.

---

⁶⁹ Сказка из книги: *Glatz J. Die erzählende Mutter, oder kurze Geschichten für Kinder von zwei bis vier Jahren. Leipzig, 1811. Bd. 2.*

⁷⁰ Автор ошибается. Так в XVIII–XIX вв. называли заболевание, вызванное сильным стрессом, сопровождающимся резким повышением температуры и лихорадкой.

⁷¹ Шпис Роберт (1850–1873).

5. Наш московский дом

Если отвлечься от этой единственной мрачной тени, которая легла на нашу семейную жизнь, все детство наше сияло подобно безоблачному, залитому солнцем небосклону. Местом действия этой идиллии стал приобретенный отцом вскоре после моего рождения – а я родился 8 декабря 1861 года по новому стилю – городской дом, в котором по тогдашним обычаям имелись и конторские помещения. Он находится в боковой улочке Маросейки, а именно в переулке с труднопроизносимым для иностранца названием Спасоглинищевский. Переулок этот спускается в одну из низин, образуемых пресловутыми семью холмами (Москву часто называют «городом на семи холмах»). Так что мы, дети, стали счастливыми обладателями великолепной естественной катальной горки, которую представлял собой наш двор.

Это здание когда-то принадлежало одному старинному русскому дворянскому роду⁷² и, поскольку было выстроено из камня, уцелело во время великого пожара 1812 года. В бельэтаже были устроены вестибюль, комната для моих взрослых сестер, большой зал (обязательный атрибут русских домов), мужская гостиная, комната для гостей (так называемая Штукенская комната), а позже зимний сад, соединявший наши апартаменты с квартирой деда Купфера. В верхнем этаже (имевшем отдельный вход) располагались помещения торгового дома «Штукен и Шпис», в том числе кабинет моего отца, из окон которого за садами наших соседей Боткина⁷³ и Гучкова (сын которого в 1917 г. в Пскове принял отречение Николая II)⁷⁴ открывался прекрасный вид на холмистый городской пейзаж в сторону долины Яузы. Первый этаж занимали многочисленные, обставленные в старомодном стиле хозяйственные помещения и жилые комнаты прислуги (тоже неотъемлемая часть русских домов), «черная» кухня (для слуг) и, наконец, множество каморок, в одной из которых мой брат Альберт (друг животных) разместил своих горлиц, кроликов и прочую живность.

К этому зданию был пристроен под прямым углом двухэтажный деревянный флигель с остальными жилыми помещениями: гостиными, спальнями и прочими комнатами и «белой» кухней (для господ).

Все это было по внутреннему периметру участка окружено широкой дорожкой. Между этой дорожкой с одной стороны и вышеописанным комплексом построек с другой располагался очаровательный сад, главное место наших детских игр и прогулок.

Однако это еще не все постройки, находившиеся на участке. Вдоль улицы, то есть параллельно главному корпусу, стоял еще один двухэтажный жилой дом, в котором после замужества (1869) поселилась моя сестра Генриетта Фосс; к нему примыкали, уходя вниз по склону холма, каретный сарай и конюшня. Наконец, за садом, на всю длину участка, были построены обширные складские помещения, в которых хранились тюки с хлопком и сахар в бочках. Почти каждый день во двор въезжали несколько саней – иногда целый караван! – и, обогнув дом, направлялись к складам, чтобы разгрузить привезенное добро или забрать уже проданные товары.

---

⁷² Здание было построено в конце XVIII в. коммерции советником А. Я. Уваровым. Потом им владели И. В. Кусов, затем Усачевы, позднее Императорское Человеколюбивое общество. От него здание перешло в собственность Роберта Шписа (см.: *Романюк С.* Из истории московских переулков. М., 2000. С. 299).

⁷³ Боткины – известные русские частоторговцы. После смерти основателя фирмы Петра Кононовича Боткина (1781–1853) она была преобразована в торговый дом «Петра Боткина сыновья», владельцами которого стали братья Василий (1812–1869), Дмитрий (1829–1889), Петр (1831–1907) и Михаил (1839–1914) Боткины. Кто из них жил рядом со Шписом, установить не удалось.

⁷⁴ Имеются в виду Иван Ефимович Гучков (1833–1904), совладелец торгового дома «Гучкова Ефима сыновья», и его сын Александр Иванович Гучков (1862–1936), председатель III Государственной думы (1910–1911). 2 марта 1917 г. он вместе с В. В. Шульгиным принял отречение Николая II от престола; после Февральской революции 1917 г. был во Временном правительстве с марта по май военным и морским министром.

Так что я с детства чувствовал живой пульс торговой жизни. Я рано полюбил движение, кипучую деятельность – вещи, ставшие позже неотъемлемой частью и моей жизни.

Конечно же, склады были самым любимым местом наших игр. Ибо что может быть прекраснее, чем, ускользнув из-под надзора гувернантки, карабкаться по штабелям тюков с хлопком или прятаться между бочками с сахаром? Немало хлопот доставили мы заведующему складом Якову Семеновичу Лопатину, который потом, тридцать лет спустя, верно служил и мне, уже в другой должности.

Отцовская контора предлагала развлечения другого рода. С кассиром, господином Трепфаном, у нас, конечно, было мало точек соприкосновения, зато толстый добродушный главный бухгалтер, господин Люэр, виртуозно и с любовью точивший гусиные перья, пользовался у нас особой популярностью. Ведь тогда, в 60-е годы, еще не было стальных перьев и прочих ухищрений, с помощью которых сегодня облегчают жизнь нерадивым и бестолковым ученикам в торговых домах. А поскольку папа заботился о том, чтобы у нас был приличный почерк, мы закладывали основы сей важной канцелярской премудрости под руководством приветливого и отзывчивого господина Люэра.

Однако отнюдь не секреты каллиграфии были главной причиной, по которой нас тянуло наверх, в контору. Гораздо больше нас привлекала комната с образцами, куда мы тайком пробирались по воскресеньям, когда там не было служащих, а папа работал в своем кабинете в другом крыле здания. Образцы хлопка нас, разумеется, не интересовали. Куда более занятыми казались нам коробочки с кошенилью, из которой можно было сделать очень красивые чернила. Главным же предметом нашего вожделения был стол, уставленный множеством круглых картонных коробок с сахарным песком, граммов по сто в каждой. Открыв такую коробку, мы просто высыпали себе в рот внушительную часть ее содержимого.

Я не помню, чтобы воспринимал подобные действия как воровство. Может, потому, что нас ни разу не застукали за этим занятием и не вернули насильственно на стезю добродетели. А может, потому, что мы не рассматривали съеденный украдкой сахар как «чужую» собственность.

Мне кажется сегодня, что наша тогдашняя прожорливость и гипертрофированная тяга к сладкому объясняются спартанской простотой нашего меню и очень распространенным в то время предубеждением в отношении сахара, основанным на неверной оценке его питательной ценности. Сахар считали излишеством и старались не приучать детей к этому «предмету роскоши».

6. Поездки отца в Киев

На всю жизнь запомнилась нам еще одна деталь нашей семейной жизни: каждый год в феврале папа отправлялся в Киев на так называемые контракты, то есть на ежегодную сахарную ярмарку в Киеве, важнейшем центре российской сахарной промышленности. Украинские сахарные фабрики к тому времени заканчивали переработку сахарной свеклы, и рафинадные заводы заключали свои годовые контракты на поставку сахара-сырца. Отсюда и пошло это название ярмарки⁷⁵.

Надо заметить, что путешествие в Киев зимой было весьма непростым предприятием. Если в мою бытность в Москве поездка в Киев в комфортабельном спальном вагоне длилась всего двенадцать-четырнадцать часов, то папе в 60-е годы приходилось тащиться туда много дней на саних. Эти дорожные, соответствующим образом оснащенные крытые сани больше

---

⁷⁵ Киевская контрактная ярмарка действовала с 1797 по 1917 г. Название «контрактная» было связано с тем, что в основном сделки заключались не на наличный товар, а на его поставку по представленным на ярмарке образцам. Основным предметом торговли был хлеб, значительная роль принадлежала также продаже сахара и другой сельскохозяйственной продукции.

напоминали карету на полозьях и были внутри обшиты шкурами. Лошадей несколько раз меняли на почтовых станциях.

Для нас, детей, главным во всех этих путешествиях было то, что папа всегда привозил нам восхитительные засахаренные фрукты, которыми славился Киев.

7. Вилла в Сокольниках

Когда заканчивалась долгая зима, мы в мае переезжали в наш загородный дом в Сокольниках, пригородном дачном местечке на границе с сосновыми лесами, куда можно было добраться только на лошадях.

Этот дом в швейцарском стиле, расположенный в обширном саду, больше похожем на парк, отец в свое время купил у аптекаря Феррейна⁷⁶ за 7000 рублей, довольно незначительную по тем временам сумму. Правда, покупательная способность рубля тогда была совсем другой, гораздо выше, чем может показаться сегодня. На фронтоне широко раскинувшейся и очень аппетитной на вид виллы были вырезана надпись, сделанная большими буквами: «An Gottes Segen ist alles gelegen» [«Все зависит от Божьего благословения»], которую оставил и следующий, русский владелец виллы.

Будучи большим любителем цветов и садоводства, папа много сделал для обустройства и украшения виллы. Он велел сделать оранжереи и посадить плодовые деревья и кустарники, и все это содержалось в образцовом порядке. Любимым его занятием и отдыхом было собственноручно, с садовыми ножницами и ножовкой, ухаживать за своим детищем.

Нас, детей, больше интересовал фруктовый сад со своими многочисленными стройными шперенгами кустов малины, земляники и крыжовника, а также огород, где мы лакомились великолепными маленькими огурцами, досадуя на то, что нам не добраться до вишни, вызревавшей в недоступных для нас, сорванцов, теплицах, – ведь холодный московский климат исключает зимовку вишневых деревьев под открытым небом.

8. Дядюшка Кнут Шернваль

С Сокольниками связано одно из самых ранних моих воспоминаний: визит маминого зятя, дяди Кнута фон Шернваля⁷⁷, который жил в Петербурге и однажды побывал у нас в гостях.

Ему, как высокопоставленному чиновнику, полагалась роскошная карета с гербами, на которой он и прибыл к нам в Сокольники. И когда наше семейство в полном составе выстроилось на веранде для встречи высокого гостя, я, увидев лакея в ливрее, обшитой золотым галуном, и, видимо, полагая, что такое богатое платье может носить только император, вскричал: «А на козлах сидит император!»

Этот дядюшка в 50-х годах приступом взял младшую сестру мамы, тетюшку Софи, и увез ее в свое финляндское отечество. В то время он был военным инженером на службе у Николая I, занимался строительством южного участка железной дороги Петербург – Москва и стал свидетелем известной сцены, когда император, чтобы положить конец дискуссиям по поводу маршрута этой железнодорожной трассы, взял линейку, провел на карте линию, соединившую Петербург, Тверь и Москву, и приказал вести строительство именно по этой линии.

---

⁷⁶ Семья Феррейн владела большой аптекой на Николаевской улице в Москве, открытой в начале XVIII в. Возможно, Карл Феррейн (1802–1887) продал этот загородный дом Роберту Шпису.

⁷⁷ Шернваль Канут Адольф Людвиг фон (Канут Генрихович; 1819–1899), барон (1875) – начальник Российского управления железных дорог (1871–1877), член совета Министерства путей сообщения (1877–1889), председатель Управления казенных железных дорог (1881–1885).

Не понимая экономической ценности железной дороги, император хотел построить ее исключительно с одной целью – чтобы в случае восстания в бывшей столице как можно быстрее, кратчайшим путем перебросить туда гвардейские полки. Поэтому даже знаменитый торговый город Великий Новгород на озере Ильмень, который в Средние века имел огромное значение в качестве перевалочной базы Ганзы, остался далеко в стороне от новой железнодорожной линии. Николаевская железная дорога⁷⁸ стала одной из лучших в мире и выгодно отличается от всех построенных в России вслед за ней железных дорог, потому что при прокладке большинства из них качество было принесено в жертву предпринимательским интересам.

Когда я узнал дядюшку, он уже занимал высокое положение в Министерстве путей сообщения. Одной из его обязанностей было сопровождение императора Александра II во время его путешествий по России. Этот добрый и замечательный монарх, отменивший в 1861 году крепостное право в России и всегда благосклонно настроенный по отношению к отечеству моего дядюшки, соединенному с Российской империей лишь личной унией, в своей государственной деятельности в значительной мере опирался на немецко-балтийских и финских дворян. Оценил он также деловые качества и порядочность моего дядюшки и, я бы даже сказал, удостоил его своей дружбы, во всяком случае, благосклонности. Дядюшка Кнут, принадлежавший к финской знати со шведскими корнями, был возведен государем в баронское достоинство.

Когда император в 1881 году пал жертвой покушения нигилистов, на российский трон взошел его сын, Александр III, человек ограниченный, но с сильным характером. Его пагубная националистическая политика в конце концов привела к Первой мировой войне и гибели Российской империи.

Финляндия, несмотря на свою конституцию и особый государственно-правовой статус, тоже подверглась насильственной русификации. И тем не менее дядюшка Кнут верой и правдой служил и новому императору и дорого заплатил за свою верность: сопровождая его во время поездки по Украине, он серьезно пострадал во время покушения на царя на станции Борки. Это произошло, кажется, в 1886 или 1887 году⁷⁹. В свое наследное поместье Линднес в Финляндии он вернулся с тяжелыми увечьями.

9. Путешествие в Финляндию

Через несколько лет после того, как я принял лакея на козлах за императора Александра II, мне представился случай познакомиться со своими финляндскими родственниками в Линднесе, которые всегда были мне ближе всех остальных. Это было, кажется, летом 1868 года. Большая часть нашего семейства под предводительством дедушки Купфера совершила путешествие в Финляндию.

Сначала мы провели несколько дней в Петербурге, о котором у меня сохранились весьма смутные воспоминания. Больше всего меня поразила там степень избалованности Даниэля Штукена⁸⁰, сына папиного партнера, мальчика приблизительно одного возраста со мной. В отличие от моих крошечных и неказистых оловянных солдатиков, его игрушечные солдатики были величиной с палец. Мы довольствовались кроликами, а у Даниэля была собственная обезьяна, которая с визгом скакала по комнате и корчила нам гримасы из-под потолка, вскарабкавшись по гардинам на карниз.

---

⁷⁸ Железная дорога между Петербургом и Москвой, построенная в 1843–1851 гг., стала называться Николаевской после смерти Николая I в 1855 г.

⁷⁹ Крушение императорского поезда, произошедшее 17 (29) октября 1888 г. у станции Борки под Харьковом, было вызвано не действиями революционеров, а нарушением правил эксплуатации железной дороги.

⁸⁰ Штукен Даниэль Филипп (1863–1928) – сын Вильгельма Штукена (1820–1895), ставший позже партнером Георга Шписа.

Строительство железной дороги Петербург – Гельсингфорс⁸¹, которым руководил дядюшка, тогда еще не было завершено, поэтому до столицы Финляндии приходилось добираться по морю. Это плавание по Финскому заливу было первым ярким впечатлением той поездки: все наше семейство, за исключением дедушки, не боявшегося качки, страдало морской болезнью, так что он с нами изрядно помучился. Ему любезно помогал граф Строганов, проявивший особенную заботу обо мне и опекавший меня, как добрый самаритянин.

Наконец впереди показалась наша цель: приветливый город, раскинувшийся на изрезанном бухтами полуострове в окружении множества островов. Не задерживаясь в Гельсингфорсе, мы устремились прямо в Линднес.

С родовым поместьем Шернвалей у меня связаны самые приятные воспоминания. Позже я много раз бывал в Линднесе, и меня всякий раз встречали с сердечной любовью.

Шернвальское гостеприимство дополнялось еще и поистине сказочной добротой нашей тетушки Софи⁸², жизнь которой я не могу не сравнить с жизнью святой. Любая попытка описать эту удивительную женщину обречена на неудачу: любые слова выглядели бы банальностью. Поэтому я не стану даже пытаться это сделать.

Неудивительно, что и ее дети – Лилли, Мари, Хенрик и Кнут – тоже каждый по-своему были необычайно милы.

Старинный дом привольно раскинулся на берегу озера, принадлежавшего Шернвалам. Позже я увидел это озеро метрах в четырехстах от поместья: оно сместилось в сторону в результате дренажных работ, имевших целью расширение лугов. Дом окружали хозяйственные постройки, кладовые, павильон для гостей и – не могу не упомянуть – домик для отправления естественных надобностей, в необычном обустройстве которого проявилась трогательная забота о разных объемах тела посетителей. Поскольку частым и желанным гостем Шернвалей был дядюшка Шарпантье⁸³, человек необычайной толщины, в упомянутом домике имелось три стульчака разного диаметра: один для нормальных взрослых, второй для детей и третий, огромный, для доброго дядюшки Шарпантье. Об этом дядюшке, которого я, впрочем, никогда не видел, говорили, будто он так толст, что у него уже дважды лопался живот. Поэтому в моем воображении этот дядюшка играл особую роль.

В Линднесе мы в полной мере наслаждались помещичьим образом жизни – бродили по лесу, ловили раков, купались в озере (причем я категорически отказывался купаться вместе со своими прелестными кузинами, которые были старше меня на год и на три года, и вообще с «девчонками»), скакали верхом, дурачились. Все это было чудесно, но самым веселым занятием было вместе с Лилли и Мари гоняться в свинарнике по щиколотку в грязи за хрюкающими и визжащими свиньями. Это было незабываемое время! Однако все кончается, даже длинные российские школьные каникулы.

10. Школьные будни в Москве

Я еще ничего не рассказал о предпринятых моими родителями попытках обучать меня разным наукам. Должен признаться, это будет неприятная для меня исповедь. Впрочем, в свое оправдание могу заметить, что причина тому заключалась не только во мне, но отчасти и в довольно курьезных представлениях о воспитании детей, которые, судя по всему, возобладали в обществе в 60-е годы, во всяком случае, в России.

Когда мне исполнилось пять лет, у моей дорогой матушки было восемь детей, семеро из которых жили под родительским кровом. Три мои сестры воспитывались дома. Моему млад-

---

⁸¹ Ныне Хельсинки.

⁸² Имеется в виду Софи Купфер (1839 – ?), дочь Вильгельма Штукена.

⁸³ Имеется в виду брат матери Канута фон Шернвала, Фредерики Вильгельмины Шарпантье (1782–1859).

шему брату Вильгельму⁸⁴ была два года, и мамочка, верно, уже предчувствовала, что аист принесет еще Эмми⁸⁵. Одним словом, она света белого не видела из-за своей роли наседки. Чтобы хоть немного облегчить ей жизнь, меня в пять лет отправили в школу.

Директор школы при реформатской церкви господин Керкоф даже набрал ради меня и своего сына Рене отдельный класс, но то ли потому, что он считал нас вундеркиндами, то ли потому, что мой отец переоценил педагогический талант Керкофа, я с первого класса должен был одновременно учиться читать и писать сразу на трех языках: немецком, русском и французском, в дополнение к арифметике и Закону Божьему. И хотя я, как и все мои одноклассники, мог с грехом пополам изъясняться на этих трех языках, все же ожидаемые от меня результаты оказались мне недоступны. Как я ни старался, сколько бы слез отчаяния ни проливал, голова моя решительно отказывалась усваивать всю эту премудрость. Я просидел в первом классе четыре года, так и не добившись ничего, кроме почетного прозвища «старейшины».

В конце концов мой отец пришел к выводу, что, возможно, меня следует перевести в другую школу. Его выбор пал на гимназию Креймана, где преподавание велось на русском языке. В то время она считалась лучшей школой в Москве. В ней я проучился с весны 1870 по май 1874 года и был учеником четвертого класса, когда наша семья переехала в Германию⁸⁶.

У Креймана я хотя бы кое-чему научился, однако для того, чтобы быть принятым в пятый (!) класс гимназии Витцтума в Дрездене, мне пришлось почти все лето брать частные уроки. Определенную роль во всем этом, по-видимому, сыграл и переход на другой язык.

Следует отметить, что в гимназии Креймана, где работали хорошие педагоги, я получил бы больше знаний, если бы не мое привилегированное положение: господин Крейман в свое время служил в конторе моего отца, не отличаясь, впрочем, особым рвением и коммерческими способностями. Поэтому, когда он, по его мнению, обнаружил в себе талант педагога, отец не сильно огорчился, расставаясь со своим бывшим подчиненным, и даже помог ему при основании упомянутой гимназии денежными средствами. Благодарность господина Креймана за эту помощь выразилась в излишней снисходительности по отношению ко мне.

Из всех одноклассников по-настоящему близки мне были лишь двое: Иван Павлов, впоследствии директор дисконтного банка в Москве⁸⁷, и Сергей Сазонов, будущий министр иностранных дел⁸⁸ и один из главных виновников начала Первой мировой войны. С Сазоновым меня связывала тесная дружба. Однажды он написал мне в альбом такое сентиментальное признание:

Перо мое писало,
Не зная, для кого,
Но сердце мне сказало —
Для друга своего⁸⁹.

⁸⁴ Шпис Вильгельм (1864–1948) – советник ландгерихта (земельного суда) в Кобленце и один из основателей Музея Рейна в этом городе.

⁸⁵ Шпис Эмми (1867–1926) – впоследствии жена торговца табаком и директора фабрики в Дрездене Роберта Вольнера (1854–1927).

⁸⁶ Гимназия была основана в 1858 г. Францем Ивановичем Крейманом (1828–1902) как школа-пансион, в 1865 г. переименована в гимназию. См. о ней: Двадцатипятилетие московской частной гимназии Ф. Креймана, 1858–1883. М., 1884. Там в списке учеников указано (с. 166), что Георгий Шпис учился с 1872 г. (а не с 1870 г.!) по 1874 г. и окончил 2-й и 3-й классы.

⁸⁷ Имеется в виду А. Д. Павлов, директор основанного в 1870 г. дисконтного банка, соучредителями которого был и «Штукен и Шпис» вместе с родственниками. Александр Павлов учился в Креймановской гимназии в 1873–1875 гг., окончив 1-й и 2-й классы.

⁸⁸ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – министр иностранных дел (1910–1916). В Креймановской гимназии он учился в 1873–1877 гг., окончив 3–6-й классы.

⁸⁹ Прочитанное анонимное четверостишие входило в городской письменный фольклор, его можно встретить, например, в «Повести о Сонечке» Марины Цветаевой и юмореске Тэффи «Новогодние поздравления».

Я потом больше никогда не видел его. Даже переселившись в конце 1910 года в Петербург, я избегал встречи с ним, уже министром иностранных дел. Ведь для меня, немца, внешняя политика России, проводником которой он являлся, была крайне неприятна.

11. Война 1870–1871 годов

Уже тогда, во время Франко-прусской войны, мы столкнулись в школе с враждебным отношением ко всему немецкому. Правда, это не было государственной политикой; антинемецкие настроения охватили прежде всего русскую интеллигенцию. Нам, немногим немцам в классе, пришлось несладко, однако мы с гордым упрямством все время, пока шла война, носили в петлице черно-бело-красную ленту⁹⁰, что не раз приводило к рукопашным схваткам. Странно, что нам позволяли носить эту немецкую ленту, если учесть тот факт, что мы в 1870 году еще были российскими подданными. Однако все знали, что русский император и сам был благосклонно настроен к Пруссии.

Война эта пробудила во мне интерес к политике вообще и национальное самосознание в частности. Я начал читать тогда еще довольно убогую «Москауэр дойче цайтунг»⁹¹, и мы часто пели, руководимые и вдохновляемые нашей сестрой Юлией и отцом, немецкие национальные и народные песни. Так в наших юных сердцах возгорелась горячая любовь к далекому немецкому отечеству.

12. Мой отец – немецкий консул

Когда мой отец в 1846 году приехал в Россию, там существовал принятый Николаем I закон, по которому иностранцы в России не имели права быть не только самостоятельными купцами, но и полномочными представителями третьих лиц. Этот закон был отменен лишь при Александре II. В соответствии с этим законом мой отец, как и многие другие иностранцы, вынужден был принять российское гражданство. Он сделал это с тяжелым сердцем и никогда не оставлял мысли вернуться в Германию, как только обеспечит свое благосостояние.

Население старой России было разделено на пять сословий (их почти можно было назвать кастами): духовенство, дворяне, купцы, мещане и крестьяне. Между дворянством и купечеством существовала промежуточная прослойка – так называемые потомственные почетные граждане. Почетное гражданство присваивалось купцам после десяти лет принадлежности к первой гильдии. Мой отец и его потомки были, таким образом, с конца 50-х годов московскими потомственными почетными гражданами⁹². Это благозвучное название не имеет, однако, ничего общего с понятием «почетный гражданин».

После введения в России всеобщей воинской повинности⁹³ мой отец ради своих сыновей стал всеми силами стремиться вновь вернуть себе немецкое гражданство. А добиться этого обычным способом было почти невозможно – именно из-за наличия пяти сыновей, потому что указ об освобождении от российского гражданства император подписывал лично.

---

⁹⁰ То есть ленту с цветами флага Северогерманского союза с 1867 г. и Германской империи с 1871 г.

⁹¹ Moskauer Deutsche Zeitung («Московская немецкая газета», нем.) выходила в 1870–1914 гг.

⁹² Сословие потомственных почетных граждан было юридически оформлено в 1832 г. В него входили дети личных дворян, дети православных церковнослужителей, если окончили курс в духовных учебных учреждениях с научными степенями, и некоторые другие категории населения, а также (по прошению) купцы, состоявшие в течение 20 лет в первой гильдии или получившие чин или орден; лица, получившие в русском университете ученую степень доктора или магистра; врачи, фармацевты, агрономы, инженер-технологи, ветеринары и ряд других категорий. Потомственные почетные граждане были свободны от рекрутской повинности, телесных наказаний и подушного оклада, могли быть избираемы в городские общественные должности и т. п.

⁹³ Всеобщая воинская повинность была введена в России в 1874 г.

Поэтому, когда после основания Германской империи⁹⁴ и упразднения прежних консульств различных немецких государств в Москве впервые было открыто новое германское консульство и тогдашний германский посол в Петербурге, принц Генрих VII Рейсс⁹⁵, предложил этот пост моему отцу, тот принял предложение с условием, что это облегчит ему и его семье получение прусского гражданства⁹⁶. И его надежды на успешное решение этой проблемы оправдались: в 1872 году мы вновь стали прусскими подданными, коими мы были всегда по крови и взглядам.

На своем посту отец много сделал для Германской империи до того, как в 1874 году переселился в Дрезден.

Я потом еще много лет спустя не раз слышал в Министерстве иностранных дел лестные отзывы о его экономических отчетах, отличавшихся четкостью и разносторонностью. Его деятельность высоко ценили и имперское правительство, и немецкая колония в Москве. Но все это его не радовало. Напротив, ему, человеку необычайной скромности, претили любые почести. Любое публичное выступление было для него мукой.

Он, с виртуозной легкостью и артистизмом говоривший на любые сложные экономические темы и председательствовавший на общих собраниях акционеров, приходил в неописуемое волнение, когда ему случалось выступать с официальной речью на разного рода торжествах, например по случаю дня рождения императора или приема высшей знати. Я помню, как он, мрачный как туча, заучивал дома слова предстоящего выступления.

Мы, дети, видели лишь отдельные отсветы того блеска, что был связан с его высоким положением, например его дипломатическую форму с остроконечной шляпой и шпагой, которую отцу приходилось надевать по особым поводам и в которой он чувствовал себя самым несчастным из людей, или национальную кокарду, которую прикрепляли к шляпе нашего толстого кучера, когда тот вез папу к генерал-губернатору, послу или митрополиту Московскому, или, наоборот, по случаю визита одной из упомянутых особ.

Еще более радостно бились наши сердца, когда наш кронпринц, герой битв при Кёниггреце и Вёрте⁹⁷, – в наших глазах, разумеется, великий полководец – прибыл в сопровождении Мольтке⁹⁸ из Петербурга в Москву. Папа был в числе почетных лиц, встречавших его на вокзале, и взял с собой моих старших сестер Юлию и Адель, которым выпала честь вручить кронпринцу букет цветов. Принимая букет, тот наступил Адель на ногу и, любезно извинившись, весело спросил ее, отдал ли он ей ее любимую мозоль или какую-нибудь другую. Адель была настроена столь патриотически, что снесла бы любую боль, причиненную ей кронпринцем. Во всяком случае, она уверяла нас в этом дома, рассказав о случившемся, и ее нога приобрела в наших глазах нечто вроде ореола славы.

Именно тогда, на официальном обеде, который дал генерал-губернатор в честь кронпринца, с отцом случилось одно маленькое забавное приключение, связанное с генерал-фельдмаршалом фон Мольтке. Когда блестящее общество направилось к столу, отец, который нико-

⁹⁴ Германская империя была создана в 1871 г.

⁹⁵ Генрих VII Рейсс-Кёстрицкий (1825–1906), принц – германский дипломат, посол в России Северогерманского союза (1868–1871) и Германской империи (1871–1872).

⁹⁶ Роберт Шпис пытался получить пост прусского консула еще в 1866 г., но Министерство иностранных дел Пруссии отказало ему. В 1866 г. Шпис стал потомственным почетным гражданином (см.: Bundesarchiv Berlin (Федеральный архив). Auswärtiges Amt Rußland. II 24921. 1873–1874; *Soénus U. S. Wirtschaftsbürgertum im 19. und frühen 20. Jahrhundert: Die Familie Scheidt in Kettwig 1848–1925.* (Schriften zur rheinisch-westfälischen Wirtschaftsgeschichte. № 40). Köln, 2000. S. 512).

⁹⁷ Фридрих III (Фридрих Вильгельм Николаус Карл Прусский; 1831–1888) – прусский кронпринц; генерал-фельдмаршал (1870); германский император и король Пруссии в 1888 г. Он сыграл важную роль в победах прусской армии над австро-саксонской в окрестностях чешского города Кёниггрец 3 июля 1866 г. и над французской у французского города Вёрт 6 августа 1870 г.

⁹⁸ Мольтке Хельмут Карл Бернхард фон (1800–1891), граф (1870) – генерал-фельдмаршал Пруссии (1871) и Российской империи (1872), начальник Большого Генерального штаба Пруссии.

гда не служил в армии и, как и полагается коммерции советнику, имел отнюдь не военную выправку, тщетно попытался отцепить свою надетую в первый раз шпагу. Все его усилия оставались безуспешными; от ужаса на лбу у него заблестели капельки пота. Мольтке, заметив его мучения, любезно обратился к нему со словами: «Позвольте вам помочь, господин консул. В этом деле у меня больше навыка» и освободил его от орудия убийства.

Через год или два нашим гостем стал Герберт фон Бисмарк, находившийся тогда с визитом в Москве. Я как сейчас вижу его в нашей гостиной, если не ошибаюсь, в драгунском мундире, с моноклем, с которым он довольно ловко управлялся⁹⁹. Этот монокль произвел на меня неизгладимое впечатление.

13. Путешествие в Германию и Швейцарию

В 1873 году, когда мои родители готовились отпраздновать серебряную свадьбу, произошло самое знаменательное для меня к тому времени событие. Весной родители потеряли старшего сына, 24-летнего Роберта, и поэтому решили избежать каких бы то ни было торжеств в Москве. Поэтому все находящиеся тут члены семейства летом совершили многомесячное путешествие в Германию и Швейцарию, которое отец с Юлией и Адель затем продлили, отправившись еще и в Италию.

Наконец-то, наконец-то мне предстояло увидеть Германию!

Это была целая экспедиция – родители, пятеро детей, к которым в Германии присоединились учившиеся там два моих старших брата Леон¹⁰⁰ и Альберт, и наконец мадемуазель Александрин, наша швейцарско-французская гувернантка, то есть не менее десяти человек.

Маршрут нашего путешествия проходил через Петербург до немецкой пограничной заставы Эйдкунен, куда тогда уже можно было добраться по железной дороге. Между Вильной и Ковно я впервые в жизни проехал по туннелю. Для родившегося на равнине это целое событие. Однако все впечатления от Литвы, столь непохожей на Россию, и от холмов Прибалтики, показавшихся мне горами, померкли на фоне волнения, овладевшего мной при мысли о том, что я вскоре вступлю на немецкую землю.

Моя семнадцатилетняя сестра Адель, к тому времени уже настоящая красавица, даже решила заплакать от радости при пересечении границы! Но пограничные таможенные процедуры отвлекли ее от этого намерения.

Когда поезд отправился дальше, уже по немецкой земле, мы с благоговейным восторгом смотрели и не могли насмотреться на аккуратно возделанные поля, нарядные дома и ухоженные дороги. Было почти невыносимо жарко, нас донимали мухи, но мне и в голову не приходило отгонять и тем более убивать их: ведь это были немецкие мухи!

Можно ли представить себе более страстный патриотизм?..

Берлин, в 1873 году еще маленький и лишенный столичной спеси, произвел на меня потрясающее впечатление. Ведь это был первый европейский город, который я видел. Мы жили на улице Унтер-ден-Линден, неподалеку от дворца императора, в гостинице – если не ошибаюсь – «Отель де Ром», которой давно уже нет и в помине.

Из окон мы каждый день наблюдали увлекательнейшее зрелище – развод караула. В обеденном зале гостиницы нам показывали достопримечательность берлинских гвардейских пол-

---

⁹⁹ Бисмарк Генрих Фердинанд Герберт фон (1849–1904), князь (1898) – германский дипломат, министр иностранных дел Германской империи (1888–1890); сын Отто фон Бисмарка. Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. служил в драгунах.

¹⁰⁰ Шпис Леон (1858–1921) – второй по старшинству сын Роберта Шписа. После учебы в Великобритании и США он в 1880 г. вернулся в Россию и стал директором табачной фабрики «Лаферм» в Петербурге. В 1894 г. он основал фирму «Шпис и Прен».

ков – верных своему воинскому долгу эльзасцев¹⁰¹. Нам это очень нравилось. В остальном же наши родители не преследовали в Берлине какие бы то ни было педагогические цели по отношению к нам, «малышам», к которым принадлежал и я. Я не помню, чтобы нам показывали что-то еще, – если не считать паноптикум Кастана¹⁰², – кроме того, что мы и сами могли видеть между Бранденбургскими воротами и замком. Впрочем, так прошло все путешествие, включая Интерлакен и Женевское озеро: мы, «малыши», коротали время с нелюбезной мадемуазель Александрин, «слонихой», как мы ее про себя называли, а мне к тому же приходилось учить наизусть французские стихи. Это, на мой взгляд, несправедливое распределение дорожных удовольствий было естественным следствием непомерной численности нашей «туристской» группы. Одним словом, из этого прекрасного путешествия я вернулся с гораздо более скромным багажом впечатлений и знаний, чем тот, на который мог претендовать одиннадцатилетний живой и любознательный ребенок.

Путь наш пролегал через Шёнинген в герцогстве Брауншвейг, где мы навестили родственников мамы (Гротриан – Штейнвег, производителей пианино¹⁰³), на Рейн, в Киссинген (где папа прошел курс лечения) и, наконец, в Швейцарию. Кроме того, мы побывали в Вюрцбурге, Мюнхене и Франкфурте-на-Майне.

Из Бонна, где мы сделали более продолжительную остановку, я с братом Альбертом съездил в Кельн. Мы осмотрели собор и покормили козла в зоологическом саду страницами латинского словаря, которыми он никак не мог насытиться.

Мой дядя Альберт, старший брат папы, поселился в Бонне еще в 1858 году, а до этого, эмигрировав в тридцатые годы в Америку, сколотил в Нью-Йорке неплохое состояние¹⁰⁴.

Его вилла Аста – итальянское слово «аста» означает по-немецки «копье»¹⁰⁵ – располагалась посреди самого красивого из тех ухоженных садов, что разбиты между Кобленцер-штрассе и Рейном. Из сада на склоне прибрежного холма и с террасы виллы открывался восхитительный вид на Рейн и начинающиеся на противоположном берегу горы Зибенгебирге. Это было идеальное место для отдыха.

Брат моего папы был в то же время и его лучшим другом. Пожалуй, еще более серьезный, чем папа, во всяком случае более строгий, но менее разносторонний, он как коммерсант тоже добился больших успехов. Когда я пытаюсь представить себе пуритан, которым Америка обязана своим величием, мне достаточно вспомнить дядюшку Альберта: он был наделен всеми характерными чертами этих людей.

Его глубокая религиозность, чуждая всякому лицемерию, побуждала его молиться по утрам и перед каждым приемом пищи, что показалось нам, приученным мамой говорить с Богом тайно, про себя, довольно странным, но отнюдь не неприятным, ибо он был искренен. Будучи строгим кальвинистом, он не был таким терпимым в своих религиозных чувствах, как папа. Если бы его сыновья, похожие на него глубиной характера, но не благочестием – признаться, они были несносными насмешниками, – дерзнули жениться на католичках, он, без всякого сомнения, лишил бы их наследства и навсегда изгнал из своего дома.

¹⁰¹ С XVII в. Эльзас принадлежал Франции, а в 1871 г. (то есть за два года до описываемых событий), после поражения Франции во Франко-прусской войне, был аннексирован Пруссией.

¹⁰² Паноптикум Кастана – берлинский музей восковых фигур, созданный в 1869 г.

¹⁰³ Генрих Штейнвег (1797–1871) основал фабрику по производству пианино в 1835 г. В 1859 г., после объединения с Фридрихом Гротрианом, производство было перенесено в Брауншвейг. Г. Штейнвег в 1850 г. уехал в Нью-Йорк, где основал фирму «Штейнвег и сыновья».

¹⁰⁴ Фридрих Альберт Шпис (1812–1892), совладелец фирмы «Шпис, Крист и К°» в Нью-Йорке, разбогател в США. Он продавал американской фирме «Шайдт» ткани. В 1873 г. он обанкротился в Бонне. В Нью-Йорке существовала также фирма «Деккер, Шпис и К°», совладельцем которой был сын Фридриха Альберта, Вильям Альберт Шпис (Groceries in New York // Archive Barings. HC 16.54; Письмо Р. Шписа Э. Шпису от 24 апреля 1873 г. // AEGS; Siegerländer Geschlechterbuch / Bearb. v. G. Moisel. Limburg, 1991. Bd. 5. S. 244).

¹⁰⁵ «Копье» по-немецки – шпис (Spieß), то есть пишется как фамилия мемуариста.

Тетушка Альвине, его жена, урожденная Дитц из Эльберфельда, была забавным созданием. Она настолько подчинила себя мужу, настолько растворилась в нем, намного превосходившем ее по уму и развитию, что совершенно не способна была мыслить иначе как в полном соответствии с его желаниями. Она могла выйти из себя лишь от того, что кто-то из нас сдвинул стул с раз и навсегда отведенного ему места, потому что была воплощением домашнего порядка.

Позже, уже юношей, я часто гостил в этом доме с его патриархальным укладом и от всего сердца полюбил дядюшку Альберта. Они оба умерли в весьма преклонном возрасте, в начале 90-х годов. Прекрасная вилла Аста была продана наследниками некоему господину фон Виндхорсту.

Серебряную свадьбу моих родителей мы отпраздновали у подножия горы Юнгфрау, в Интерлакене. Мое пребывание там, а позже в Люцерне и в Уши на Женевском озере было отравлено французскими стихами и мадемуазель Александриной. В Интерлакене мне показали Тьера¹⁰⁶, великого французского государственного деятеля и историка. Я удивился, что великий государственный деятель может быть такого маленького роста. Я имел в виду, что наш Бисмарк был не таков! И был прав.

В этой главе я постарался – если не считать характеристики двух боннских стариков – передать лишь собственные, более чем скромные впечатления от этого путешествия и не вплести в ткань повествования более поздние чувства и настроения.

14. Жизнь в Москве

Жизнь моих родителей в Москве была, несмотря на многообразие ее внешней стороны, по-бюргерски проста. Труд и верность долгу – две главные составляющие их бытия, терпимость и чистота мыслей стали основой окружавшей нас, детей, гармонии.

Довольно узкий круг общения родителей почти не выходил за рамки тогда еще немногочисленной немецко-балтийской диаспоры, из которой со временем – причем не только вследствие растущего богатства – выкристаллизовался своего рода патрициат. В первую очередь следует назвать в связи с этим такие имена, как Кноп (из Бремена, позже получил в России титул барона), Вогау и Банза (оба родом из Франкфурта-на-Майне), Марк, Прове, Ценкер, Ахенбах, Штукен, Шпис и Катуар¹⁰⁷ (из французской диаспоры).

Сколь-нибудь достойных упоминания свидетельств художественной активности тогдашняя немецкая диаспора не оставила, хотя творчество русских живописцев той эпохи было очень плодотворным и вполне могло бы дать творческие импульсы и жившим в России иностран-

¹⁰⁶ Тьер Мари Жозеф Луи Адольф (1797–1877) – историк, президент Франции (1871–1873).

¹⁰⁷ Основателем фирмы Кнопов был барон (с 1877) Людвиг Иоганн Кноп (Лев Герасимович; 1821–1894) – торговец и фабрикант из Бремена. Фирма Вогау по капиталу и влиянию была равна фирме Кнопов. Партнерская фирма Вогау действовала в разных областях, самым известным ее представителем был Конрад фон Банза. Наиболее известными представителями немецко-еврейской фирмы Марк были Мориц и Гуго Марк (1869–1918). Прове Иван Карлович (1840–1901) – предприниматель немецкого происхождения, работавший и имевший пай в предприятиях Л. Кнопа; член правления Московского купеческого банка, Московского учетного банка, Русско-Китайского банка, Товарищества Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры, Измайловской мануфактуры, Товарищества ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель», Кренгольмской мануфактуры, Вознесенской мануфактуры, а также Товарищества каменноугольных копей и химических заводов «Р. Гиль». См.: СК 1870; РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1042; Петров Ю. А. Коммерческие банки. Банк «Ценкер и К°» был основан в 1783 г. в Москве. «Ахенбах и Колли» – московский и петербургский банк. Фирма Штукен была основана в Петербурге в начале 1850-х гг. Вильгельмом Штукеном (1820–1895), который происходил из Бремена и приехал в Россию в 1840-е гг. Поначалу он импортировал в Россию табак. В 1845 г. основал в Петербурге фирму «Вильгельм Штукен». В те годы он объединился с Робертом Юлиусом Шписом, отцом Георга Шписа. На первых порах работавшие самостоятельно, они основали в 1856 г. фирму «Штукен и Шпис». См.: Namentliches Verzeichnis der im Jahre 1848 Getauften, Confirmirten, Getrauten und Gestorbenen bei der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauli-Kirche in Moskau nebst Rechnungs-Auszügen über Einnahme und Ausgabe der Kirchen-, Schulen- und Armen-Kasse u. der des Aller'schen Hauses und einem kurzen Schulbericht. Moskau, 1849; Справочная книга 1866. Уроженцы французской Лотарингии Катуары приехали в Россию приблизительно в 1800 г.

цам. В качестве критерия художественного вкуса – пусть не всех иностранцев, но значительной их части – мне приходит на ум прекрасная статуя Венеры, которую получил в подарок один богатый немецкий виноторговец в Москве от своего французского делового партнера. Ее установили в салоне, но жена виноторговца, особа весьма строгих взглядов, выросшая в англо-русской семье, сочла костюм Евы на Венере столь непристойным, что надела на нее сорочку своей маленькой дочери.

Между русским купечеством и иностранными коммерсантами тогда не было почти никаких связей, кроме чисто деловых. Первой причиной тому можно назвать существенный недостаток светских навыков или полное отсутствие таковых у разбогатевших в 50-е и 60-е годы русских купцов, второй – принадлежность к разным конфессиям. Ведь даже отдельные выдающиеся представители русского купечества, как, например, вышедшие из крестьянства крупные промышленники Морозовы, до 1861 года были крепостными и покупали у своего барина за определенный годовой оброк освобождение от барщины¹⁰⁸. За отказ платить оброк барин мог заставить этих крепостных миллионеров чистить себе сапоги. Упомянутые светские навыки приобрели лишь представители третьего поколения, получившие образование. Второй барьер, связанный с различием конфессий, был закреплён на законодательном уровне: дети от смешанных браков автоматически становились православными. Иностранцы, конечно же, старались уберечь своих детей от этой участи. Правда, среди старинного русского купечества имелся свой высокообразованный патрициат, например Якунчиков, Третьяков, Алексеев, Мамонтов, Мазурин¹⁰⁹ и др. Но между ними и иностранцами был непреодолимый барьер – религия. Кроме того, иностранцы, обосновавшиеся в России до середины XIX столетия, не утруждали себя основательным изучением русского языка.

Если не считать эпизодических деловых связей с дворянством – единственным сословием в России, которое благодаря своей древней культуре было в какой-то мере близко по духу образованным иностранцам, – у последних практически и с ним не было точек соприкосновения, хотя дворяне проводили четкое различие между русским купцом и иностранцем. Еще в 90-е годы я сам имел возможность убедиться в этом: «Как? Вы ведь не купец? У вас ведь есть контора!» (Мой любезный собеседник еще был в плену довольно противоречивых представлений о коммерции, которые разделяли многие представители этого сословия.)

Впрочем, представители тогдашней иностранной колонии странным образом избегали каких бы то ни было отношений и с русской так называемой интеллигенцией, то есть с университетскими кругами, и эта ситуация изменилась лишь на рубеже двух столетий. С офицерством же и позднее не было никаких контактов. Причина заключалась в вопиющей необразованности офицеров армейских полков, которые – если не считать командиров полков и адъютантов, как правило выходцев из гвардии, окончивших военную академию, – не могли похвастать ни вос-

¹⁰⁸ Основатель династии Савва Васильевич Морозов (1798–1868) выкупился на волю с сыновьями в 1821 г.

¹⁰⁹ Якунчиков Василий Иванович (1827–1909) – 1-й гильдии купец, председатель совета Московского Торгового банка, председатель правления Товарищества Воскресенской мануфактуры; меценат и благотворитель; Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) – совладелец Торгового дома «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» и Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры; меценат, основатель Третьяковской галереи в Москве; Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892) – совладелец Торгового дома «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» и Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры; меценат; московский городской голова (1877–1881); Алексеев Владимир Семенович (1795–1862) – 1-й гильдии купец, основатель Товарищества «Владимир Алексеев»; Алексеев Владимир Сергеевич (1861–1939) – директор правления Товариществ «Владимир Алексеев» и Даниловской мануфактуры; Алексеев Иван Петрович (1822–1894) – 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Петра Алексеева сыновья»; Алексеев Николай Александрович (1852–1893) – директор Товарищества «Владимир Алексеев»; московский городской голова (1885–1893); Алексеев Семен Владимирович (1827–1873) – совладелец Товарищества «Владимир Алексеев»; Алексеев Сергей Владимирович (1836–1893) – директор правления Товарищества «Владимир Алексеев»; благотворитель; Мамонтов Иван Федорович (1800–1869) – 1-й гильдии купец, винный откупщик и строитель железных дорог; Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – предприниматель, строитель железных дорог; меценат; Мазурин Алексей Алексеевич (1830–1885) – 1-й гильдии купец, благотворитель; Мазурин Константин Митрофанович (1845 – ?) – совладелец и директор правления Товарищества Реутовской мануфактуры; Мазурин Николай Алексеевич (1823–1903) – 1-й гильдии купец, благотворитель.

питанием, ни образованием. Офицеры армейских полков в этом отношении мало чем отличались от наших немецких унтер-офицеров.

Поэтому, например, генералов в отставке нередко приглашали в качестве почетных гостей на купеческие и мещанские свадьбы или именины совершенно чужих, не знакомых им людей для придания торжеству более представительного характера, чтобы они поражали воображение гостей своими мундирами и тостами. (Ибо говорить русский бюргер научился лишь после первой революции, в 1905 году.) И чем больше орденов красовалось на груди такого свадебного генерала, тем дороже он ценился. Еще в 90-е годы, когда мне довелось побывать на таком торжестве, такса за приглашение увешанного орденами генерала составляла приблизительно тридцать рублей.

Только когда в Москву был переведен кавалергардский полк, этой отчужденности между военными и патрициатом горожан был положен конец, да и то лишь в отношении офицеров только этого полка.

Одним словом, жизнь представителей иностранной колонии в Москве во времена моих родителей – отчасти и моей жизни на рубеже XX века – очень напоминала жизнь английской колонии в Китае или Индии. В ней было много труда, был достаток, но катастрофически недовоевалось духовных стимулов.

15. Пасхальная ночь в Кремле

От последнего года нашей московской жизни у меня почти не осталось воспоминаний.

Моя душа тогда еще не раскрылась настолько, чтобы воспринять и оценить то обаяние Москвы, то богатство красок, которым отличается этот Rome tatar¹¹⁰, чтобы воспринять всю красоту здешней природы с ее нежными, обусловленными прозрачностью воздуха тонами. Все это открылось мне вместе с культурно-историческим своеобразием Москвы, когда я, повзрослев и возмужав в Германии, вновь вернулся сюда.

Лишь однажды в моем детстве Москва излила на меня все свои волшебные чары. Это было в пасхальную ночь в 1874 году в Кремле, куда меня взяли с собой родители.

Поток людей, спешивших на Соборную площадь, казался бесконечным.

Задолго до того, как мы пришли в Кремль, все три собора были переполнены людьми, и снаружи стояли тысячи и тысячи горожан в благоговейном ожидании. Каждый держал в руке восковую свечу, чтобы зажечь ее в нужный момент.

И вот наконец в полночь загудел низким, торжественным басом Большой колокол с храма-колокольни Ивана Великого¹¹¹, на который откликнулись ликующим перезвоном тысячи малых и больших колоколов 360 московских церквей и монастырей. Ракеты, пушечные залпы. В одно мгновение вспыхнули десятки тысяч свечей, и восторженно-умиленные люди принялись целовать друг друга с возгласами: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» Одновременно с этим духовенство в роскошных, расшитых золотом ризах и с драгоценной утварью вышло из храмов и трижды торжественно обошло их.

В теплую весеннюю ночь все это действо производило сильное впечатление, несмотря на неаппетитность некоторых деталей: например, по русским обычаям в Пасху нельзя уклоняться от трехкратного поцелуя даже с чумазым оборванцем.

Впрочем, этот милый обычай может быть и источником дополнительных положительных эмоций, как это было, например, с моей дорогой сестрой Адель и моим будущим зятем Гуго

---

¹¹⁰ татарский Рим (*фр.*).

¹¹¹ Имеется в виду Успенский колокол (65 тонн).

фон Вогая¹¹², которым меня навязали во время этого похода в Кремль в качестве спутника. Ибо спустя короткое время мы отпраздновали их помолвку, а через три недели свадьбу.

Причиной этой спешки было намеченное на май 1874 года переселение в Дрезден.

16. «Штукен и Шпис»

Я не хотел бы завершать московский период моих воспоминаний, не отобразив хотя бы в общих чертах всю картину деятельности моего отца, ибо она составляла основу жизни нашей семьи. Такой очерк дает, кроме того, возможность получить и некоторое представление об экономическом развитии России третьей четверти прошлого столетия, а также составить типичный портрет умного и поэтому преуспевающего, честного и в то же время щедрого российского немца того времени.

Мой дед Иоганн Вильгельм Шпис, родившийся 8 декабря 1778 года в Дилленбурге и умерший 24 августа 1834 года в Вермельскирхене в Бергишес-Ланде¹¹³, стал первым из моих предков, кто посвятил себя коммерции. До него были служащие, металлурги, а еще раньше крестьяне в Зигерланде¹¹⁴.

Он был наделен способностями, но не отличался силой воли. В конце XVIII века, еще молодым человеком, он отправился в Бельгию, в Вербье, и позже основал в Равенсбурге вместе со своим тестем Куттером или с его помощью фирму по продаже индиго. После смерти жены – брак его был бездетным – он, будучи состоятельным человеком, перебрался в Эльберфельд и женился во второй раз, на моей бабке, вдове Генриетте Пельцер, урожденной Шайдт¹¹⁵.

У меня нет оснований предполагать, что мой дед и в Эльберфельде продолжил свою коммерческую деятельность, хотя я много раз слышал от отца, что дед пренебрегал своими обязанностями предпринимателя в угоду своей страсти к охоте. Во всяком случае, в ходе – или вследствие – разразившейся в 1830 году в Бельгии революции он лишился своего состояния и после смерти оставил без средств трех сыновей, которые рано, еще в 1828 году, потеряли свою горячо любимую мать.

Братья моего отца, будучи подростками, не имели возможности заботиться о маленьком Роберте. Вильгельм¹¹⁶, старший из них, только что кончил изучать теологию, Альберт еще учился коммерции, а сводный брат папы Герман Пельцер, благородная натура, только позже обрел возможность помогать младшему брату. Поэтому осиротевший мальчик попал в ежовые рукавицы своей бессердечной сводной сестры Хульды Балль, урожденной Пельцер, которая, не питая к ребенку родственных чувств, хотела отдать его в ученики часовщику. Но вся семья воспротивилась этому, и мальчик избежал уготованной ему печальной участи.

Моего отца взял к себе в ученики живший в Эльберфельде кузен Юлиус Мёллер, чья мать, родившаяся в Кеттвиге, в девичестве тоже была Шайдт.

Мёллер, высокообразованный и основательный человек, оказал на маленького кузена огромное благотворное влияние¹¹⁷. Отец всю жизнь был благодарен ему и питал к нему самые теплые дружеские чувства.

---

¹¹² Гуго Максович фон Вогая (1849–1923) – предприниматель. О торговом доме Вогая см.: *Petrov J. A. Das Handelshaus «Wogau & Co.» in Moskau // Большое будущее. Немцы в экономической жизни России = Eine Große Zukunft: Deutsche in Rußlands Wirtschaft / Hg. v. D. Dahlmann, K. Heller, T. Igumnova, J. Petrov, K. Reschke. Moskau; Berlin, 2000.*

¹¹³ Бергишес-Ланд – культурно-исторический регион в Германии в Северном Рейне – Вестфалии (Германия).

¹¹⁴ Зигерланд – культурно-исторический регион в Германии в Северном Рейне – Вестфалии.

¹¹⁵ Бракосочетание состоялось в 1810 г. Генриетта Шайдт (1778–1829) в первом браке была замужем за племянником своей матери Иоганном Петером Пельцером (1776–1806).

¹¹⁶ Шпис Вильгельм (1811–1872), суперинтендант в Реллингхаузене, отец Эрнста Шписа (1849–1917), ставшего позже партнером Юлиуса и Георга Шписов.

¹¹⁷ Юлиус Мёллер был президентом Торговой палаты в Эльберфельде.

После окончания учебы мой отец на год отправился в Лион, в школу ткачества. Дружба, возникшая между ним и его сверстником и земляком Андре из Мюльхайма-на-Рейне, отец которого владел крупной фабрикой шелковых лент в Лионе, помогла ему получить место на этой фабрике. Целый год он в качестве коммивояжера разъезжал по Европе и приобрел ценные навыки общения с людьми, очень пригодившиеся ему впоследствии. Наконец его брат Альберт, который уехал в Нью-Йорк и совместно с неким господином Кристом основал процветающую фирму «Шпис, Крист и К°», пригласил его к себе в Америку в качестве компаньона. Уже дав свое согласие, отец получил такое же предложение от своего сводного брата Германа Пельцера, налажившего успешную торговлю индиго в Вервье.

Отец выбрал Вервье. Вскоре он стал серьезным специалистом в этом деле и знатоком индиго, то есть приобрел знания, очень ценившиеся в то время, потому что данный товар пользовался широким спросом у промышленников. И снова отец много путешествовал, налаживая связи с клиентурой от Голландии до Швейцарии, а также был частым гостем на лондонских аукционах по продаже индиго. Ведь Лондон был в то время важнейшим центром по продаже этого ценного товара, и суть связанной с ним коммерции заключалась в точном знании индивидуальных потребностей каждого оптового покупателя, то есть умении сделать грамотный выбор товара на лондонских аукционах.

В Лондоне отец обратил внимание на внушительные объемы индиго, отправляемого по морю в Россию. Это побудило его в 1846 году впервые, в качестве эксперимента, оплаченного моим дядюшкой Германом Пельцером, отправиться с грузом индиго на парусном корабле в Петербург. Обстоятельства такого путешествия во времена, когда люди еще не знали телеграфа, вызывают ассоциации со Средневековьем: отправитель груза садился на тот же парусник, что вез его груз из Лондона в Петербург, и, если все шло хорошо, рано или поздно прибывал в город на Неве. Там товар выгружали в таможне на Васильевском острове¹¹⁸, и владелец товара сидел на ящиках, пока из Москвы не приедут покупатели и не расплатятся за индиго.

Эксперимент завершился благополучно и принес хорошую прибыль. Но отец понял, что главные клиенты-оптовики находятся на Урале и на Волге и приобретают индиго главным образом на Нижегородской ярмарке. Значит, надо было исключить лишнее звено – московского посредника. На следующий год отец решил отправиться с индиго в Москву и в Нижний Новгород. И поскольку успех превзошел все его ожидания, он остался в России. Торговля индиго, которой он там вначале занимался в партнерстве с Германом Пельцером, стала фундаментом для его основанной в 1847 году фирмы «Роберт Шпис».

Так мы стали не американскими, а русскими немцами, потому что в 1848 году отец женился на нашей дорогой матушке.

В том же году в Москву перебрался папин будущий партнер Вильгельм Штукен, отпрыск старинного бременского купеческого рода. Будучи очень разными (трезвый, рассудительный Штукен с весьма причудливым характером, – неограниченный алмаз, – с одной стороны, и горящий каким-то внутренним благородным огнем, фонтанирующий гениальными идеями папа, с другой), они прекрасно понимали и дополняли друг друга. Вначале они работали на общий «котел», каждый во главе собственной фирмы, – В. Штукен в Петербурге, а Р. Шпис в Москве. Прибыль делилась поровну.

В. Штукен, опираясь на свои бременские связи и ввиду того, что главный центр русской табачной промышленности находился в Петербурге, занимался импортом табака, а папа, как и прежде, – индиго.

¹¹⁸ Здесь автор, возможно, ошибся. Прибывавшие в Петербург товары проходили таможенные процедуры в Кронштадте. В «Коммерческой газете» от 8 сентября 1845 г. (№ 106) прибытие Роберта Шписа в Кронштадт датируется 2 сентября 1845 г.

Затем оба, каждый на своем месте, начали ввоз хлопчатобумажных тканей при взаимодействии с фирмой «Штукен и К° (Новый Орлеан)»¹¹⁹.

Их совместная коммерческая деятельность была настолько плодотворной, что они, уже успев стать друзьями, основали в 1857 году торговый дом «Штукен и Шпис»¹²⁰ с отделениями в Москве и Петербурге. Расширение бизнеса моего отца уже произошло, когда мой дед Л. Купфер в 1854 году отошел от дел и передал свой импорт шелка-сырца отцовской фирме¹²¹.

Тем временем круг деятельности компаньонов, особенно в Москве, расширился. Они начали импортировать другие красители, прежде всего кошениль, и наладили экспорт русской овечьей шерсти, а также говяжьего жира. Последний проект был временным (потому что Россия со временем стала импортером говяжьего жира)¹²².

Одновременно с торговлей красителями мой предприимчивый отец заинтересовался краппом, толченым корнем красильной марены, который добывали со времен Наполеона I главным образом в Южной Африке и из которого до появления ализарина производили ярко-красный краситель гарансин, необходимый для окраски овечьей шерсти. Он попытался наладить выращивание краппа и производство марены на Кавказе, в Дербенте на Каспийском море, и тем самым сделать ненужным импорт гарансина из Франции. На этом проекте он понес первые ощутимые убытки.

За годы царствования Александра II Россия в еще большей мере, чем в мое время, стала страной неограниченных возможностей для деятельных, трудолюбивых людей. Одна из причин этого заключалась в том, что до отмены крепостного права и связанных с ним реформ 60-х годов силы нации были слишком скованны, чтобы активно участвовать в развитии страны.

Чего только не предпринимал мой отец! Он всегда умело пользовался новыми, только открывающимися возможностями. Когда в Европе в моду вошли шиньоны, он, не раздумывая, начал бочками ввозить из Китая косички более или менее красивых китайок. В Париже эти волосы подвергались дезинфекции и окрашивались в светлые тона.

Покровительственная система российской таможенной политики благоприятствовала созданию русскими ткацкими предприятиями собственных прядилен. (Раньше они перерабатывали импортную английскую пряжу.) Поэтому нередко были случаи, когда какой-нибудь богатый русский купец, владеющий ткацким производством, – еще в кафтане и высоких сапогах, – приходил к своему немецкому партнеру и просил «выписать» ему из Англии, то есть *организовать* ткацкую фабрику: всё, от цехов и станков до котлов и сырья, а в придачу еще и мастера, чтобы ему оставалось только принять ее в эксплуатацию. Это было очень прибыльное дело. Довелось и моему отцу «выписать» такую фабрику.

Первопроходцем в таких проектах был бременец Людвиг Кноп, о котором еще пойдет речь ниже¹²³. Мой отец стал новатором в другой области, а именно в торговле чаем. До него чай доставляли из Китая в Россию караванным путем через Монголию и Сибирь. Запрет чайного импорта через морские границы был отменен в 1862 году. С развитием пароходства морской путь стал гораздо более коротким и дешевым способом доставки чая в Одессу, однако никто не решался воспользоваться им из-за опасений за качество товара. Мой отец рискнул и доказал беспочвенность этих опасений. Его примеру последовали другие, и русская чайная торговля

¹¹⁹ Фирма обеспечивала экспорт хлопчатобумажных тканей через Англию, в том числе и в Россию. Руководителем фирмы был Август Штукен. В 1889 г. фирма называлась «Август Штукен и К°». Она имела свои отделения в Ливерпуле и Манчестере.

¹²⁰ Торговый дом «Штукен и Шпис» был основан 1 января 1856 г.

¹²¹ Людвиг Купфер закрыл свое дело во время Крымской войны, которая началась в 1853 г., из-за связанных с ней огромных рисков для иногородней торговли.

¹²² Чрезвычайно активная импортная и экспортная торговля в 1850-е гг. с товарооборотом до 4 миллионов рублей стала основой процветания фирмы «Штукен и Шпис» в 1860-е гг.

¹²³ См. о Л. Кнопе: *Thompstone S. Ludwig Knoop: The Arkwright of Russia // Textile history. 1984. № 15 (1). P. 45–73; cp.: Wolde A. Ludwig Knoop. Erinnerungsbilder aus seinem Leben. Gesammelt für seine Nachkommen niedergeschrieben von seiner Tochter. Bremen, 1928.*

начала новый этап своего развития. Лишь десятилетия спустя, после завершения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, когда появилась возможность более удобного импорта чая по суше, через Сибирь, и таможенные ставки в этой сфере коммерции изменились в лучшую сторону и стали выгодно отличаться от таможенных издержек, связанных с морскими перевозками, торговля так называемым караванным чаем вышла на новый уровень¹²⁴.

В тот же период отец освоил еще один вид коммерции, выходящий за рамки чисто торговых операций: с помощью приобретенного им водолазного судна он занялся поиском и поднятием со дна торговых грузов с судов, потерпевших крушение у русских берегов Балтийского моря. Но это оказалось нерентабельным и бесперспективным, поскольку затонувших кораблей было слишком мало.

Еще в 50-е годы он открыл сахарную торговлю и добился значительных успехов благодаря ссудам, которые выдавались фабрикантам, производившим сахар-сырец. Центром сахарной промышленности была Украина, а точнее, ее западные губернии — Киевская, Подольская и Волынская, где крупное землевладение было сосредоточено преимущественно в руках польского дворянства. Помещики были одновременно и владельцами фабрик по производству сахара-сырца.

В результате польского восстания (1862–1863)¹²⁵ некоторые из упомянутых ссуд не были возвращены. В трех случаях отцовская фирма вынуждена была в компенсацию ссуд приобрести крупные поместья с находившимися в них фабриками сахара-сырца. При участии близких деловых партнеров Вильгельма Рау в Варшаве и Фридриха Йенни¹²⁶ в Кальнике (Подольская губерния) из приобретенных объектов были образованы три акционерных общества, деятельность которых всегда была чрезвычайно успешной и прибыльной: Яроповичи¹²⁷, Романовское (в честь моего отца — имени Роберт в русском языке соответствует имя Роман) и третье общество, название которого я, к сожалению, забыл. На базе этих фабрик по изготовлению сахара-сырца из собственной сахарной свеклы была создан очень крупный рафинадный завод в Киеве¹²⁸.

Уже в 1863 году, как явствует из письма отца Юлиусу Мёллеру, торговый дом «Штукен и Шпис» занимал ключевую позицию в московской сахарной торговле.

Импорт шелка-сырца, которым, как уже говорилось выше, занимался мой дед, в 60-е годы подвергся смертельной опасности в результате болезни шелкопряда и последовавшей за этим эпизоотии, охватившей Италию и Францию. Существовало вполне обоснованное предположение, что инфицированы были не только гусеницы тутового шелкопряда и бабочки, но и яйца шелкопряда, так называемая грена, потому что гусеницы погибали, едва успев появиться на свет.

Европейское шелководство могло выйти из этого катастрофического положения только за счет новых, еще не инфицированных семян, например, из азиатских стран.

Предприимчивость моего отца навела его на мысль обеспечить Италию центральноазиатской греной. Однако это был трудноосуществимый замысел, поскольку интересующие его регионы — уже присоединенный к России Туркестан¹²⁹, а также независимые ханства Хива,

¹²⁴ Ю. Р. Шпис занимался импортом чая до Первой мировой войны.

¹²⁵ Ошибка автора, правильно — 1863–1864.

¹²⁶ Швейцарская фирма в России, специализировавшаяся на рафинировании сахара.

¹²⁷ См.: Очерк операций и действий высочайше утвержденного Товарищества «Яроповичи». Киев, 1895; Отчет правления высочайше утвержденного Товарищества сахарных заводов «Яроповичи» за 1873/74 гг. Киев, 1874.

¹²⁸ Основателями акционерного общества Киевского рафинадного завода стали видные предприниматели, в том числе банкиры Гинцбург, Рафалович и Эфрусси.

¹²⁹ В ходе нескольких завоевательных походов в 1850–1853 и 1860–1866 гг. был завоеван ряд территорий в Средней Азии, из которых в 1865 г. была создана Туркестанская область, преобразованная в 1867 г. (с присоединением части Семипалатинской области) в Туркестанское генерал-губернаторство.

Бухара и Фергана – еще не были умиротворены¹³⁰ и с ними не было железнодорожного сообщения; одним словом, затея эта была чревата опасностями и коммерческими рисками.

Но прежде всего для этого нужно было получить разрешение российских властей. Тогдашний министр финансов, фон Рейтерн¹³¹, которому он изложил свой план, горячо одобрил идею и обещал оказать всяческое содействие. Кроме того, он выразил удовлетворение отрадным фактом, что первопроходцем в таком важном для страны деле в очередной раз выступает немец.

И вот в Центральную Азию были одна за другой отправлены три экспедиции, с каждым разом все более многочисленные и основательные. Из Саратова на Волге через Оренбург, через Киргизскую степь в Ташкент и дальше в Хиву, Бухару и Самарканд. Ташкент, столицу российского Туркестана и резиденцию генерал-губернатора, было решено использовать как пункт складирования.

Во главе экспедиций стоял итальянский специалист, синьор Адамоли (впоследствии депутат парламента)¹³². Грену расфасовывали в маленькие шелковые мешочки по 100 грамм, которые помещали в картонные коробки, а те в свою очередь в деревянные ящики. Один верблюд нес два ящика.

После успешного завершения двух первых экспедиций, то есть благополучной доставки грены в Италию и получения удовлетворительных результатов, третья экспедиция должна была доставить в Европу большую партию этого драгоценного товара. Однако судьба распорядилась иначе. Ящики с греной уже были погружены на верблюдов, как вдруг генерал-губернатор Туркестана, генерал фон Кауфман¹³³, своей властью запретил вывоз товара. То ли синьор Адамоли вовремя не уладил все формальности, то ли мой отец не смог быстро связаться с министерством в Петербурге из-за того, что в Ташкенте в то время еще не было телеграфа, – во всяком случае, личинки гусениц в свое время вылупились из яиц, и в ящиках все ожило и зашевелилось. Когда наконец из Петербурга пришел приказ отменить запрет на вывоз, ящики, распространявшие чудовищное зловоние, уже были сожжены по распоряжению генерал-губернатора.

Так бесславно, из-за идиотских русских бюрократических процедур, закончилось смелое и полезное начинание, обернувшись тяжелейшими финансовыми потерями для отцовской фирмы. Ведь российское правительство даже не подумало о том, чтобы возместить ей убытки, причиной которых стала вопиющая некомпетентность его ташкентского представителя.

Ко всем прочим злоключениям на обратном пути, в киргизской степи, караван подвергся нападению бандитствующих кочевников, и в бою погиб один из членов экспедиции. И какими бы тяжелыми ни были материальные потери – отец принял их со спокойной душой, но трагическую смерть одного из своих служащих он до конца жизни не мог себе простить¹³⁴.

Единственным положительным результатом этой экспедиции были подарки азиатских владык, которые синьор Адамоли в силу *sacro egoismo italiano*¹³⁵ счел своей личной неделимой собственностью и увез с собой на родину¹³⁶. Для нас, детей, стало незабываемым событием –

¹³⁰ Протекторат Российской империи над Бухарским ханством был установлен в 1868 г., над Хивинским – в 1873 г., над Кокандским (в который входила Фергана) – в 1876 г.

¹³¹ Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) – министр финансов в 1873–1878 гг.

¹³² Адамоли Джулио (1840–1926) – итальянский инженер и политик. С июня 1869 г. по октябрь 1870 г. он ездил в Киргизские степи и Туркестан. В 1876 г. он был избран депутатом парламента. См. его статью о поездке: *Adamoli G. Ricordi di un viaggio nelle steppe dei Kirghisi e nel Turkestan* // *Bollettino della Reale Società Geografica Italiana*. 1872. Serie 1. Vol. 7. См. о нем: *Иванов Д. Л.* Из воспоминаний туркестанца // *Исторический вестник*. 1896. № 6. С. 109–110.

¹³³ Кауфман Константин Петрович фон (1818–1882) – генерал-губернатор Туркестана (1867–1882).

¹³⁴ О проблемах, с которыми столкнулись экспедиции за греной, см.: *Преображенский П. М.* Исторический обзор развития шелководства в Москве и юго-западных от нее губерниях и действий Комитета шелководства с 1847 года апреля 7 и по 7 апреля 1872 года. М., 1872. Вып. 2. С. 340–343.

¹³⁵ священного итальянского эгоизма (*um.*).

¹³⁶ Мемуарист не учитывает, что Дж. Адамоли подносил богатые дары ханам (см.: *Кн. Дм. Д—ой [Д. Н. Долгоруков]*. Пять

разглядывать эти сокровища Востока: шелковые наряды, драгоценное оружие, богатые седла, украшенные бирюзой башмаки с высокими каблуками и многое другое.

Подъем экономической жизни в 60-е годы обусловил необходимость создания частных акционерных банков. Отцовская фирма дважды принимала в этом участие: при создании Московского учетного банка¹³⁷ и Русского для внешней торговли банка в Петербурге¹³⁸.

Тем временем отец все лучше понимал, что будущее в России принадлежит промышленности. Поскольку он уже приобрел большой опыт в этой области в связи с сахарным бизнесом, для его торгового дома сам по себе (в продолжение табачной торговли в Петербурге) напрашивался вопрос о приобретении табачных фабрик «Лаферм» в Петербурге и Варшаве, а затем и в Дрездене, а в рамках расширения торговли красителями его московского отделения – о покупке красильни Франца Рабенека в Болшеве под Москвой¹³⁹.

В работе этих двух предприятий я удостоился чести принимать участие еще при жизни отца. Поэтому ниже я еще раз вернусь к данной теме.

недель в Кокане // Русский вестник. 1871. Т. 91. С. 267), а увозил ответные подарки.

¹³⁷ Штукен и Шпис были членами правления Московского учетного банка. Он был основан в 1870 г. фирмами «Воган», «Шпис и Штукен» и «Кноп». См.: Отчет о действиях Московского учетного банка за 1871 г. М., 1872.

¹³⁸ Русский для внешней торговли банк был основан банками и фирмами, такими как «Е. М. Мейер и К^о», «Маас и К^о», «Скараманга и К^о», «Штукен и Шпис», и О. Э. Гинцбургом.

¹³⁹ Компанию Франца Рабенека Роберт Шпис и Вильгельм Штукен купили у Й. Э. Рабенека в 1868 г. Акционерами были Франц Рабенек, Г. Ф. Рабенек, Вильгельм Штукен и Роберт Шпис. Основной капитал: 500 000 руб., на предприятии были заняты 240 рабочих. В 1903 г., по завершении деятельности Георга Шписа, оборот составлял 2 241 800 руб. при штате в 525 работников. См.: Устав Товарищества Франца Рабенека. М., 1892; Исторический архив города Москвы. Ф. 16. Оп. 23. Д. 52761; Ф. 54. Оп. 166. Д. 1, 101; Ф. 17. Оп. 77. Д. 3791.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ШКОЛЬНАЯ УЧЕБА В ДРЕЗДЕНЕ. 1874–1879

17. Переезд в Дрезден

Хотя отца тянуло в родные места, на Рейн, он все же избрал местом нашего немецкого пристанища Дрезден, потому что его фирма приобрела дрезденскую сигаретную фабрику «Лаферм».

В Москве дела должны были вести мой зять Георг Фосс и кузен Эрнст Шпис¹⁴⁰, а отец, следя из Дрездена за ходом событий, намерен был параллельно заняться сигаретной фабрикой.

В Дрездене мы сначала полгода жили в отеле «Бельвю», где появился на свет мой младший брат Рудольф¹⁴¹, затем один год на улице Бюргервизе, № 18. И лишь потом папа купил дом на Гёте-штрассе, № 4 (ныне № 7), ставший нам второй родиной, и, кажется, в 1881 году прекрасную усадьбу в Вахвице на Эльбе.

Дом на Гёте-штрассе располагался в так называемом «английском квартале», который возник в 60-е и 70-е годы и тогда был границей города. Сегодня он находится почти в самом центре.

Проектировала его одна русская дама, и он представлял собой дикую смесь всех возможных стилей: впереди, на втором этаже, была лоджия с мощными колоннами коринфского ордера, а со стороны сада неуместная башенка в готическом стиле. Недоумение вызывало и расположение комнат: по замыслу русской все жилые помещения, за исключением столовой, находились на втором этаже, в том числе танцевальный зал. Родители не знали, что с ним делать, и в конце концов устроили в нем свою спальню.

Усадьба в Вахвице была одной из самых красивых в окрестностях Дрездена. Как и большинство подобных владений, по своему характеру выходящих за рамки буржуазной архитектуры, она сменила много хозяев. Построенная в конце XVIII века саксонским принцем Ксавером¹⁴², она в середине следующего столетия оказалась во владении замечательного дрезденца, известного филантропа Гюнца¹⁴³, у наследников которого мой отец ее и выкупил¹⁴⁴.

Поместье площадью с десяток гектаров представляет собой плато на горном склоне с прекрасным парком, садом и виноградником. Помимо обыкновенных теплиц, Гюнц устроил специальную оранжерею для ананасов, от которой очень скоро, еще в 80-е годы, вынужден был отказаться по причине ее нерентабельности. Та же участь постигла и виноградник. Виноделие в окрестностях Дрездена, судя по всему, было выгодно лишь до принятия в Германии закона об охране товарных знаков. В те времена находившийся в Дрездене завод шампанских вин еще мог предложить саксонским виноградарям вполне приличные цены, поскольку из кислого вина делал прекрасное «настоящее французское шампанское».

---

¹⁴⁰ Фосс Георг (1841–1899) – московский купец, уроженец Редвиша в Голштинии, муж Генриетты Шпис. Шпис Эрнст (1849–1917) – сын Вильгельма Шписа.

¹⁴¹ Шпис Рудольф (1874–1958) – купец в Москве и Берлине. Он сначала работал в фирме Георга Шписа «Шпис, Штукен и К^о», затем в фирме «Шпис и Прен», в нефтяном синдикате «Казбек», на пивоварне Отто Вогау в Самарканде, а незадолго до начала Первой мировой войны был кандидатом в дирекцию Белорецких заводов.

¹⁴² Франц Ксавер Саксонский (1730–1806), принц – сын саксонского курфюрста Фридриха Августа II (короля Польши под именем Августа III), в 1763–1768 гг. регент в Саксонии.

¹⁴³ Гюнц Юстус Фридрих (1801–1875) – юрист, журналист и филантроп.

¹⁴⁴ Вилла была куплена в 1881 г.

Когда отец покупал Вахвиц, там уже производилось вахвицкое натуральное вино. Но поскольку спрос на него по понятным причинам оставлял желать лучшего, злополучный виноградник выкорчевали и на его месте насадили фруктовые деревья.

Сама вилла, выстроенная в стиле ампира и внешне напоминавшая замок, отличалась приятными, спокойными формами. Из окон и с балкона, а также с длинной террасы на склоне холма открывался на редкость красивый вид на город, Эльбу, Эрцгебирге и острые песчаные скалы Саксонской Швейцарии.

18. В гимназии Витцтума

На предварительном экзамене в гимназии Витцтума¹⁴⁵ в июне 1874 года я показал такие слабые знания в немецком и латыни, что надежды мои быть принятым в пятый класс рухнули. Не помогли мне и мои более основательные знания по другим предметам, в том числе по русскому языку и основам славянского (церковнославянского, из которого сформировались связанные с византийской культурой славянские языки, то есть русский, украинский, болгарский и сербский). Мне пришлось все лето 1874 года брать частные уроки, чтобы к Михайлову дню быть принятым в третий класс (учебный год начинался после Пасхи), в то время как моего одаренного – и к тому же не пострадавшего от русских школьных экспериментов – брата Вильгельма приняли в шестой класс, хотя он был на три года младше меня.

Впрочем, пятый класс почти в тринадцатилетнем возрасте явно пошел мне на пользу. В отличие от России, в дрезденской гимназии никто не переоценивал моей способности восприятия и не требовал от меня каких-то феноменальных успехов; к тому же методы обучения были там более эффективными. Одним словом, у меня было такое ощущение, будто у меня сняли с глаз повязку, я легко, играючи усваивал любой материал. Я с благодарностью и любовью вспоминаю гимназию Витцтума, нашу «коробку», как мы называли здание гимназии, в котором замечательные педагоги научили нас ясно мыслить и заложили идеальные взгляды на жизнь.

Частью вступительного экзамена в гимназии было задание написать краткое сочинение о Москве. Изюминкой своего опуса я считал слово «приблизительно», которое присовокупил к цифре 600 000, сообщая о численности населения Москвы. Не знаю, разделял ли экзаменатор мой восторг по поводу этого «перла»; во всяком случае, он заметил, что слово *Offizier*¹⁴⁶ я написал с одним *f*.

Похоже, я тогда был довольно высокого мнения о своем статусе и явно переоценивал ту меру уважения, которая, по моему мнению, мне полагалась¹⁴⁷. Это проявилось в первый же день занятий, когда я явился на ежедневную утреннюю молитву, проходившую в актовом зале в присутствии коллегии учителей, без сборника псалмов, забыв его дома; в отличие от Вилли, который всегда был образцовым учеником. Увидев у него в руках сборник псалмов, я легко, прибегнув к хитрой аргументации, выдурил его у доверчивого брата. Я сказал ему,

---

¹⁴⁵ Гимназия Витцтума была создана в 1638 г. на средства графа Рудольфа Витцтума фон Апольда. В 1828 г. на основе этого учебного заведения был открыт Гимназический воспитательный дом Блохмана, ставший одним из лучших учебных заведений Дрездена, в котором обучались и воспитывались преимущественно дети дворян и высших чиновников. Там учились многие представители московского дома Шписов, в том числе большинство братьев Георга Шписа и его сыновья.

¹⁴⁶ офицер (нем.).

¹⁴⁷ Один забавный пример той самонадеянности, что переполняла меня тогда, а заодно и той милой и безупречной манеры, с которой наша дорогая сестра Юлия руководила нашим воспитанием, увековечен в многоязычном словаре, находящемся ныне в собственности Вильгельма, который мы, дети, получили в подарок на Рождество. Он лежал на моем столе, из чего я сделал вывод, что он предназначен мне, и не замедлил написать на титульном листе свое имя. Однако Юлия, стоявшая на страже справедливости, приписала под моим именем: «и его семьи». Восприняв это как злостное и возмутительное ущемление моего права собственности, я решил подчеркнуть свое первенство и отомстить Юлии и закончил эту письменную полемику словами: «главой которой он ивляется». Таким образом орфографически неграмотная «глава», кроме материального ущерба, понесла еще и моральный – в виде насмешек.

что для шестиклассника это не так уж важно, есть ли у него сборник псалмов или нет, а вот с пятиклассников совсем другой спрос, и он охотно уступил мне свою книжку.

После молитвы Целер, который готовил нас обоих к вступительному экзамену и хорошо знал как добросовестность Вилли, так и мое разгильдяйство, основательно просветил меня относительно моей завышенной самооценки.

В начале нового семестра после молитвы обычно проходила торжественная переключка новичков. Им надлежало выйти вперед и, поприветствовав ректора, профессора Циля, рукопожатием, дать обещание быть хорошим учеником.

Когда назвали нашу фамилию, в классе раздался взрыв хохота, который стих лишь после нескольких грозных взглядов-молний ректора. Это веселье наших будущих товарищей по учебе объяснялось тем, что по старой традиции гимназисты называли учителей «шписами»¹⁴⁸.

Вскоре мы подружились со своими одноклассниками. В нашем коллективе царил прекрасный моральный климат. Всякая ложь – я, разумеется, имею в виду не мелкое, шутливое плутовство или безобидные проделки, направленные друг против друга, которые вполне простительны для резвых, веселых мальчишек, – презиралась. На лгунов не доносили – их беспощадно лупили. Этот моральный климат отчасти объясняется тем, что в гимназии учились дети представителей богатой буржуазии, дворянства и даже высшей знати.

Преподавали в гимназии талантливые и опытные учителя. О некоторых я хочу сказать особо.

Только учитель французского языка, меесье Лекутр, не смог найти правильную линию поведения в отношении нашего патриотического подъема, вызванного Франко-прусской войной 1870–1871 годов. Хотя он и был франкоязычным швейцарцем, мы относились к нему с презрением, как к представителю враждебной нации. Да и внешность его – длинная нескладная чахоточная фигура – не вызвала у нас симпатии. В конце концов он стал жертвой одной манифестации, произошедшей в моем четвертом, если не ошибаюсь, классе.

Дело было зимой. Урок французского стоял в расписании после получасовой перемены, которую мы провели в гимназическом саду, где запаслись снежками. Один из «злоумышленников» во время перемены довел старинную чугунную печку в классе до белого каления. Когда бедный Лекутр вошел в класс и занял свое место на кафедре, начался первый акт трагикомедии. Наш главный проказник, барон фон Мюнхгаузен, который, как отъявленный лодырь, должен был сидеть на первой парте, в непосредственной близости от кафедры, и, судя по всему, намеревался пойти по стопам своего знаменитого предка или однофамильца, принялся барабанить пальцами по крышке парты, изображая бурное соло на фортепиано, а весь класс вполголоса запел «Стражу на Рейне»¹⁴⁹.

Бедный Лекутр, потрясенный этим актом враждебности, которой он, швейцарец, в сущности, не заслужил, сначала взирает на происходящее молча. Но когда начался второй «акт» представления – бомбардировка раскаленной докрасна печки снежками, которые с шипением таяли, отчего на полу мгновенно образовалась огромная лужа, – он попытался остановить безобразие, грозя серьезными наказаниями. Убедившись в тщетности этих попыток, он ретировался. Вскоре в класс вошел ректор и учинил нам страшный разнос. Бедный Лекутр, которого мы так больше и не увидели, навсегда исчез из гимназии.

Дисциплину и уважительное отношение к французскому восстановил знаток этого языка и очень толковый учитель доктор Кёниг. Он был офицером и сам прошел войну, поэтому ему не составило труда справиться с нами.

---

¹⁴⁸ Ср. примеч. 62.

¹⁴⁹ Стихотворение «Стража на Рейне», написанное в 1840 г. Максом Шнекенбургером и позже, в 1854 г., положенное на музыку Карлом Вильгельмом, с началом Франко-прусской войны стало фактически неофициальным национальным гимном Германии.

Моя учеба в четвертом и пятом классах проходила довольно успешно. После четвертого я стал первым учеником в классе, а через год меня перевели в пятый класс. Поскольку и мой брат Вилли был отличником, мы с ним приобрели своего рода ореол учености. Ректор даже заявил, что гимназия гордится тем, что приобрела сразу двух образцовых учеников из одной семьи.

Такая похвала из уст самого ректора оказалась для меня роковой. В отличие от моего брата, я постепенно настолько проникся уверенностью в собственном превосходстве над остальными, что становился все ленивей и наконец в течение трех последующих лет скатился, если мне не изменяет память, на одиннадцатое место в классе по успеваемости и жил, по сути, былой славой. Во всяком случае, переходя в шестой класс, я уже не мог рассчитывать на благосклонность учителей.

Если в пятом классе я быстро покинул горные выси, в которые воспарил благодаря своим сочинениям по немецкому в четвертом классе, то этим я был обязан учителю немецкого и Закона Божьего, доктору Вайзе, точнее чрезмерной предприимчивости, с которой я воспользовался одной из причуд этого доблестного теолога. Дело в том, что доктор Вайзе был настолько набожным, что всегда радовался, видя в наших сочинениях рассуждения религиозного характера, даже в тех случаях, когда подобные материи не имели к обсуждаемой теме ни малейшего отношения. Широко пользуясь этой его слабостью, я получал у него самые высокие оценки.

Когда я перешел в пятый класс, я в первом же сочинении прибегнул к упомянутой военной хитрости. Освещая тему, весьма далекую от вопросов теологии, я принялся скрупулезно доказывать существование Бога. Обычно учителя обсуждали наши сочинения, начиная с лучших. В тот раз доктор Буддензиг, к моему величайшему удивлению, начал не с моего опуса. Еще больше я смутился, не оказавшись ни на четвертом, ни на пятом и даже ни на пятнадцатом месте. Наконец меня осенило: «Доктор Буддензиг, видимо, решил поскорее разделаться с посредственными работами, то есть с остальными сорока сочинениями, чтобы затем торжественно объявить об их вопиющем убожестве в сравнении с сочинением Шписа», – подумал я и с гордым видом приготовился к триумфу.

Однако меня ждало жестокое разочарование. Доктор Буддензиг и в самом деле назвал мою фамилию последней. Но вместо похвалы я услышал суровые упреки в том, что я не справился с заданием, направив все усилия на поиски доказательств существования Бога, то есть писал о том, что не имеет никакого отношения к заданной теме.

В результате мне пришлось написать еще одно сочинение.

Этот доктор Буддензиг был замечательным педагогом. Поскольку он в свое время служил домашним учителем в семье прусского посла в Лондоне, графа Бернсторфа¹⁵⁰, он обладал более широким кругозором, чем его коллеги.

Помню, однажды я поверг его в изумление. Как я уже говорил выше, мои приступы лени начались в пятом классе. Свою неподготовленность к уроку и невыполненные задания я отчаянно старался объяснить все новыми обстоятельствами, якобы помешавшими мне сделать это. И когда я в очередной раз принялся морочить ему голову, он удивленно посмотрел на меня и произнес следующий знаменательный монолог: «То, что все сказанное тобой – не что иное, как отговорка, мне понятно. Но меня поражает оригинальность этой версии. За свою многолетнюю практику я слышал столько отговорок, что удивить меня трудно, но *такого* изощренного вранья мне слышать еще не доводилось! За твою неистощимую фантазию я на этот раз прощаю тебе твою лень».

Кажется, мы с ним остались чрезвычайно довольны друг другом.

---

¹⁵⁰ Бернсторф Альбрехт фон (1809–1873), граф – прусский (1854–1861, 1867–1871), затем германский (1871–1873) посол в Великобритании.

У нас были хорошие учителя истории: в младших классах доктор Мюллер, в старших профессор Дистель. Они прекрасно умели доступно объяснять сложные исторические процессы.

Географии нас учил доктор Эберт. У него была кличка Паппих¹⁵¹, не знаю почему. Главная особенность его методики заключалась в том, что он мертвые цифры «оживлял» понятными для нас примерами. Например, нам надо было запомнить, что численность населения Толедо составляет десять тысяч человек, а это число нам ни о чем не говорило, тем более что Толедо, столица древнего вестготского королевства, представлялось нам чем-то гораздо более внушительным. Но благодаря пояснению доктора Эберта, что это число равняется числу жителей хорошо известной нам Пирны¹⁵², мы быстро корректировали свое представление о сегодняшнем Толедо и его утраченном былом величии.

Большим оригиналом и превосходным учителем был классный наставник пятого класса профессор доктор Янковиус. Его нескладное тело – у него был небольшой горб и приподнятое правое плечо, отчего он обычно держал левую руку за спиной, – венчала классическая римская голова, украшенная к тому же ярким римским носом. Поскольку он любил на уроках грамматики произносить имя Гайус, мы за глаза называли его Гайус Янковиус Носус, но чаще просто – Янке.

Я никогда не забуду, как мы под руководством нашего славного Янке, с которым мы читали Цицерона и Ксенофонта, упражнялись в латинском синтаксисе, особенно когда он учил нас спряжению латинского глагола «быть убежденным».

Сопровождая слова уморительными движениями правой руки, выделяя голосом отдельные слоги и постепенно повышая тональность, он вдальблывал нам:

Mihi persuasum est
Tibi persuasum est
Gajo persuasum est
Nobis persuasum est
Vobis persuasum est
Romanis persuasum est¹⁵³.

У Янковиуса не было жены, но было большое сердце.

Нам, гимназистам, разрешалось посещать кондитерские только в сопровождении родителей или родственников. В витрине одной маленькой кондитерской на Фердинанд-штрассе, которая давно превратилась в кофейню, я однажды увидел роскошные шоколадные пирожные «голова мавра». А я обожал эти пирожные.

Недолго думая, я вошел в кондитерскую, чтобы купить пирожное, и с ужасом увидел профессора. Тот с удивлением воззрился на меня. Я, быстро оправившись от растерянности, принялся беззастенчиво врать ему, что увидел его в окно и, уповая на его доброту, решился переступить порог кондитерской в надежде, что он позволит мне купить вожделенное пирожное.

Добрая душа! Он сам купил мне целых два пирожных и посмотрел на меня при этом приветливо-лукавым взглядом.

Еще большим оригиналом и добряком был профессор Полле, классный наставник второго класса. Мы называли его Поллуксом¹⁵⁴, потому что он, как рысь, чуял безобразия, напри-

---

¹⁵¹ Rappich (нем.) – бумага, сочинение, записка.

¹⁵² Пирна – небольшой город в Саксонии.

¹⁵³ Я убежден, ты убежден, Гай убежден, мы убеждены, вы убеждены, римляне убеждены (лат.).

¹⁵⁴ Лукс (нем. Luchs) – рысь.

мер шпаргалку или учебник на коленях под партой, и незаметно подкрадывался к «злоумышленнику». У него, всегда (из соображений экономии) одетого в серо-коричневую мантию, была голова пророка.

Это был self-made man¹⁵⁵. Он не скрывал, что до двадцати пяти лет зарабатывал себе на жизнь, работая официантом. Обнаружив на одном из столиков кофейни, где он обслуживал студентов, перевод «Илиады» Гомера, он с жадностью прочел его и твердо решил стать филологом, чтобы читать древних авторов в оригинале! Еще будучи официантом, он сдал вступительный экзамен и благодаря своим скромным сбережениям начал учебу в университете.

Это тоже было характерной чертой нашей «аристократической» гимназии, что мы, несмотря на все «странности» профессора Полле, относились к нему с глубоким уважением, хотя и скрывали свои чувства за обычными мальчишескими проказами.

Одна из его странностей заключалась в том, что он любил называть себя философом и часто предавался пространному рассуждению о понятиях, не имеющих отношения к учебному материалу (например, «Одиссее» Гомера). Так, он однажды сделал предметом дискуссии понятие «пиетет».

– По отношению к кому человек испытывает пиетет? – вопрошал он.

Встало чуть ли не полкласса, чтобы ответить на поставленный вопрос:

– По отношению к родителям.

– Хорошо. Очень хорошо, – откликнулся он. – А еще?

Все дружно молчали, прекрасно зная, какой ответ он хотел услышать. Он повторил вопрос.

Упорное молчание.

На лице нашего доброго Полле раздражение и разочарование. Случайно остановившись рядом со мной, он сердито восклицает:

– По отношению к кому еще должны испытывать пиетет хотя бы гимназисты?

Ледяное молчание.

– Тогда я сам вам скажу: по отношению к учителям! К учителям!

Гробовое молчание.

– Нет, это невозможно! – вдруг пробормотал я себе под нос, имея в виду сложившуюся ситуацию.

– Что? – воскликнул он. – Шпис, вы говорите, что это невозможно? Да, вы правы: пиетета, который вы должны испытывать, больше не существует. Но я рад, что вы в этом открыто признаетесь!

Он и в самом деле был этому рад. Таков уж был наш Полле.

Говоря о наших замечательных педагогах, не могу не упомянуть также профессора Майхофа, моего будущего зятя, и профессора Флекайзена.

Профессор Майхоф, известный как исследователь Плиния, позже стал ректором гимназии им. Св. Николая в Лейпциге¹⁵⁶. Я узнал его, когда он замещал заболевшего профессора Полле. В гимназии все единогласно считали его самым выдающимся и уважаемым из наших учителей. Причина этого не в последнюю очередь заключалась в том, что благородство взглядов сочеталось у него с обходительностью. Майхоф был истинным джентльменом. Мне кажется, он был единственным среди наших учителей, носившим в то трезвое унылое время манжеты, причем даже пришитые к нарукавникам.

---

¹⁵⁵ человек, сделавший себя (*англ.*), то есть преуспевший благодаря собственным усилиям.

¹⁵⁶ Майхоф Карл Фридрих Теодор (1841–1914) – филолог-античник; преподаватель Гимназического воспитательного дома Блохмана (1869–1884; с 1872 г. – профессор). Ему принадлежат работы о Плинии и критические издания его текстов: *Lucubrationum Plinianarum capita tria*. Neustrelitz, 1865; *Novae lucubrationes Plinianae*. Leipzig, 1874; *C. Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Post Ludovici Iani obitum recognovit et scripturae discrepantia adiecta edidit Carolus Mayhoff*. 6 Bände, Leipzig, 1892–1906.

На такие мелочи молодежь обращает больше внимания, чем может показаться.

Большинство наших учителей отличались необыкновенным безвкусием туалетов. Безусловным рекордсменом в этом был старый добрый профессор Флекайзен, заместитель ректора и одновременно классный наставник первого класса, носивший мантию из того же коричневого легкого материала, из которого шили свои платья семь его дочерей. Кстати, в таких средневековых мантиях, единственным достоинством которых была их дешевизна, ходили только он и профессор Полле.

Профессор, судя по всему, был талантливым филологом, но как педагог не выдерживал никакой критики, если не считать того, что его неслыханная доброта сама по себе оказывала на учащихся облагораживающее действие.

Его лицо а-ля «Кладдерадач»¹⁵⁷ (оно и в самом деле представляло собой почти точную копию лица с обложки этого журнала), особенно его приветливые, смеющиеся глаза, говорили, что нет такого прегрешения, которого бы он не простил.

В те дни, когда он замещал у нас заболевшего учителя, знаний у нас не прибавлялось ни на йоту, зато мы великолепно проводили время.

Среди моих сверстников было несколько подававших большие надежды мальчиков, которые позже стали знаменитостями или сделали блестящую государственную карьеру.

Самым одаренным из моих одноклассников я бы назвал Вильгельма фон Поленца¹⁵⁸, ставшего романистом. К сожалению, он рано ушел из жизни, и это была ошутимая потеря для нашего народа.

Еще два моих товарища – барон Георг фон Омштеда¹⁵⁹, тоже подвизавшийся на литературной ниве, и его брат Отто, ставший генералом¹⁶⁰. Правда, оба однажды остались на второй год.

Особенно тесные узы дружбы связывали меня с графом Кристофом фон Витцтумом, будущим саксонским министром¹⁶¹. Он принадлежит к тем, по счастью немногим, людям, в которых моя в значительной мере мечтательная натура нашла предмет практического приложения. Но поскольку это «практическое приложение» выражалось исключительно в тайном поклонении, я не пытался сблизиться с ним. Позже я каждый раз испытывал радость от своих, к сожалению, нечастых встреч с этим тонким и умным человеком.

Очень милым мальчиком незаурядных способностей был граф Бото фон Ведель, принадлежавший к восточно-фризской ветви этого рода, которого я вновь увидел во время войны в Министерстве иностранных дел и в качестве посла в Вене¹⁶².

Еще одним моим товарищем по учебе, посвятившим себя дипломатической карьере, был тогдашний принц, потом князь Лихновский¹⁶³. Он, как и граф фон Шеель-Плессен (который рано умер)¹⁶⁴, считался главным представителем нашей высшей гимназической «элиты», будучи при этом очень общительным и, без сомнения, умным. В 1912–1914 годах я не раз видел его в Лондоне, где он пытался решить неразрешимую задачу – преодолеть существовавшие между Германией и Англией противоречия. В сущности, этот умный и не чуждый современным идеям человек был идеальной кандидатурой для решения подобных задач, но гонка

---

¹⁵⁷ Kladderadatsch (Берлин; 1848–1944) – немецкий иллюстрированный сатирический журнал.

¹⁵⁸ Поленц Вильгельм фон (1861–1903) – немецкий писатель.

¹⁵⁹ Омштеда Георг фон (1863–1931) – немецкий писатель.

¹⁶⁰ Омштеда Отто Герман фон (1864–1934) – саксонский генерал-лейтенант.

¹⁶¹ Витцтум Экштадт Кристоф Иоганн фон (1863–1944), граф – саксонский юрист и дипломат, министр внутренних и иностранных дел Саксонии (1909–1918).

¹⁶² Ведель Бото фон (1862–1943) – немецкий дипломат, посол в Австрии (1916–1919).

¹⁶³ Лихновский Карл Макс (1860–1928), граф, князь (1901) – немецкий дипломат, посол в Великобритании (1912–1914). См. его книгу: *Meine Londoner Mission 1912–14*. Berlin, 1918.

¹⁶⁴ Шеель-Плессен Отто Вульф Генрих Бернхард фон (1862–1888), граф.

военно-морских вооружений с Великобританией окончательно оттолкнула от нас англичан. Квадратура круга и ему оказалась не по плечу.

Для полноты картины я назову остальных «князей» одного только нашего выпуска, хотя они и не сыграли впоследствии никакой исторической роли.

Были у нас один или два отпрыска основанного Наполеоном I княжеского дома фон Лёвенштайн-Вертхайм-Фройденберг, тонкие, любезные юноши; один принц Сиццо фон Рудольштадт, который уже тогда обещал стать «вашей светлостью»¹⁶⁵; и, наконец, принц (впоследствии герцог) Эрнст Гюнтер фон Шлезвиг-Гольштейн¹⁶⁶, брат нашей будущей императрицы¹⁶⁷. Принц Эрнст Гюнтер был одаренным человеком и в условиях конституционной монархии, как, например, Англии или Голландии, мог бы стать вполне приличным правителем. В начале его учебы в третьем классе в нем отчетливо видны были признаки безупречного домашнего воспитания, из-за которого он инстинктивно, уже хотя бы в силу своей необыкновенной чистоплотности, держался от нас, «бюргерских детей», на некотором расстоянии. Но поскольку он, к своему несчастью, оказался за одной партой со мной и при этом значительно уступал мне в физической силе, я счел своим святым долгом радикально исправить этот недостаток его воспитания и кулаками внушить ему если не любовь, то хотя бы уважение к бюргерскому сословию. С тех пор он был милейшим товарищем.

Нужно признать, что некоторые, очень немногие из наших дворян отличались фанаберией, однако они были скорее исключением. Во мне еще в гимназические годы сложилось убеждение, что потомственное дворянство, включая высшую знать, представляет собой чрезвычайно важное достояние нашего народа – накопленные сокровища духа, деловых качеств и приверженности национальным традициям, – которое мы должны беречь как зеницу ока, если мы хотим остаться великой нацией. Возрождение нашего разрушенного Германского рейха – это прерогатива отнюдь не народных масс, а именно аристократии.

Два моих близких друга были из бюргерской среды. Оба стали офицерами. Один – Эрнст Зуфферт – получил тяжелую травму головы на скачках и с тех пор занимался живописью в Мюнхене, другой, Гарри Гётце, тоже прежде времени оставил военную карьеру из-за слабого здоровья.

То обстоятельство, что я покинул гимназию с так называемым «однолетним» аттестатом, что я избрал в высшей степени необычное для гимназии Витцтума поприще – коммерцию – и вскоре после этого вернулся в Россию, стало причиной, по которой у меня ни с кем из моих дрезденских гимназических товарищей не было тесных и продолжительных контактов. Жизнь безжалостно разлучила нас.

19. Выборы в рейхстаг 1877 года

Необычное волнение охватило нас, гимназистов, когда в 1876 или 1877 году начались выборы в рейхстаг¹⁶⁸. Ведь наш горячо любимый учитель профессор Майхоф участвовал в этих выборах в качестве кандидата от Национально-либеральной партии. Поскольку и мой отец был близок к этой бисмарковской партии¹⁶⁹, я считал, что только она права и достойна доверия.

---

¹⁶⁵ Сиццо, принц Шварцбургский (1860–1926) – глава дома Шварцбургов и претендент на княжества Шварцбург-Рудольштадт и Шварцбург-Зондерсхаузен.

¹⁶⁶ Эрнст Гюнтер (1863–1921) – герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Августенбургский с 1880 г., прусский генерал кавалерии (1913).

¹⁶⁷ Августа Виктория Фредерика Луиза Феодора Джени (1858–1921) – германская императрица и королева Пруссии (с 1888 г.).

¹⁶⁸ Выборы проходили в 1877 г.

¹⁶⁹ Ориентация Роберта и Георга Шписов на Бисмарка и национал-либералов объясняется, возможно, дружбой с семьей Шайдт и Юлиусом Мёллером, которые были в близких отношениях с Бисмарком. См.: *Soënius U. S. Wirtschaftsbürgertum im 19. und frühen 20. Jahrhundert: Die Familie Scheidt in Kettwig 1848–1925*. Köln, 2000. S. 451, 457.

Хотя среди партий, стоявших на буржуазной платформе, – к ним можно отнести и Консервативную партию, а также в какой-то мере Партию прогресса – национал-либералы имели больше всего сторонников, кандидат от Национал-либеральной партии мог победить в борьбе со стремительно набиравшими силу социалистами, лишь получив при баллотировке голоса Консервативной партии.

Консерваторы в Саксонии, тогда еще ярые партикуляристы, не могли простить Пруссии 1866 год¹⁷⁰. Поэтому, когда Майхоф набрал равное количество голосов с социалистом Августом Бебелем¹⁷¹, консерваторы в своей ненависти к Бисмарку и связанной с ним новой политической реальности в Германии призвали голосовать против «пруссак» Майхофа (он был мекленбуржцем¹⁷²). Такая политическая слепота тогда была характерна для ведущих политических кругов Саксонии. Ситуация изменилась лишь в 80-е годы.

Из-за происков консерваторов Майхоф провалился, и Бебель вошел в рейхстаг представителем столицы Саксонского королевства. Трудно передать наше разочарование и отвращение к произошедшему¹⁷³.

20. Жизнь моего отца в Дрездене

Как бы живо ни интересовался мой отец общественной жизнью, он все же никогда не принимал в ней активного участия. В Дрездене он вел довольно уединенный образ жизни. Я и там помню его не иначе как за письменным столом или за книгой. Ему была абсолютно чужда чисто немецкая страсть к разного рода союзам, объединениям и клубам, хотя он, конечно же, состоял членом того или иного клуба, служившего общественному благу или образованию, но постоянное сидение в пивных, где проходили их собрания, было не для него.

Его жизнь была посвящена нашему – довольно суровому – воспитанию. За столом у нас не допускалась пустая болтовня; мы были приучены помалкивать, если не имели сказать что-нибудь заслуживающее внимания. Предметом застольной беседы – как правило, сдержанной и немногословной – служили темы, которые обычно предлагали он и Юлия. Так, личным примером, он последовательно приучал нас к серьезному взгляду на жизнь, к верности долгу, терпимости к другим и строгости к себе, к критическому мышлению, развивал в нас чувство собственного достоинства.

Огромную поддержку в этом ему оказывала моя старшая сестра Юлия, которой мы, младшие братья и сестры, обязаны очень многим. Эта умная, жизнерадостная, интеллигентная и одаренная девушка, соединившая в себе доброту матери с глубиной характера отца, мамину музыкальность и художественные задатки дедушки с папиным умом, взяла воспитание младших братьев и сестер в свои руки. Она сумела привить нам любовь к идеалам, к добру и к прекрасному и по мере наших природных возможностей развить в нас музыкальные способности,

---

¹⁷⁰ В Австро-пруско-итальянской войне 1866 г. Саксония воевала на стороне Австрии против Пруссии; Пруссия победила в этой войне.

¹⁷¹ Бебель Фердинанд Август (1840–1913) – социал-демократ, один из основателей Социал-демократической партии Германии, депутат рейхстага Германской империи (1871–1913, кроме 1881–1883).

¹⁷² Великие герцогства Мекленбург-Стрелиц и Мекленбург-Шверин после 1815 г. находились под протекторатом Пруссии.

¹⁷³ Хорошей иллюстрацией того, насколько нелепые и гротескные формы порой принимал узкий партикуляризм в Саксонии в 80-е годы, может служить следующая история. В табачном отделе нашей дрезденской сигаретной фабрики работал один толковый молодой человек по имени Фогель, саксонец по происхождению, бывший почтовый служащий. Для пополнения его знаний в области табачного бизнеса я планировал для него долгосрочную командировку в Петербург, в наш тамошний филиал. Когда я сообщил ему об этом, он пришел в восторг. На мое замечание о том, что он, скорее всего, еще не бывал за границей, он возразил: «Отчего же? Я уже много раз бывал за границей. Ведь я раньше служил почтовым секретарем и часто возил корреспонденцию в Ютербог».

¹⁷⁴ Ютербог – город в Германии, в то время в прусской провинции Бранденбург.

а также вкус к искусству. Чего стоили одни только посещения Дрезденской картинной галереи, оказавшие на наши юные души благотворнейшее влияние!

Я никогда не забуду золотые гимназические годы в Дрездене, где испытал благодатное влияние этих удивительных людей.

21. Круг общения родителей

Круг общения родителей ограничивался главным образом несколькими семьями, с которыми нас чаще всего знакомила Юлия: знаток и любитель искусства профессор Альфред Хаушильд (и его жена); архитектор Манфред Земпер (и его жена), руководивший тогда строительством нового придворного театра по проекту своего великого отца Готтфрида Земпера; директор Зоологического музея надворный советник Майер (и его красавица-жена из бедной семьи); необыкновенно добродушный адвокат, надворный советник Лески, саксонец до мозга кости, старый холостяк, фигура известная чуть ли не каждому жителю тогда еще довольно маленького Дрездена¹⁷⁵.

Следует также упомянуть о нескольких вернувшихся из России семьях, прежде всего о семье Йенни швейцарского происхождения, многие поколения которой жили на юге России. Фридрих Йенни, с которым отец, как я уже говорил выше, имел деловые контакты в рамках сахарного бизнеса, был одной из самых ярких личностей, которые я встречал в своей жизни, — коммерсант, настоящий вельможа и воплощение ума и доброты.

Временами в нашем доме бывали и знаменитости, например Клара Шуман¹⁷⁶, которая, останавливаясь у нас во время своих гастролей в Москве, подружилась с моей сестрой Юлией и матушкой, и талантливая певица Эрмина Шпис¹⁷⁷, известная своим прекрасным голосом, с которой нас, как выяснилось, связывали родственные узы, уходящие на двести лет назад.

22. Дом Везендонков

Со старым Везендонком¹⁷⁸, которого он знал еще с эльберфельдской школьной скамьи и который в начале 70-х годов вернулся со своей семьей из Цюриха в Дрезден, отец встречался редко. Слишком разными были моя любимая матушка и его красивая высокообразованная жена Матильда¹⁷⁹. Юлия же была частым гостем в доме Везендонков.

Благодаря тому обстоятельству, что младший сын Везендонка Ганс был моим гимназическим товарищем, хотя мы и учились в разных классах, я тоже нередко бывал в их доме на пересечении Винер-штрассе и Гёте-штрассе, напоминавшем художественный салон, и каждый раз чувствовал себя немного скованным из-за царившей там торжественной атмосферы. В стенах этого дома витали воспоминания, связанные с великим Вагнером, вселявшие в меня благоговение.

Я как сегодня вижу прекрасную, аристократичную фрау Везендонк, величественно восседающую в своей элегантной гостиной и благосклонно принимающую наше расшаркивание.

---

¹⁷⁵ Хаушильд Альфред Мориц (1841–1929) — архитектор; Земпер Манфред (1838–1913) — архитектор, построивший новое здание Дрезденского оперного театра; Готфрид Земпер (1803–1879) — архитектор и теоретик искусства. Мейер Адольф Бернхард (1840–1911) — естествоиспытатель и антрополог. Лески Вильгельм (1834–1904) — адвокат и нотариус, член Королевского саксонского общества древностей.

¹⁷⁶ Шуман Клара (1819–1896) — пианистка, жена Роберта Шумана.

¹⁷⁷ Шпис Эрмина (1857–1903) — певица; о ней см.: *Schuppener U. Johannes Brahms und Hermine Spies. Schwärmerei und eingebungsvolle Bewunderung? // Zeitschrift der Familie Spieß u. Spies. 2001. Bd. 10. Heft 5. S. 160–177.*

¹⁷⁸ Везендонк Отто Фридрих Людвиг (1815–1897) — торговец шелком. Он был поклонником музыки Р. Вагнера и с 1853 г. оказывал ему финансовую помощь, а с 1857 г. предоставил садовый домик на своей вилле, где Вагнер жил по 1858 г.

¹⁷⁹ Везендонк Матильда (урожд. Лакемейер; 1828–1902) — писательница, жена О. Везендонка. Р. Вагнер был влюблен в нее и написал на ее стихи вокальный цикл «Пять стихотворений для женского голоса и фортепиано» (1857–1858).

Даже королевы, которых мне доводилось видеть позже, не производили на меня такого сильного впечатления, как эта Изольда Рихарда Вагнера¹⁸⁰.

23. Липман

В нашем доме все было не так торжественно. К тому же у нас был друг, которому мы обязаны многими минутами веселья, – Липман, наш привратник и истопник, который выполнял разные мамины поручения и жил в садовом флигельке.

Этот маленький человечек (в прошлом ткач) с тонкими чертами лица, поступая на службу к моим родителям, уже был вдовцом и имел многочисленное потомство. Он говорил на классическом саксонском диалекте, а орфографические трудности, с которыми он сталкивался в письменной речи, пытался преодолеть посредством фонетики. Это приводило к презабавнейшим казусам. Однажды в книге домашних расходов он в течение нескольких дней сделал две записи о покупке Когхеп. Мама, отличавшаяся педантизмом, увидев эти записи, выразила удивление и сказала, что насколько она помнит, огурцы¹⁸¹ за эти дни покупали только один раз. «Видите ли, госпожа советница, – ответил Липман, – первый раз это были Когхеп, которые едят, а второй раз – которыми затыкают бутылки»¹⁸².

Как-то раз Липман услышал, как мама говорит моему младшему брату Рудольфу, милому и славному, но шкодливому мальчишке, что он *enfant terrible*¹⁸³. Через какое-то время Липман, доморощенный философ и мыслитель, поделился со мной своим возмущением: «Знаешь, твоя матушка, конечно, женщина умная и образованная, но обзывать Рудольфа *infamten Rüpel*¹⁸⁴ – это уж совсем никуда не годится».

Несмотря на многочисленность своего потомства – а может, как раз благодаря ему – Липман в один прекрасный день решил еще раз связать себя узами брака и возвестил нашей матушке, что нашел «хорошую женщину», и к тому же с приданым, и что она готова поселиться у него на пару недель. Так сказать, «на испытательный срок».

Мама сначала была потрясена этим аморальным планом. Но Липман заявил, что сначала надо присмотреться к невесте, чтобы потом не кусать локти, и мама, рассудив, что жить «молодожены» все равно будут в садовом флигеле и дети ничего не увидят, в конце концов согласилась.

Как бы не так! Мы видели торжественный въезд этой миловидной, уже немолодой особы в кокетливой шляпке со своими ящиками и сундуками в садовый флигель. В соответствии с тогдашней модой зад ее был увенчан огромным турнюром, покачивавшимся при каждом шаге, как горб верблюда.

Впрочем, это было наше первое и последнее свидание с фрау Липман.

Через некоторое время матушка спросила бравого «жениха», когда же состоится свадьба. «Ах, ничего у меня с ней не вышло!» – ответил тот.

Так закончился скоротечный роман Липмана. Однако вскоре у него возникло нежное чувство к нашей кухарке Хелен, которое привело к такому бурному развитию событий, что матушка категорически настояла на его скорейшей женитьбе на Хелен. В результате получился счастливейший брак.

---

¹⁸⁰ Матильда Везендонк была прототипом Изольды в опере Вагнера «Тристан и Изольда» (1859, первая постановка – 1865).

¹⁸¹ Огурцы по-немецки – Gurken.

¹⁸² Он имел в виду пробку (Korken).

¹⁸³ несносным ребенком (*фр.*).

¹⁸⁴ отъявленный хулиган (*нем.*).

24. Путешествие в Австрию

Перед моей конфирмацией, во время летних каникул, я с отцом и Юлией совершил чудесное путешествие: Прага, Вена, Зальцкаммергут, Мюнхен.

Это было мое первое путешествие, которым я смог насладиться с некоторым пониманием, поскольку уже стал восприимчив к природе, искусству, городским видам и необычным впечатлениям, имея при этом в лице папы и Юлии превосходных экскурсоводов. Поэтому оно оказало глубокое влияние на мое духовное развитие.

Любовь к Вене и Австрии, этой древней, исконно немецкой стране с богатой культурой, уже тогда глубоко укоренилась во мне, и возникшая в те дни надежда на воссоединение наших народов с тех пор никогда не покидала меня.

25. Конфирмация

Моей подготовкой к конфирмации руководил пастор Остер, эльзасец, к которому я на всю жизнь сохранил чувство благодарности и уважение.

Пастор был блестящим оратором и выдающимся педагогом, который, как никто другой, умел поразить мое воображение. В 70-е годы он в большей мере, чем позже, когда пошел на уступки догматизму, выступал за свободную трактовку христианства. Его занятия представляли собой доклады на религиозно-философские темы. Иисус представал в них исключительно как человек, как создатель религии человеколюбия, как великий философ. И у меня никогда в жизни не возникало потребности избавиться от приобретенных тогда знаний и религиозного опыта. Судьба уберегла меня от конфликтов с совестью, которых редко удается избежать тем, кто вырос в лоне ортодоксальных учений.

26. Соседи

В то время у нас появился очень милый сосед, ставший нам, мальчикам, хорошим товарищем, – наш ровесник и кузен из Москвы, Эдуард Штукен¹⁸⁵, старший сын сестры моей матери, Шарлотты (урожденной Купфер) и Карла Штукена¹⁸⁶, брата компаньона моего отца. Он, как и мы, должен был учиться в гимназии Витцтума. Позже он успешно реализовал свой яркий литературный талант и стал писателем. Произведения этого неоромантика нашли своих читателей в элитарных кругах нашего народа. Одно из них, исторический роман «Белые боги»¹⁸⁷, я надеюсь, пополнит сокровищницу мировой литературы.

Впрочем, с моей стороны было бы нескромно говорить здесь о значении творчества Эдуарда; я коснусь лишь нескольких эпизодов его детства.

Эдуард не унаследовал ни единой черты практичного склада ума и характера семьи Штукен, он весь пошел в свою умную и одаренную мать, а также в своего родственника по отцовской линии, профессора Бастиана, известного этнолога¹⁸⁸. Последнему он обязан своей необыкновенной памятью, трудолюбием и некоторыми странностями.

Еще двенадцати- или тринадцатилетним мальчиком, когда он приехал к нам, он часто поражал нас своей удивительной, совершенно необузданной фантазией. Так, однажды он положил свои драгоценные золотые часы (предмет нашей жгучей зависти, поскольку мы, Шписы, в двенадцать лет получали в подарок дешевые серебряные часы) на двенадцать часов в наполнен-

---

¹⁸⁵ Штукен Эдуард (1865–1936) – писатель и историк искусства.

¹⁸⁶ Штукен Карл (1826–1886) – брат Вильгельма Штукена; в 1868 г. основал торговый дом «Карл Штукен».

¹⁸⁷ Die weißen Götter. Berlin, 1918–1922. 4 Bde.

¹⁸⁸ Бастиан Филипп Вильгельм Адольф (1826–1905) – немецкий этнолог и путешественник.

ную водой раковину умывальника, желая узнать, как подействует на часовой механизм такая водная процедура. С тех пор он относился к своим вещам совершенно иначе – с педантичной бережливостью и осторожностью.

В гимназии он прослыл редким лентяем, но приводил учителей в изумление и восторг своими не по возрасту обширными знаниями в области литературы, философии и подобных вещей, обычно не имевших никакого отношения к теме занятий. Он был блестящим декламатором.

Наша разница в возрасте – три года в отрочестве значат очень много – не позволила мне тогда сойтись с ним ближе, как это произошло позже. Я считал себя выше всех этих литературных произведений, которые создавал Эдди вместе с моим младшим братом Вилли, своим ровесником, и нашим общим другом Куртом Тройшем фон Бутлар. Они помещали их в рукописном еженедельном журнале «Веселый Музер».

Уже в этих ранних опусах Эдди – тот самый тонкий, чувствительный мальчик, неспособный обидеть даже муху, – ходил по щиколотку в крови. Одна из самых душераздирающих драм, родившихся в этом «печатном органе», поразила воображение читателей своим длинным, выразительным названием: «Минна Яичный Желток, или Кровавый Панурке, или Дед в ярости!».

Еще студентом Эдди, этот нежный, тонкий цветок, давал выход своей буйной фантазии в стихах, которые он объединил в сборнике под названием «Огненная невеста и кровавая месть»¹⁸⁹. Этот томик, наверное, когда-нибудь станет литературным курьезом.

Только первая жена Эдуарда, Аня (урожденная Лифшиц), наконец привела его в чувство и сделала зрелым поэтом.

Я благодарен ему за полученные от него бесчисленные духовные импульсы. Мы навсегда остались верными друзьями.

Вскоре после моей конфирмации в нашем доме появилась моя дорогая семнадцатилетняя кузина Мари Шернваль. В Дрездене, столь богатым искусством, она должна была завершить свое художественное образование.

Неудивительно, что я, шестнадцатилетний юноша, мгновенно вспыхнул к своей прекрасной, милой и талантливой кузине страстной любовью, которая была безнадежна и так и осталась платонической.

Но как типичный немецкий юноша той эпохи – и только поэтому я вообще упоминаю о своей первой любви – я не претендовал ни на что другое, как, тайно изнывая от нежности, украдкой любоваться предметом воздыхания и жадно внимать звукам необыкновенно красивого любимого голоса (Мари никогда не пела). Каждый вечер перед сном – для меня было мукой и унижением перед Мари с девятым ударом курантов отправляться в постель – я по пути в нашу мальчишескую спальню в самом верхнем этаже прокрадывался в ее спальню, чтобы запечатлеть на ее подушке нежный поцелуй и на мгновение захмелеть от исходящего от этой подушки аромата.

Любовь была для меня чем-то священным и мистическим. Год спустя, читая вечерами маме и сестре какой-нибудь из модных романов Георга Эберса¹⁹⁰ или других авторов, что были в то время у немцев настольными книгами, я каждый раз мучительно краснел при слове «любовь» и с трудом сдерживал волнение.

Когда по истечении срока пребывания Мари дядюшка Кнут Шернваль приехал в Дрезден за своей дочерью, я во время прощального ужина, ставшего для меня чем-то вроде последней трапезы приговоренного к смерти узника, произнес проникновенную речь, облеченную в стихи. Я был так взволнован, что не смог сдержать слез и разревелся. На прощание я подарил

---

¹⁸⁹ Die Flammenbraut. Blutrache. Oldenburg, 1892.

¹⁹⁰ Эберс Георг Мориц (1837–1898) – немецкий египтолог и писатель.

Мари главное сокровище своей «естественно-научной коллекции» – опал. Во всяком случае, я свято верил, что этот проданный мне каким-то старьевщиком камень – опал. Скорее всего, это было обыкновенное стекло. Но Мари оказалась слишком тактичной, чтобы лишить меня этой сладкой иллюзии.

Сердечная дружба связывала нас с Мари всю жизнь. Она стала благородной женой и матерью. Первая мировая война потребовала от нее страшной жертвы – единственного, горячо любимого и достойного своей матери сына Хенрика. Он тайно пробрался из Финляндии через Швецию в Германию, вступил там в Финский легион (27-й егерский батальон) и воевал на нашей стороне, на Двинском фронте, против врагов своего отечества, русских. Потом, когда Финляндия под руководством Маннергейма¹⁹¹ поднялась на освободительную борьбу, этот егерский батальон вместе с другими немецкими частями был переброшен в Финляндию. Хенрик пал в Карелии, воюя за свое отечество¹⁹².

27. Я избираю поприще коммерции

Через год, перед моим переходом в 8-й класс, папа спросил, нет ли у меня желания последовать примеру братьев Леона и Альберта и стать коммерсантом.

Он рассказал мне о своих деловых интересах в России. Мне все это показалось заманчивым. Я согласился, ибо какой глупый мальчишка не захочет раньше времени покинуть школу и удрать от опостылевших древних классиков?

По мнению моего отца, которое я потом так и не смог понять, аттестат об окончании гимназии нужен лишь тем молодым людям, которые решили продолжить учебу в университете.

Он рассудил, что школа ткачества для меня – самое подходящее учебное заведение как первая ступень на коммерческом поприще. Так я попал на Пасху 1879 года в Мюльхайм-на-Рейне.

Вечером накануне моего отъезда моя дорогая матушка среди прочих напутственных слов посоветовала мне никогда не забывать, что женщины, как и мужчины, – всего лишь люди.

Глубокий и истинный смысл этих слов я понял лишь через двенадцать лет.

---

¹⁹¹ Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951), барон – финский политический и военный деятель.

¹⁹² Речь идет о действиях немецких войск в Карелии против сил Антанты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОДЫ УЧЕБЫ НА РЕЙНЕ. 1879–1882

28. Путешествие на Рейн

Вскоре после Пасхи 1879 года отец отвез меня в Рейнскую область, где я, несмотря на то что прожил там всего три года, чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было, вероятно, потому, что тамошние жители оказались близки мне по духу, как никто другой.

Прежде чем отвезти меня в школу ткачества в Мюльхайме-на-Рейне и навестить вместе со мной своего брата Альберта Шписа в Бонне, отец показал мне Бергишес-Ланд, где прошло его детство, и привез в Эльберфельд, в гостеприимный дом моего двоюродного брата Альвина Шписа. С ним и с его женой Паулой, удивительной женщиной, меня с тех пор связывала самая тесная дружба¹⁹³.

В Эльберфельде, на Пост-штрассе, почти напротив почты стоял родительский дом моего отца. Это был старинный дом, выстроенный в характерном для тех мест стиле, с облицованными сланцем стенами. Там он провел счастливое детство, прежде чем умерла его мать, а его отец вскоре после того потерял свое состояние и, нищий и сломленный духом, вынужден был переехать в скромный городишко Вермельскирхен.

Оттуда, а потом из Вольфрата, где он после смерти моего деда еще мальчиком нашел приют у своей черствой сводной сестры, отец часто, как только позволяли обстоятельства, возвращался на родину своей любимой матери, в Кеттвиг-на-Руре. Лишь там, у своих отзывчивых родственников, бедный чувствительный сирота находил сердечное тепло и понимание.

Туда мы с ним и совершили пешеходное путешествие, и он представил меня Шайдтам и показал идиллическое местечко в Рурской долине, с которым были связаны немногие счастливые дни его детства. Там, на маленькой площади рядом с церковью, он играл вместе со своим кузеном Юлиусом и другими кеттвигскими мальчишками. Здесь же еще стояла старая школа, в которой он одно время учился.

Старая ткацкая фабрика Иоганна Вильгельма Шайдта давно уступила место современным заводским корпусам, которые построил папин отец, тайный советник Юлиус Шайдт, а его сын Вильгельм, тоже тайный советник, в 1879 году возглавивший семейное производство, значительно расширил.

Для меня это был особый интересный опыт – во время моих частых визитов в Кеттвиг наблюдать замечательные патриархальные отношения между рабочими и Шайдтами. Почти весь Кеттвиг жил за счет их фабрик.

Шайдты обладали особым чувством семейственности, которое проявлялось в их удивительном умении жить в мире и согласии друг с другом. Три виллы – сегодня их уже, наверное, больше – украшали раскинувшийся вдоль берега Рейна парк: дома старой фрау советницы, семьи Вильгельма Шайдта и овдовевшей фрау Луизы Шюрман (урожденной Шайдт).

Дом советницы отличался восхитительным старомодным убранством; сейчас сказали бы: в стиле бидермайер, а тогда это называли просто «старомодным».

Эта милая старушка (урожденная Фурман из Леннепа) с тонкими чертами лица, покрытого сетью мелких морщин, была настоящей дамой. Впрочем, всегда важный, торжественный вид не мешал ей быть очень доброй. В соответствии с эпохой ее юности она неукоснительно соблюдала устав церковной жизни и придавала огромное значение внешним приличиям. Бла-

---

¹⁹³ Шпис Альвин Георг (1846–1902) – сын Ф. Альберта Шписа, купца и совладельца фирмы «Дитце, Шпис и К°», а также фирмы по продаже шелка-сырца А. Г. Шписа в Эльберфельде. Вольф Паулине (1850–1911) – дочь владельца красильни Германа Вольфа.

годаря этому обстоятельству папа стал счастливым обладателем ценной картины. Фрау советница возмутилась до глубины души, когда ее супруг купил и повесил в своем доме на видном месте известную картину Газенклевера¹⁹⁴ «Сцена в винном погребке». Она назвала ее прославлением пьянства и заявила, что не потерпит этого в своем доме. Ради сохранения мира под родным кровом дядюшка Юлиус Шайдт продал картину моему отцу в Москву¹⁹⁵.

С домом Вильгельма Шайдта, ставшего для меня добрым другом, меня связывают самые светлые воспоминания. После того первого визита я в течение следующих трех лет еще не раз приезжал в гостеприимный Кеттвиг.

Вильгельм Шайдт был тогда в полном расцвете своих творческих сил, которые он – выдающий промышленник и удивительный по натуре человек – успешно реализовывал в неутомимом труде. Однако он обладал потрясающей способностью сочетать труд с радостью бытия и наслаждением жизнью.

Дома у них властвовала его супруга Августа (урожденная Хольтхаус). Я не встречал более яркой и интересной женщины. Несмотря на всю глубину своих чувств, она всегда была бодра и весела и прекрасно понимала молодежь. К сожалению, ее славные дети тогда еще были слишком малы, чтобы я мог с ними как следует подружиться.

Зато между мной и юным братом Вильгельма Карлом родилась сердечная дружба, которую, увы, прервала его ранняя смерть: он страдал болезнью легких.

Я через всю жизнь пронес глубокую благодарность за ту любовь, которую подарили мне мои кеттвигские родственники.

29. Учеба в Школе ткачества в Мюльхайме-на-Рейне

Учась в Школе ткачества в Мюльхайме, я не злоупотреблял студенческой свободой, которая была для меня чем-то непривычным. В отличие от некоторых несознательных соучеников, я вместе с другими тремя товарищами-единомышленниками прилежно занимался. Мы были настолько усердны в учении, что еженедельно собирались по вечерам и за чаем, сдобренным ванилью (!), упражнялись во французском.

Не могу не отметить, что я прочно усвоил привитые мне под родительским кровом благородные и серьезные взгляды на жизнь и считал своим долгом любой ценой довести это до сведения окружающих. Так, например, когда наш «квартет» однажды купил ложу в Кёльнском театре на совершенно безобидную оперетту, я, исполненный чувства морального превосходства, выразил свое презрение к этому музыкальному жанру тем, что сидел спиной к сцене и демонстративно читал «Кёльнише цайтунг».

Неудивительно, что с такими принципами я успешно прошел одногодичный курс обучения – другие юные джентльмены, уступавшие мне в «благородстве», добились, впрочем, того же результата – и к Пасхе 1880 года получил аттестат ткацкого мастера.

Теперь мне предстояло приобрести необходимые коммерческие навыки на каком-нибудь текстильном предприятии. Из воспитательных соображений отец, приучавший меня к самостоятельности, потребовал, чтобы я сам выбрал учебное поприще, оставив, правда, за собой право вето.

И вот с рекомендательным письмом директора Школы ткачества в кармане я отправился в Мюнхенгладбах, чтобы представиться господину Рудольфу Эверлингу в фирме «Эггелинг и

---

¹⁹⁴ Газенклевер Иоганн Петер (1810–1853) – немецкий живописец.

¹⁹⁵ Газенклевер написал два варианта своей «Сцены в винном погребке», отличающиеся друг от друга некоторыми особенностями исполнения. Менее ценная (по моему мнению) версия висит в Национальной галерее в Берлине и хорошо известна по репродукциям. Более совершенная оказалась у нас в Москве, затем перекочевала вместе с нами в Дрезден, а при разделе наследства досталась моей сестре Адель фон Вогау в Москве. Там она сгорела вместе с домом Вогау и всей обстановкой, став жертвой разъяренной толпы во время немецкого погрома в 1915 г.

Эверлинг» и провести с ним переговоры о своем обучении. Это и в самом деле были переговоры – восемнадцатилетнего юнца и директора фирмы. Потому что срок обучения в торговом доме «Эггелинг и Эверлинг» составлял три года, я же намеревался сократить этот срок до двух лет. Мне удалось добиться своего, и, получив согласие отца, я вскоре вернулся в Мюнхенгладбах, чтобы провести там два благословенных года.

30. Учеба в Мюнхенгладбахе

Предприятие, на котором я проходил обучение, было маленькой, но очень четко и эффективно работающей ткацкой фабрикой, насчитывавшей всего шестьдесят механических станков, вырабатывавших хлопчатобумажные ткани для пошива брюк и добротную бумазею. Имевшаяся при фабрике прядильня была оснащена всего 4000 веретен. Я потом всегда удивлялся, как такие миниатюрные фабрики умудряются выживать.

Малые масштабы предприятия позволяли нам, ученикам, потрогать все своими руками, увидеть все собственными глазами и получить пример максимально экономного хозяйствования. Что касается численности персонала, то большей экономии добиться там было просто невозможно: один приказчик, два начальника и три ученика (последние, разумеется, не получали жалованья). Бухгалтерия была допотопной, так называемой «простой». К счастью, однако, у фирмы был копировальный станок, так что ученикам не приходилось вручную копировать письма в так называемые копировальные книги, как это делалось ранее.

Мой начальник, Рудольф Эверлинг, был образцом добросовестного, честного и усердного фабриканта. Он заведовал ткацким производством.

Его компаньон Эрнст Эггелинг, финансист и аристократ фирмы, довольствовался руководством прядильней, которое не сильно его обременяло. Свое ограниченное рабочее время в конторе он чаще всего проводил за чтением газеты.

Первый год я работал в ткацком отделе под началом господина Эверлинга. Учеников в то время – чтобы сэкономить расходы на посыльных – нещадно использовали на разного рода работах, не имеющих ни малейшего отношения к изучаемому ремеслу. Чего стоила одна только подготовка к отправке посылок с образцами товара! А тащить их в поте лица на почту, которая, как назло, находилась на Крефельдер-штрассе, где я мог встретить знакомых, в том числе молодых хорошеньких девушек, было и вовсе истинной мукой. Поэтому мне приходилось пробираться на почту окольными путями, маленькими узкими переулочками.

Затем я перешел под более мягкий и небрежный контроль господина Эггелинга, в «отдел прядильного производства», состоявший, впрочем, лишь из двойного стола, с одной стороны которого восседал мой шеф, с другой – я. Мы вдвоем обеспечивали всё. Вернее, не совсем «вдвоем»: он, хоть и был милым и умным человеком, не мог преодолеть определенной антипатии к активной трудовой деятельности, поэтому все письменные работы, включая бухгалтерию, ложились на мои плечи. Но, несмотря на это, работы было мало.

Фирма моего шефа принадлежала к числу самых маленьких в этой бурно развивавшейся промышленной отрасли, которая расцвела лишь благодаря введенной Бисмарком политике протекционизма¹⁹⁶.

Гладбахская хлопчатобумажная промышленность возникла в эпоху Наполеона благодаря континентальной блокаде, направленной против английских товаров. Ее создали обособившиеся здесь выходцы из Бергишес-Ланда. Поэтому даже в 80-е годы фабрики в этом сугубо католическом регионе в большинстве своем оставались протестантскими; католиков было крайне мало.

---

¹⁹⁶ Правительство Бисмарка в 1879 г. повысило импортные пошлины на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, что вызвало критику немецких и британских экспортеров, торговавших с Россией.

Это обстоятельство играло в общественной жизни Гладбаха – в связи с бушевавшим тогда злополучным «культуркампом»¹⁹⁷ – странную роль, которую сегодня трудно понять. Религия расколола общество, так что общение представителей разных конфессий стало практически невозможным. Люди чуть ли не перестали здороваться друг с другом. Протестанты превратили расположенный на склоне холма посреди живописного парка ресторан «Отдых» в некое подобие клуба, католики обосновались в «Казино».

Рабочие, представлявшие собой неизменный электорат Партии центра¹⁹⁸, стояли на гораздо более низком культурном уровне, чем в Кеттвиге. Даже их внешний вид красноречиво говорил о более чем умеренном потреблении воды и мыла. Да и с политической точки зрения тогдашнее католическое население города, присоединенного к Пруссии лишь в 1815 году, казалось мне инородным телом в городской общине. Даже новобранцы, призванные на военную службу, говорили: «Идем к пруссакам».

Одним словом, самым приятным в эти два года в Гладбахе была не работа, а впечатления моей еще не обремененной обязанностями и заботами вольной юности, проведенной в гостеприимном и любезном окружении. С отрадой я вспоминаю подаренную мне судьбой дружбу с несколькими семьями в Гладбахе и соседнем Рейдте, которые относились ко мне как к близкому родственнику. Особенно тесные дружеские отношения связывали меня с Адель и Хелене, а также с моим ровесником Альфредом Юнкерсом; связь с ним оборвала его смерть в 1887 году, причиной которой была болезнь сердца.

Даже сейчас, по прошествии более чем сорока лет, вспоминая те счастливые времена, я словно наяву слышу сентиментальную рейнскую песенку, которую мы не раз пели, прощаясь со своими прелестными подружками после совместного воскресного похода по окрестностям Гладбаха:

Как жаль, пора пришла прощаться!
Позволь тебя поцеловать... и т. д.

Однако мы были слишком хорошо воспитаны – а я к тому же был еще слишком молод, – чтобы руководствоваться этой песенкой.

***

Незадолго до окончания срока моего ученичества, за которым с целью отъезда в Москву должно было последовать мое дальнейшее обучение в текстильной промышленности, я получил от отца письмо, в котором он сообщал мне о своем желании, чтобы я продолжил учебу и работу на его дрезденской сигаретной фабрике «Лаферм».

Так я в 1882 году, на Пасху, стал табачником в Дрездене. Перед этим я успел сделать попытку поступить на военную службу в конную гвардию в Дрездене, чтобы отбыть воинскую повинность, отслужив год, но был признан «постоянно непригодным».

---

¹⁹⁷ «Культуркампф» («борьба за культуру» (нем.)) – период борьбы правительства Германской империи за установление государственного контроля над католической церковью в Германии (1871–1878).

¹⁹⁸ Партия центра – влиятельная германская политическая партия, выражавшая интересы католиков.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГОДЫ УЧЕБЫ В ДРЕЗДЕНЕ. 1882–1889

31. Фабрики «Лаферм» Гупмана

Прежде чем изложить причины, побудившие моего отца принять такое решение, я позволю себе маленький экскурс в небезынтесную историю фабрики «Лаферм», ставшей образцовой для возникшей сначала в России, а затем в Германии сигаретной промышленности.

Основатель фабрики, немецкий католик-галичанин по имени Йозеф Гофман¹⁹⁹, первоначально в поте лица зарабатывал себе на хлеб на юге России в качестве учителя немецкого. В этом же качестве он затем в начале 50-х годов перебрался в Петербург, где в него, статного и умного мужчину, влюбилась одна красивая, умная и довольно состоятельная дама. Она вступила с ним в брачный союз, имея красивую двенадцатилетнюю дочь от предыдущего брака, будущую графиню Вестфаль. Девочка в то время была воспитанницей Императорского балетного училища.

Гофманы открыли на Невском проспекте, напротив Казанского собора, магазин канцелярских товаров²⁰⁰. Так как фрау Гофман была красавицей, а продаваемые ею карандаши отличались отменным качеством, в магазине бывал tout St. Petersburg²⁰¹: гвардейские офицеры, дворяне, богатые купцы, знавшие толк в женской красоте, и среди них, естественно, и будущий папин компаньон Вильгельм Штукен.

Случилось так, что Штукен получил партию хорошего восточного табака из Турции на консигнацию²⁰² и не знал, что с ним делать: тогдашняя русская табачная промышленность ограничивалась переработкой американского сырого табака в трубочный и нюхательный табак. Сигареты были почти неизвестны; во всяком случае, в России их еще не производили. Только после Крымской войны, когда русские офицеры познакомились с этой бытовавшей на Востоке формой курения, в Петербурге появился широкий спрос на сигареты, которые назывались там папиросами – то ли от египетско-греческого «папирос», то ли от немецкого *Papier*. Последнее кажется мне более вероятным, потому что, с одной стороны, слово «папиросы» на Востоке неизвестно, а с другой – русский эквивалент *Papier* – «бумага»²⁰³.

Ни один из петербургских табачных фабрикантов не проявил ни малейшего интереса к этому табаку, считая его слишком дорогим и слишком ароматным для курительных трубок. Положение было безвыходным.

Иногда случается, что лучшие идеи приходят мужчине в голову под влиянием женских чар. Во всяком случае, Штукена осенило, когда он в очередной раз пополнял свои запасы карандашей в магазине фрау Гофман. Увидев у нее в шкафу тонкую бумагу, он спросил: «Почему бы вам не попробовать делать папиросы из моего табака и вашей тонкой бумаги?» Она изъявила готовность начать этот эксперимент.

---

¹⁹⁹ Йозеф Иохим Гофман (1814–1897) родился в Олеско (австрийская Галиция), переехал в Петербург, где в 1850 г. женился на Катарине Земан. В 1851 г. он зарегистрировался как купец 2-й гильдии. В конце 1850-х гг. жил в Париже, а в 1869 г. переехал в Дрезден. В 1868 г. получил итальянский баронский титул. В 1880-е гг. перебрался в Нью-Йорк и основал там новую фирму. См.: Stadtarchiv Dresden (Городской архив Дрездена). Gewerbeakte Huppmann; Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Freiherrlichen Hauser. Gotha, 1897. Jg. 47.

²⁰⁰ Магазин располагался на Невском проспекте, 26.

²⁰¹ весь Санкт-Петербург (*фр.*).

²⁰² Консигнация – разновидность комиссионной продажи, при которой владелец товара передает его торговцу на склад. Если товар остается непроданным длительное время, то возвращается обратно владельцу.

²⁰³ Слово «папироса» происходит от испанского слова *papieros*.

С того дня господин Гофман изготавливал в задних помещениях магазина папиросы, а фрау Гофман продавала их посетителям.

Поскольку фрау Гофман была по-прежнему очаровательна, а табак, присланный на реализацию, превосходного качества, новые «папиросы» быстро стали *en vogue*²⁰⁴ – их покупал *tout St. Petersburg*. Изготовлением папирос занимались уже девушки-ученицы, а вскоре супругам пришлось открыть настоящую фабрику, которую сначала успешно возглавляла фрау Гофман, в то время как ее муж блестяще исполнял роль коммерческого директора²⁰⁵.

Нужно отдать ему должное: он обладал необыкновенной находчивостью, что достаточно красноречиво проявилось уже в выборе названия фирмы. «Гофман» выглядело так прозаично и так по-немецки и при этом не заключало в себе ничего «табачного». Поэтому он изменил свою фамилию и стал именоваться Гупманом, вызывая таким образом у своих клиентов ассоциации с гаванскими сигарами знаменитой фирмы Г. Упман в Гаване²⁰⁶.

Однако эта трансформация названия своей фирмы посредством приведения его в созвучие с названием старого знаменитого торгового дома его не удовлетворила. Он придумал еще один способ существенно повысить коммерческую эффективность названия, а именно: вставил в него слово, уже не одно десятилетие хорошо знакомое русским потребителям табака.

Дело в том, что лучшим нюхательным табаком в России считался тогда импортный *tabac à priser de la ferme Lorillard*²⁰⁷. Насколько неудобоваримым для большинства русских было чужестранное слово *Lorillard*, настолько простым для произношения казалось им *la ferme*. Поэтому лориллардский нюхательный табак обычно называли просто *la ferme*. Так фирма бывшего господина Гофмана стала именоваться «Йозеф Гупман, фирма Лаферм».

Под этим названием ее продукция, отличавшаяся прекрасным качеством, приобрела всемирную известность. В конце 50-х годов Гофман открыл в Варшаве (Царство Польское было тогда – а именно до 1864 года – отделено от остальной России таможенным барьером) свою вторую фабрику, а затем – если мне не изменяет память, в 1864 году – еще одну в Дрездене. На этих трех фабриках он заработал миллионы.

После одной из Австро-итальянских войн (кажется, той, что была в 1859 году) он добыл себе в обнищавшей Италии за 150 000 франков баронский титул, купив у государства за эту сумму маленькое поместье по имени Балбелла, владение которым предполагало баронство. С той поры Йозеф Гофман именовался бароном Йозефом Гупманом де Балбелла.

Став бароном, он переехал в Дрезден, где приобрел огромный дом на Бойст-штрассе. Обоих своих дочерей-красавиц он выдал замуж за представителей высшей богемской знати.

Этот преуспевающий коммерсант был на удивление суеверен. В его бывшем канцелярском магазине на Невском проспекте, ставшем колыбелью русской сигаретной промышленности и оставшемся небольшим филиалом фирмы «Лаферм», мы спустя десятилетия, после покупки фабрики, во время генеральной уборки обнаружили на сейфе несколько дюжин старых коробок от сигар, наполненных крохотными треугольными обрезками бумаги. Выяснилось, что это были отрезанные уголки сторублевых банкнот: Гупман был убежден, что банкноты, от которых он отрезал уголки, рано или поздно к нему вернуться.

Пятницы и понедельники он не любил, считая их несчастливыми днями. А когда он решил принять на службу рекомендованного ему молодого человека (Бергштресера, дослужившегося потом до должности технического директора дрезденской фабрики) и тот в четверг

²⁰⁴ модными (*фр.*).

²⁰⁵ Фабрика «Лаферм» была основана 12 августа 1852 г. В 1862 г. открылся дрезденский филиал, в 1866-м – варшавский. В 1870 г. существовала также фабрика в Одессе. «Штукен и Шпис» стали для фабрики главными поставщиками. После 1856 г. зарегистрирован импорт крупных партий табака, осуществлявшийся через Германию и Англию. См.: ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 49. Л. 10–12.

²⁰⁶ Марка сигар Н. Урманн была создана в 1844 г.

²⁰⁷ нюхательный табак с фермы Лориллард (*фр.*).

явился к нему в гостиницу, чтобы представиться, он принял его в костюме Адама, выйдя прямо из ванной комнаты. Бергштресер в ужасе хотел ретироваться, но барон, очевидно полагавший, что он и в таком виде произведет на юношу приятное впечатление, удержал его и обратился к нему с длинной речью, смысл которой сводился к тому, что так выглядит человек, который сумел кое-чего добиться в жизни. Бергштресер смотрел на него с видимым почтением и не противоречил, и барон считал его достойным поступить к нему на службу на скромное жалование. На вопрос, когда он может приступить к работе, барон ответил, что поскольку завтра пятница, потом суббота и воскресенье, за ними следует понедельник, тяжелый день, а во вторник – праздник, то Бергштресеру надлежит явиться в контору в среду.

Я уже упоминал, что сигареты «Лаферм» принесли владельцу фирмы миллионы, причем во времена, когда миллион талеров был гигантской суммой. Вследствие фактического отсутствия конкуренции фиксация продажных цен на его продукцию была для барона элементарным делом: если себестоимость какого-нибудь сорта сигарет, включая все связанные с продажей издержки, составляла, скажем, десять марок за тысячу штук, то он продавал их торговцу за двадцать марок, а тот сбывал их в розничной торговле за тридцать марок.

Больше всего, пожалуй, в течение двух десятилетий он зарабатывал на сигаретах «Пересли», которые, будучи тонкими, содержали очень мало табака, что было очень выгодно производителю. История возникновения данного сорта довольно забавна.

Тогда, до того как появились на свет «Пересли», чаще всего курили толстые сигареты с бумажным мундштуком, известные под названием *Petits canons*²⁰⁸. Тогдашнему директору петербургских фабрик Варнекену (баронесса Гупман к тому времени уже давно отошла от активной деятельности) пришла в голову идея делать очень тонкие сигареты с бумажным мундштуком и таким образом склонить к пороку курения и дам. Показав барону образцы таких сигарет, он сначала не нашел понимания. Тот заявил, что они годятся разве что «для ослов».

Но в конце концов барон, соблазненный большими прибылями, которые сулил новый сорт сигарет, все же дал согласие на этот эксперимент. Он долго ломал себе голову над названием новой продукции (хотя тогда было всего несколько сортов!). Но предприимчивый Варнекен и в этом вопросе проявил находчивость. Ведь господин барон уже сам дал изделию подходящее название, сказал он, а именно: «Для ослов». Разумеется, его необходимо несколько видоизменить и зашифровать смысл, например, так: «Пересли»²⁰⁹.

Сигареты «Для ослов» в 60-е и 70-е годы завоевали весь мир. Их стали производить даже французские и румынские государственные монополисты, не подозревая, впрочем, о значении названия.

32. Приобретение фабрик фирмой «Штукен и Шпис»

Отцовская фирма приобрела в 1869 году русские фабрики «Лаферм», а в 1874 году – дрезденскую²¹⁰. Из них были образованы «Общество Лаферм», базирующееся в Петербурге, и «Компания Лаферм, табачные и сигаретные фабрики», базирующаяся в Дрездене²¹¹.

Данная форма акционерных обществ была выбрана исключительно для облегчения будущих разделов наследства. Оба общества долгие годы оставались во владении семьи²¹².

²⁰⁸ «Маленькие пушки» (*фр.*).

²⁰⁹ Пересли – сочетание *лат.* *per* (для) и *нем.* *Esel* (осел).

²¹⁰ Договор был заключен 5 августа 1868 г. Капитал товарищества составил 550 000 руб. До 1872 г. Гупман и «Штукен и Шпис» имели по 50% акций. См.: ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 2; Оп. 5. Д. 1.

²¹¹ Под заботливым руководством моего отца (а позднее и под моим руководством) дрезденская компания никогда не выплачивала акционерам меньше 20% дивидендов.

²¹² Примерно до 1901 г. акционерами были главным образом члены семей и доверенные сотрудники. Однако в 1897 г. петербургская фабрика «Лаферм», чтобы увеличить основной капитал, вышла на биржу. В 1901 г. уже были посторонние

33. Приобретение доли Штукена

1881 год принес некоторым русским филиалам фирмы кардинальные изменения. Прежде всего, руководство решило ликвидировать свои отделения в Петербурге и Москве. Петербург уже давно впал в спячку, а в Москве – после того как мой зять Георг Фосс через несколько лет после переселения папы в Дрезден тоже уехал в Германию – непродолжительная попытка надеть на моего кузена Эрнста Шписа и моего еще юного брата Леона общее ярмо не увенчалась успехом. Папа в таких случаях всегда был сторонником радикальных мер. Ему было уже за шестьдесят, и он хотел покоя. Поэтому он решил ликвидировать свою старую знаменитую фирму.

Петербургский филиал «Лаферм» тоже требовал вмешательства. Там в последние три года неоднократно случались вызывающие тревогу сбои, которые объяснялись тем, что старый Штукен хоть и был хорошим коммерсантом, но не обладал необходимыми для этого бизнеса качествами. Он никак не желал понять, что, если фабрика хочет конкурировать с другими, все новыми и новыми производствами, которые вплотную занялись переработкой русского табака, не облагаемого таможенными налогами, она должна уже перерабатывать и южнорусские сорта табака, качество которых во второй половине 70-х годов заметно повысилось²¹³.

Мой брат Альберт, который в 1881 году уже был в России и успел проявить себя как толковый коммерсант в этой области, настаивал на переходе к переработке русских сортов табака. Во избежание раздоров со своим старым другом Штукеном отец выкупил его половину акций петербургской и дрезденской фабрик «Лаферм»²¹⁴.

В связи с резким увеличением объема работ, обусловленным этими переменами, отец отправил в Петербург и моего брата Леона²¹⁵, а меня оставил в Дрездене²¹⁶. Так мне выпало счастье работать и развиваться под руководством отца.

(хотя и мелкие) акционеры.

²¹³ Обороты фабрики с 1876 г. не увеличивались, и только с середины 1880-х гг. вновь наметился сдвиг (см.: ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 439). На это Роберт Шпис сетовал уже в марте 1877 г.: «Обмана здесь, пожалуй, нет, но это еще не причина, чтобы “Лаферм” <...> имела скверные результаты. <...> Продаваемый качественный товар не приносит дохода, как прежде, приходится работать как бы даром» (Письмо Р. Шписа Э. Шпису от 4 марта 1877 г. // Archiv Ernst und Georg Spies).

²¹⁴ Большей частью моего отцовского состояния я был обязан поразительно высоким прибылям русского филиала «Лаферм» (по значимости всегда превосходившего дрезденский) в первые пять или шесть лет его существования. Этот богатый источник доходов начал иссякать в 1878 году, когда Россия, чтобы поддержать отечественное табаководство, повысила пошлину на импорт листового табака с четырех рублей за пуд до десяти, что должно было отразиться на ввозе посредственных и тем более высококачественных турецких сортов табака. В отличие от других, возникших в последнее время фабрик, как, например, Богданова, братьев Шапшал или Асмолова, которые, верно сориентировавшись в обстановке, нацелились на использование южнорусского табака, В. Штукен упорно продолжал переработку импортного турецкого. Это привело не только к отрицательной динамике прибыли нашей фирмы, но и к снижению качества продукции «Лаферм» относительно сигарет новых, не отягощенных таможенными сборами фабрик, которые работали с отечественным табаком. К тому моменту, когда мой брат Альберт в 1882 году возглавил производство, репутации фабрики был уже нанесен серьезный урон, а объем оборота упал до шестидесяти миллионов сигарет в год. И только благодаря его неутомимой последовательной работе (и сознательному отказу от стремления к прибыли в течение десяти лет) удалось добиться, пожалуй, уникального результата в истории экономики – восстановить полностью обесценившуюся торговую марку. К началу Первой мировой войны петербургская фабрика «Лаферм» с ее ежедневной нормой производства в двадцать два миллиона сигарет была крупнейшей сигаретной фабрикой мира. Но дело всей его жизни, как и все в России, пошло прахом: большевики национализировали фабрику, и она продолжила свое существование под названием «Первая государственная табачная фабрика имени Урицкого».

²¹⁵ Леон Шпис в 1884–1889 гг. был директором «Лаферм». См.: ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 17.

²¹⁶ Георг Шпис был директором дрезденской фабрики «Лаферм». В 1875 г. на предприятии было занято 250 человек. См.: Stadtarchiv Dresden. Bürger- und Gewerbeakten Spies Robert, 1874. О дрезденской фабрике см. также: Compagnie Laferme Tabak- und Cigaretten-Fabriken Dresden. 1862–1912. Berlin, 1912.

34. Суровые годы учебы под началом отца

У этого коммерсанта с широкой душой я научился большему, чем у кого бы то ни было. Семь лет, которые он посвятил моему коммерческому воспитанию, стали для меня ценнейшим кладезем опыта, в том числе и для моей дальнейшей деятельности в России, надежным фундаментом моего делового мышления и моей купеческой чести.

Мой отец, у которого всегда была – слава богу, неоправданная – идея, что он не составит, хотел, чтобы я заменил его доверенного уполномоченного, который вскоре собирался уйти. Тем неумолимей он становился в качестве моего учителя. Уже первый день моей новой деятельности обернулся для меня позором. Среди бумаг, подготовленных ему на подпись, было и составленное мною деловое письмо. Я написал его в том «купеческом» стиле, который я усвоил в Мюнхенгладбахе и который выглядит форменным издевательством над нашим прекрасным языком. Отец, вместо того чтобы прочесть мне нотацию с глазу на глаз (как поступил бы с любым приказчиком), отвел меня в главную контору и, порвав на глазах у всех присутствующих злополучную бумагу, громогласно обратился ко мне с убийственным вопросом: «И ты полагаешь, что я мог подписать такое письмо?..»

Таков был мой дебют. Я воспринял его как катастрофу. Однако отец подверг меня этому поношению исключительно в воспитательных целях. Строгим он мог быть только к себе и к сыновьям, к подчиненным же был доброжелателен.

Что я могу сказать по этому поводу? Мне удалось изгладить это первое более чем неприятное впечатление и заслужить отцовское одобрение примерным усердием. В двадцать один год я получил должность доверенного уполномоченного.

35. Круг деятельности и прочее

Фабрика была тогда крупнейшей в сигаретной промышленности Германии, однако как предприятие не представляла собой ничего особенного, потому что потребление сигарет в тогдашней Германии еще только начиналось²¹⁷. Около 80% нашей продукции шло на экспорт, причем больше половины в Италию.

Структура нашего дела давала мне возможность в молодые годы увидеть Европу и во время деловых поездок расширить свой кругозор.

Отношения между нами и рабочими были прекрасными, патриархально-дружескими. Никаких раздоров и конфликтов ни по поводу заработной платы, ни по другим причинам не возникало.

Единственный инцидент, доставивший нам серьезное огорчение, был связан с рабочим, занимавшим пост бригадира, который сбежал в Берлин с четырьмя тысячами марок, которые должен был заплатить таможене. Я решил упомянуть об этом происшествии, о котором мне доложили вечером, когда я уже был дома, только по одной причине: благодаря ему я узнал, насколько по-разному работала полиция в Дрездене и в Берлине. Итак, когда я в своем милом, сонном Дрездене сразу же после получения известия о краже поспешил в полицию (телефонов в то время еще не было), чтобы поиски преступника начали как можно скорее, полицейский участок уже был закрыт, а дежурный сообщил, что сможет принять мое заявление только утром! Очевидно, в старом добром Дрездене ворами дозволялось заниматься своим ремеслом ночью, с тем чтобы к утру они могли благополучно покинуть место действия.

Поэтому я лишь на следующий день смог отправиться скорым вечерним поездом – во всеоружии всех необходимых бумаг, полученных в местной полиции, – в Берлин, чтобы начать

---

²¹⁷ Это была первая немецкая сигаретная фабрика, до Первой мировой войны – крупнейшая в Германии.

поиски вора. Надо отметить, что там ночная служба полиции была организована совершенно иначе, чем в Дрездене. Мне тотчас же предоставили переодетого в штатское сотрудника, чтобы мы вместе с ним прочесали ночные кабаки и притоны. Это был весьма занятный, хотя и безуспешный рейд. После бессонной ночи я утром, в семь часов, вновь явился в управление полиции, где мне был предоставлен другой сотрудник. И, прежде чем мы с ним отправились в дневной рейд, я получил еще массу впечатлений в самом здании управления и умножил свой багаж знаний о работе берлинской полиции: я понаблюдал за арестованными ночью преступниками и женщинами-проститутками, сидевшими в специальном помещении за решеткой, а кроме того, присутствовал при сборе нескольких из сорока тайных сотрудников, которым показали привезенную мной фотографию вора. Каждый старательно вглядывался в его черты, стараясь как можно лучше их запомнить.

Когда я затем со своим спутником ездил по улицам Берлина, я попросил его всякий раз, увидев коллегу, давать мне какой-нибудь знак и был удивлен огромному количеству агентов, обеспечивавших безопасность на оживленных улицах имперской столицы.

Мой Шерлок Холмс проявил незаурядное чутье. Он сразу высказал предположение, что наш вор намерен бежать в Америку, и добавил, что такого сорта публика обычно останавливается в отеле «Гамбургский двор», расположенном рядом с тогда еще существовавшим Гамбургским вокзалом на северо-западе Берлина. И мы направились прямо к этому отелю, который оказался самой низкопробной гостиницей. Наш вор и в самом деле останавливался там и еще вчера, когда я прибыл в Берлин, уехал в Силезию.

Несчастный глупец был арестован через несколько дней в Бреслау²¹⁸.

36. Первая поездка в Рим, 1883 год

В 1883 году мне посчастливилось совершить первое из многочисленных путешествий в Рим, которые я ежегодно повторял до 1888 года включительно. Я уже упоминал выше, что нашим главным рынком сбыта была Италия. Мы продавали нашу продукцию государственной табачной монополии начиная еще со времен Гупмана, который нашел в Риме в лице князя И., как он полагал, подходящего торгового агента. Ибо его вера в необходимость взяток в коммерческих сделках с итальянским правительством была непоколебима.

В действительности же князь клал весьма солидные комиссионные себе в карман и жил на них в Вечном городе припеваючи. Лет тридцать спустя я познакомился с его сыном, служившим в итальянской дипломатической миссии в одной из балканских столиц.

В 1883 году срок действия нашего долгосрочного контракта с итальянской государственной табачной монополией истек. До этого момента отец лично занимался отношениями с Римом. Была уже назначена дата его очередной поездки в Италию, когда он вдруг объявил о своем неожиданном решении предоставить эту миссию мне и выразил надежду, что я заслужу себе статус директора, заключив новый, выгодный контракт. Итальянский язык я к тому времени выучил в Дрездене с помощью секретаря итальянского консульства, барона Лочеллы, бывшего гарибальдийца²¹⁹.

И вот, еще горя идеями, которыми проникся в гимназическую пору, я устремился в неслыханно прекрасный Рим. Чрезвычайно медленный ход переговоров в Министерстве финансов с господином Франчиозини и тогдашним генеральным директором таможенного управления, впоследствии министром финансов Элленой²²⁰ позволил мне продлить пребыва-

---

²¹⁸ Ныне город Вроцлав в Польше.

²¹⁹ Лочелла Гульельмо (1848–1908), барон – итальянский дипломат, филолог и писатель.

²²⁰ Франчиозини Антонио – чиновник итальянского Министерства финансов. Эллена Витторио (1844–1892) – директор таможенного управления Италии (1881–1886), генеральный секретарь Министерства сельского хозяйства, промышленности и торговли (1887–1888), министр финансов (1892).

ние в Риме до полутора месяцев и таким образом увидеть хотя бы малую часть из множества достопримечательностей. Чем лучше я узнавал Рим, тем больше убеждался в том, что на основательное знакомство с ним нужны годы. Богатства и красоты, которые таит в себе этот удивительный город, подобны безбрежному морю.

Со временем я нашел доступ к немецким художественным кругам и благодаря одному дрезденцу по имени Кальберла²²¹, жившему у Монте Ротондо в своем имении, познакомился с Римской Кампаньей.

Переговоры мои в конце концов увенчались успехом. Однако подписание договора должно было состояться лишь через две недели, поскольку итальянская бюрократия работала очень медленно.

Я, пользуясь случаем, съездил в Неаполь, где счастливым образом встретил уже знакомое мне по отелю «Квиринал» в Риме одно милое датское семейство, в котором были две очаровательные дочери. Датчане не знали ни слова по-итальянски, с грехом пополам изъяснялись по-французски, зато бегло говорили по-немецки, так что я в роли гида пришелся им как нельзя кстати и получил удовольствие от знакомства с достопримечательностями Неаполя в этой прелестной компании, а кроме того, совершил вместе с ними поездку на Капри через Сорренто и Каstellамаре.

Не знаю, что было для меня более притягательным – восхитительная красота острова и синева моря или голубые глаза северных дев. Во всяком случае наше прощание на руинах дворца Тиберия, когда время совместных путешествий закончилось, прошло со слезами и поцелуями.

Это был последний флирт в моей жизни. До того я с шестнадцати лет с завидным постоянством каждый год страстно влюблялся. В этот же раз я был настолько экстравагантен, что распространил свое нежное чувство на обеих сестер. Все кончилось бы трагедией, если бы эта история вышла за рамки безобидного флирта.

37. Рудольф де Брейн

В те дрезденские годы я приобрел близкого друга в лице Рудольфа де Брейна, бывшего школьного товарища моего брата Альберта. Правда, неумолимая судьба и его скоро вырвала из моей жизни, как это случилось с двумя другими моими друзьями, умершими в расцвете лет: Карлом Шайдтом, которого скосил туберкулез, и Альфредом Юнкерсом, у которого было больное сердце.

Де Брейн, дрезденский голландец, отправился на Суматру, чтобы начать свою коммерческую деятельность на плантациях сахарного тростника. Через несколько лет, сделав неплохую карьеру, он вернулся в Дрезден, чтобы навестить родителей. Я быстро сдружился с этим удивительным человеком, чья мужественность восхитительно проявлялась как во внешнем, так и во внутреннем облике.

Там, на плантациях, где человеку приходится рассчитывать только на себя, он стал настоящим мужчиной. Его левое запястье было повреждено зубами тигра, а на предплечье полосатый хищник оставил следы своих когтей, когда Рудольф вступил с ним в смертельную схватку, чтобы защитить своих рабочих.

Во время обхода плантации он увидел нескольких рабочих, вооруженных копьями, на которых только что напали тигры. Один из них уже лежал растерзанный на земле, остальные обратились в бегство. Рудольф поднял лежавшее на земле копьё и вступил в единоборство с тигром. Тот прыгнул ему на спину, и копьё, вместо того чтобы вонзиться в живот хищнику, находившемуся в этот момент почти в вертикальном положении, под его тяжестью вошло в

---

²²¹ Кальберла Генрих Вильгельм (1840–1916) – немецкий энтомолог.

землю. И человек и зверь в течение нескольких мгновений, которые показались де Брейну вечностью, боролись друг с другом, и тигр прокусил попавшее ему в пасть запястье де Брейна и разодрал когтями его левое предплечье. Тем временем из фактории подоспела помощь. Кто-то метким выстрелом – пуля просвистела мимо головы де Брейна – убил тигра.

Рудольф рассказывал об этом приключении просто, ничуть не рисуясь. Неудивительно, что этот роскошный мужчина, после своих семилетних странствий изголодавшийся по европейским женщинам, произвел в дамском обществе фурор. Вскоре он познакомился с подругой своей сестры, и они страстно влюбились друг в друга. К несчастью, юная дама уже была помолвлена и, несмотря на пылкое чувство к де Брейну, не решилась взять обратно данное жениху слово.

Эта верность общепринятым нравственным нормам, это преступление в отношении любимого человека и себя самой, которое совершила девушка, сыграли роковую роль в судьбе моего бедного друга, ускорив трагический конец.

Он бросился прочь из Дрездена, чтобы найти забвение в индийских безлюдных просторах. Насколько я понял из его писем ко мне, ему не удалось преодолеть свое несчастье. Слишком любя своих родителей, чтобы причинить им горе самоубийством, он поборол искушение пустить себе пулю в лоб и попытался найти избавление в морфии. Он разрушал себя все более сильными дозами, с тем чтобы его родные в конце концов узнали, что он скончался от болезни.

За этим адресованным мне письмом, исполненным глубочайшего отчаяния, вскоре последовала короткая записка. Рудольф с ликованием сообщал мне, что его избранница все же собралась с духом и отказала жениху! И что он приедет в Европу первым же пароходом, чтобы жениться.

Дней через восемь он и в самом деле прибыл в Дрезден. Увидев его, я пришел в ужас: это был уже совсем не тот цветущий и пышущий здоровьем де Брейн; передо мной стоял тяжело-больной старик, тощий как скелет. Устремив на меня усталый, тяжелый взгляд из ввалившихся глазниц, который едва не разорвал мне сердце, он сказал:

– Морфий подорвал мое здоровье. Мне необходимо сначала отправиться в санаторий, чтобы отвыкнуть от этого яда и восстановить силы. Только потом я смогу жениться.

Через три недели я получил известие о его смерти.

38. Женитьба, 1886 год

В двадцать три года я был назначен директором компании, а мой отец ограничился лишь членством в наблюдательном совете акционеров.

С коммерческой точки зрения оказалось весьма кстати, что мне «из-за общей слабости» не нужно было в течение года отбывать воинскую повинность; во всех же остальных отношениях я горько сожалел об этом, особенно когда началась Первая мировая война.

Благодаря надежной материальной основе моего существования, которой я был обязан исключительно заботе отца, я счел возможным летом 1885 года заключить помолвку с моей будущей женой и вскоре после достижения двадцатичетырехлетнего возраста жениться. Четвертого января 1886 года я ввел в свой дом мою супругу Генриетту, урожденную Класон²²².

39. Путешествие на Восток, 1886 год

Моя жажда странствий по-прежнему влекла меня в дальние края.

---

²²² Класон Генриетта (1865–1946) – дочь дюссельдорфского текстильного импортера Клеона Класона (1838–1923) и Генриетты Луизы (1842–1920), урожд. Шпис (дочери Альберта Шписа, дяди Георга Шписа, жившего в Нью-Йорке и Бонне).

Весной 1886 года назрела необходимость поездки в македонские табачные районы²²³, куда мы и отправились с моим петербургским братом Альбертом. Мы вместе прибыли в сказочно красивый Константинополь. Я был еще слишком молод, чтобы глубоко понять Восток; это понимание, на мой взгляд, доступно лишь зрелому человеку.

Если не считать нескольких посещений Святой Софии и стамбульского базара, а также Скутари²²⁴ с его танцующими дервишами и, наконец, «Пресных вод Европы»²²⁵ и т. д., мы сосредоточили свою туристскую активность на селамлике²²⁶, поразившем наше воображение своей помпезностью.

Однако мы были слишком одержимы коммерческим рвением, чтобы во время короткого пребывания в турецкой столице сильно отвлекаться от наших торговых дел, и большую часть времени уделяли общению с нашими деловыми партнерами. Это были преемники И. Рикехоффа, торговый дом «Петриди и К°» и один караим – Коэн Айваз.

Господин Петриди стал первым в моей жизни представителем одной из древних греческих патрицианских фамилий, какие можно встретить в Константинополе, Александрии и Лондоне, но едва ли в Афинах. От роскошных домов этих людей и от них самих веет культурой, древним богатством и международной цивилизацией.

К сожалению, первое впечатление, произведенное мной на этого человека, было отнюдь не благоприятным. Виной тому стала феска, которой я увенчал свою голову. Я и не подозревал, что для европейца это верх безвкусицы – носить на Востоке феску, а еще меньше я мог предположить, что именно моя феска в глазах турок превращала меня в посмешище. Дело было так:

Мой брат Альберт привез мне однажды в Дрезден изготовленную в Крыму феску с голубой кистью. Поскольку она мне очень понравилась, я решил взять ее с собой в Турцию и даже во время путешествия носил вместо дорожной шляпы – видимо, желая показать окружающим, что я направляюсь в Турцию. И во время визита к господину Петриди я, разумеется, тоже был в феске.

Когда мы закончили деловые переговоры, на которых хозяин расточал любезности, и уже хотели откланяться, господин Петриди тактично заметил, что мне не следует появляться на улице в этой феске, ибо, во-первых, она помята, во-вторых, у нее совершенно невозможный старомодный цвет, а в-третьих, кисть не черного, а голубого цвета. Скорее всего, она была сшита еще во времена Крымской войны и к тому же куплена где-нибудь в провинции. В этой ужасной феске я уподобился бы чудаку, гордо разгуливающему по парижскому бульвару в допотопном помятом цилиндре шапокляк. И он не может не предостеречь сына своего старого делового партнера от такого фиаско.

В отель я вернулся в закрытой карете, и моя безжалостно развенчанная феска была сослана на дно чемодана.

На следующий день вечером господин Петриди давал у себя в доме ужин, который я не забуду до конца жизни, хотя никогда не считал себя гурманом. Именно поэтому я не обратил внимание на то, из чего состояли предложенным нам яства.

Однако необыкновенная изысканность угощений поневоле навела меня на мысль, что приблизительно так, возможно, выглядели пиры Клеопатры.

К сожалению, ужин у Коэна Айваза существенно отличался от петридиевского по качеству пищи, количество же оной, пожалуй, можно назвать катастрофическим.

Коэн Айваз был, как это, вероятно, сразу же поймет любой знаток Крыма, караимом, ибо эта фамилия является очень распространенной в упомянутом народе. По поводу ветхоза-

---

²²³ Имеется в виду греческая Македония.

²²⁴ Скутари (Ускюдар) – район в азиатской части Стамбула.

²²⁵ Название общественного сада в Стамбуле.

²²⁶ Селамлик – зал для приемов.

ветного имени Коэн мне нет нужды распространяться; для тех же, кто не знаком с татарским языком, я хотел бы заметить, что слово «айва» представляет собой на этом языке обозначение соответствующего фрукта. В соединении семитского и татарского имен в определенном смысле отражается судьба этого народа.

Караимы – это еврейская секта, отрицающая Талмуд и основывающая свою веру исключительно на Ветхом Завете²²⁷.

С древнейших времен жившие в греческих колониях, в том числе и в Крыму, они после завоевания Крыма татарами ушли вглубь полуострова и веками мужественно отстаивали свою национальность и веру в борьбе с татарами, в то время как оставшееся там греческое население подверглось татаризации и исламизации²²⁸.

Их прибежищем стало Чуфут-Кале, где они построили город-крепость. Она находится неподалеку от Бахчисарая, древней столицы Крымского ханства.

Особая судьба, отличная от судьбы остального еврейского народа, определила и особый национальный характер этого крохотного народа (в России, по некоторым сведениям, осталось лишь около пяти тысяч караимов, которые живут преимущественно в Крыму), наделив его совершенно другими качествами, нехарактерными для евреев: храбростью и необыкновенной честностью. Поэтому русское правительство никогда не ограничивало их гражданские права, в отличие от евреев, живших в царской России в пределах черты оседлости.

Из дюжины табачных торговых агентов, с которыми мой брат Альберт имел дело на юге России и на Кавказе, большинство были караимы, в том числе брат Коэна Айваза из Константинополя.

И вот у этого господина мы должны были ужинать. Наши уверения, что мы еще не успели переварить петридиевский ужин, не помогли. Мы были приглашены «всего лишь» на плов, в приготовлении которого его жена, по его словам, была непревзойденной мастерицей. Нам ничего не оставалось, как покориться судьбе.

Я был бы не в состоянии перечислить все, что нам пришлось съесть, прежде чем дошла очередь до плова. С ужасом вспоминаю я этот ужин, с которого мой брат привез меня в отель совершенно больным. Впрочем, все остальные впечатления того вечера я с удовольствием храню в своей памяти: его богато одетую жену, множество ковров, которые он нам демонстрировал, называя цену каждого из них, и наконец всю его родню.

Если с хозяином мы беседовали по-русски, то общение с его весьма привлекательной женой оказалось довольно затруднительным: она была спаньоли (так назывались изгнанные из Испании евреи) и говорила, кроме турецкого, лишь на средневековом кастильском наречии²²⁹.

Среди родственников особенно выделялись две барышни Мангуби: восхитительно чистокровные семитские красавицы. Так, наверное, выглядели Дидона или Семирамида.

После приблизительно недельного пребывания в гостеприимном Константинополе мы отплыли в Македонию, в Кавалу²³⁰. Это морское путешествие под ослепительными лучами весеннего солнца, мимо Принцевых островов, по Мраморному морю и через Дарданеллы, а затем по ярко-синему Эгейскому морю с его живописными островами Имброс, Лемнос, Самофракия и – уже перед самой Кавалой – Тасос доставило нам незабываемое наслаждение. При виде природы Восточного Средиземноморья нас, северян, охватывает неописуемый восторг; мы начинаем понимать, что своим чувством прекрасного древние греки были обязаны восхитительной красоте окружавшего их мира.

---

²²⁷ Происхождение караимов является предметом дискуссий. По одной версии они происходят от евреев, по другой – от хазар.

²²⁸ Среди крымских татар едва ли не чаще можно встретить классический греческий тип, нежели в Греции.

²²⁹ Речь идет о сефардах (изгнанных из Испании евреях), языком которых был ладино, принадлежащий к иберо-романской подгруппе романских языков.

²³⁰ Кавала – город на северо-востоке Греции.

Ступив на землю в маленьком портовом городе Кавала, имеющем особое значение для экспорта превосходного табака, мы мгновенно погрузились в хлопотливую жизнь турецкой провинции, хотя среди населения самого города преобладали греки.

Расположенные северо-западнее и восточнее Кавалы земли, напротив, населяли главным образом турки, занимавшиеся табаководством и овцеводством; кое-где попадались и греческие и болгарские деревни.

Турки выгодным образом отличались от своих христианских сограждан: не только потому, что им принадлежали лучшие табачные плантации и они были самыми усердными, заботливыми и честными табаководами, – турецкие зажиточные крестьяне поражали своей высокой бытовой культурой, а все турецкие крестьяне без исключения обладали естественным чувством достоинства²³¹.

Турки – я говорю, разумеется, о турецких крестьянах, а не о коррумпированном нами, европейцами, чиновничестве – не уступают в честности никакому другому народу; я даже склонен отдать им в этом смысле пальму первенства. В сравнении с ними окружающие их восточные и христианские народы, в особенности греки и армяне, – весьма сомнительная публика.

Наши поездки на табачные плантации неизменно обогащали нас интересными впечатлениями. Когда мы приближались к всегда запертым воротам, нас по обыкновению приветствовал злобный собачий лай, возвещавший хозяину о прибытии гостей, чтобы тот заблаговременно мог спрятать от посторонних глаз жену и дочерей – а если он был настолько богат, что мог позволить себе такую роскошь, как гарем, то своих жен – и загнать в вольеры собак.

Наконец слуга проводил нас в дом. Хозяин торжественно принимал нас в своей «гостинной», помещении, почти лишенном мебели, пол которого был выстлан коврами. Стены тоже украшали ковры либо полотнища с вытканными изречениями из Корана.

Все по-турецки садились на ковре, курили и угощались засахаренными фруктами или лепестками роз, пили кофе. Непринужденная беседа – через привезенного с собой переводчика – сначала касалась чего угодно, только не табака; это было бы нарушением традиций. Говорили о путешествиях, о разных странах, о Турции, Германии, России и, конечно же, о политике. Я был удивлен тому, как хорошо эти табаководы осведомлены о европейской политике по отношению к их стране, и порадовался их восхищению нашим великим Бисмарком.

Тем временем весть о нашем визите распространялась по всей деревне. В «гостиную» входил один табаковод за другим. Однако лишь очень немногим – пожилым достойным людям – дозволялось сесть на ковер в нашем кругу; остальные опускались на корточки вдоль стен.

После почти часовой беседы хозяин наконец обращался к нам с долгожданным вопросом, не интересуемся ли мы случайно табаком. Получив утвердительный ответ, он спрашивал, не желаем ли взглянуть на его табак, и наша готовность воспользоваться его любезным приглашением становилась сигналом торжественного окончания прелюдии к деловой части встречи и перехода в сарай, где хранился табак.

Там высились аккуратные горы товара, богатство прошлогоднего урожая. Собранные поздним летом и высушенные табачные листья предварительно сортируются в сарае. Ферментации они подвергнутся весной, уже упакованные в тюки. И только после ферментации табак будет готов к переработке.

Нам дозволялось вытащить из штабеля пачку табачных листьев – одну, не больше, хотя одна пачка, естественно, отнюдь не отражала среднее качество всего штабеля. Попытки более детального изучения качества товара за счет увеличения количества образцов воспринимались хозяином как оскорбление. Предполагалось, что покупатель уже подробнейшим образом про-

---

²³¹ С тех пор как в результате балканских войн и Первой мировой войны турки оставили эти земли, а их прекрасные табачные плантации в южной Македонии и Фракии оказались в руках греков, качество лучших левантийских сортов табака существенно понизилось.

информирован своим торговым агентом о характере урожая в данной местности, о влиянии дождей на качество листьев во время их вызревания, о видах и способах удобрения почвы и наконец о добросовестности табаководов, о степени ответственности, с которой он возделывает свои табачные поля.

После знакомства с образцами продукции начинался восхитительный страстный и продолжительный торг. Когда наконец достигалось согласие по поводу цены, которая составляла приблизительно половину запрашиваемой вначале суммы, сделка скреплялась нескончаемыми рукопожатиями, причем обе стороны многократно громко повторяли окончательную продажную цену, радушно глядя друг другу в глаза.

Мы выплачивали каждому из продавцов, у которых покупали товар, несколько турецких фунтов золотом в качестве аванса при свидетелях – и на этом сделка завершалась. Расписки в получении предоплаты никто не давал и не требовал, договор не составлялся, хотя приобретенный табак стоил солидную сумму, представлявшую собой годовой доход крестьянина-табаковода. Данного слова было достаточно. Обычно купленный табак еще довольно продолжительное время хранился у хозяина, прежде чем его забирали и производили окончательный расчет. Случаев, чтобы турецкий продавец табака нарушил слово и уступил проданный товар другому покупателю за более высокую цену, не было.

Где еще можно найти в простолюдинах такую честность, неподвластную никаким соблазнам и искушениям?

В торговле с болгарскими и тем более с греческими табаководами подобные отношения, основанные на добросовестности партнеров в исполнении своих обязательств, исключены.

Из Кавалы мы направились на северо-запад, в Серес, довольно большое болгарско-греческое поселение, а оттуда через Филиппы в Драму, которую уже можно было назвать небольшим городом. Мною овладело своеобразное чувство, когда мы ехали по исторической земле Филипп, ставших когда-то свидетелем исторических событий мирового значения: здесь, севернее исчезнувшего города, о прежнем существовании которого напоминали лишь отдельные торчащие посреди голой степи колонны, в 42 году до нашей эры Октавиан и Антоний разбили армию убийц Цезаря – Брута и Кассия.

Обращало на себя внимание поведение турецких женщин, попадавшихся нам на дороге. Хотя они и без того носили паранджу – причем не кокетливую, прозрачную, как это делали женщины в Константинополе, а глухую, непроницаемую, – они при виде нашей кавалькады останавливались и поворачивались к нам спиной.

Для меня, в отличие от Альберта, путешествие, которое из-за отсутствия нормальных дорог приходилось совершать верхом, оказалось довольно утомительным. И когда мы останавливались на ночлег в каком-нибудь «хане» – так назывались совершенно примитивные турецкие постоялые дворы, – я от усталости мгновенно засыпал и почти не чувствовал укусов бесчисленных кровососущих насекомых.

Поэтому Драма показалась нам настоящим раем. Мы остановились в опрятном доме одного торговца табаком, у которого были жена и две дочери, проявлявшие любопытство к гостям, и «библиотека», состоявшая приблизительно из десяти томов.

Любопытство женщин особенно забавно проявилось, когда мы по прибытии захотели совершить тщательное омовение и для этой цели попросили у хозяев ведро свежей воды: их более чем скромный умывальник, наподобие тех, что можно видеть в русских крестьянских домах, представлял собой скорее рукомойник.

Дамы были явно заинтригованы: зачем этим европейцам понадобилось столько воды? И когда мы разделись и, достав из багажа резиновую ванну, принялись обливаться в ней, мы вдруг заметили, что мать с дочерьми изумленно наблюдают за нашими экстравагантными водными процедурами через открытую дверь.

«Библиотека» была предметом особой гордости хозяина. Представляя ее нам, он сообщил, что очень любит географию. А еще больше – путешествия! Чего только не увидишь в дороге! Его заветная мечта – постоять на Нордкапе, потому что оттуда видна вся Европа²³². И он увидел бы Лондон, Париж, Берлин, Рим – это, наверное, было бы великолепно!

Через два дня мы расстались с нашим чудачком-географом, чтобы отправиться в обратный путь, в Кавалу. Приезд двух настоящих европейцев, конечно же, стал в Дrame ярким событием. На нас смотрели так же, как, наверное, где-нибудь в Европе смотрели сто лет назад на негров. На окраине города располагался табор цыган, обитатели которого, закутанные в немыслимые одеяния, обрушились на нас, как целая ватага попрошаек. При этом дети и подростки – даже девочки – были совершенно голыми.

Вернувшись в Кавалу, мы предприняли поездку – на этот раз в повозке – на северо-восток, в Енидзе, важный центр табаководства, расположенный восточнее реки Карасу, у подножия гор, которые тянутся до самого моря. Там выращивают лучшие сорта табака.

В Енидзе, в фактории нашего друга Петриди, мы нашли самый радушный прием и европейский комфорт, позволивший нам как следует отдохнуть от тягот македонского путешествия. Господин Петриди даже прислал нам своего повара, избавившего нас от ужасов македонской кухни.

Путешествие назад в Константинополь, а оттуда домой мы начали из расположенного в непосредственной близости от Енидзе, южнее города, маленького порта Ксанти.

40. Путешествие на Балканы, 1886 год

В том же 1886 году, в августе, деловые интересы снова привели меня в балканские страны, а именно в Сербию и Румынию. Однако поездка оказалась безуспешной.

Железная дорога доходила тогда лишь до Белграда. Этот город, раскинувшийся на высоком берегу Савы, производил в то время довольно жалкое впечатление и представлял собой нечто среднее между турецким и русским провинциальным городом.

Конак²³³, резиденция тогдашнего короля Милана²³⁴, был весьма скромным строением, а на мостовой «а-ля Москва» перед этим «дворцом» росла трава и бегали, громко хрюкая, свиньи.

Едва успев приехать на место, поздним вечером я тотчас почувствовал предвкушение ожидающих меня разочарований, ибо с именем столь знаменитого города я невольно ассоциировал нечто чрезвычайно интересное. Когда весьма утомительная для запряженной в повозку лошади и мрачная для меня поездка по горным дорогам закончилась и мы остановились перед гостиницей на неосвещенной главной улице, я не без труда прочел в тусклом свете двух простых керосиновых ламп, висевших у входа, надпись «Grand Hotel de Paris»²³⁵, однако, войдя внутрь, я не обнаружил никаких признаков «гранд-отеля» и ничего даже отдаленно напоминающего Париж. Это был классический клоповник. Но я, утомленный длинным путешествием, мужественно лег на кровать в отведенной мне комнате.

Проснувшись утром, я увидел на подушке, прямо перед глазами, какое-то подозрительное красно-бурое пятно. Я вскочил и увидел, что это огромное пятно от засохшей крови, смешанной с гноем. Да здравствует непревзойденная балканская чистота!

Жалкое впечатление, произведенное на меня городом, конечно, было связано с поражением в войне, которую Сербия вела с бурно развивавшейся Болгарией. Вид военных тоже наво-

---

²³² Нордкап – мыс высотой 307 м на острове Магере на севере Норвегии, который иногда ошибочно считают самой северной точкой Европы.

²³³ Резиденция (сербск.).

²³⁴ Милан I Обренович (1854–1901) – князь (1868–1882) и первый король Сербии (1882–1889).

²³⁵ «Парижский гранд-отель» (фр.).

дил тоску: их ужасное обмундирование и сами они не шли ни в какое сравнение с теми сербскими солдатами, которых я увидел двадцать лет спустя.

В 1886 году Сербия находилась под влиянием Австрии: именно Австрия спасла ее от вторжения победоносной болгарской армии и именно австрийский капитал уберег ее от финансового краха. Я думаю, что все сербские государственные доходы, базировавшиеся на косвенном налогообложении, поступали в виде залога в Венский банк федеральных земель. Во всяком случае, это касалось табачной монополии и почты. Когда я утром хотел отправить с главного почтамта телеграмму, служащий не смог дать мне сдачу с двадцатифранковой монеты, потому что вечером агент упомянутого банка забрал все деньги, как делал это каждый день, а утренней выручки не хватало, чтобы разменять двадцать франков! *Tempora mutantur*²³⁶...

В управлении сербской табачной монополии я сразу почувствовал германизирующее влияние австрийских органов государственного управления.

Директором был чех, его жена была галицийской полькой, общались они друг с другом на немецком за неимением другого общего языка.

Свое путешествие в Румынию я продолжил по Дунаю до Орсовы, чтобы оттуда отправиться по железной дороге до Бухареста.

Такая поездка по Дунаю на отрезке Базиас (в Банате²³⁷), Турну-Северин (Румыния), ущелье Казан и пороги так называемых Железных Ворот дает возможность полюбоваться необычайно красивыми видами. Кроме того, это путешествие может быть привлекательным для иностранца, интересующегося многонациональностью дунайских стран с этнографической точки зрения. Сербь и мадьяры, швабы из Баната и трансильванские румыны – кого здесь только не было! Больше всего меня привлекали мусульманские босняки и герцеговинцы, которые со своими гаремами, детьми и пожитками ушли в Турцию, чтобы не жить под христианским правительством: их отечество было в соответствии с решениями Берлинского конгресса²³⁸ оккупировано Австро-Венгрией. Какие роскошные типажи, какие красивые лица можно было встретить среди этих южных славян, исповедовавших ислам! Нечто подобное я видел позже лишь среди кавказских горцев. Будучи в Орсове, я не мог отказать себе в удовольствии посетить Ада-Кале, маленький дунайский остров, где почти сходятся границы Венгрии, Сербии и Румынии. Некогда укрепленный турецкими крепостями, с помощью которых турки могли перекрывать долину Дуная, он то ли был забыт Берлинским конгрессом, то ли определен последним как ничейная земля, не принадлежащая ни одному из соседних государств. Во всяком случае, Ада-Кале был в то время маленьким изолированным осколком Османской империи, вдали от ее главных территорий; он оставался турецким до заключения мира, которым завершилась Первая Балканская война 1912 года²³⁹.

Ада-Кале, населенный исключительно турками, был кусочком подлинного Востока в полу-Азии нижних дунайских стран. Со своими тенистыми улицами и турецкими домами, со своей мечетью, с минарета которой мулла призывал жителей на молитву, со своими уютными кафе он производил незабываемое впечатление. Немногочисленное, но зажиточное население безбедно жило за счет контрабанды табака: ввиду того, что турецкий табак можно было свободно ввозить на эту турецкую территорию, а остров к тому же был окружен табачными монополиями, он представлял собой идеальное гнездо контрабандистов.

Поездка по железной дороге через Валахскую равнину была смертельно скучной.

---

²³⁶ *Времена меняются (лат.).*

²³⁷ Банат – историческая область в Центральной Европе, разделенная между Сербией, Румынией и Венгрией.

²³⁸ Берлинский конгресс 1 (13) июня – 1 (13) сентября 1878 г. был созван для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. и завершился территориальным переделом в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова.

²³⁹ Первая Балканская война (8 октября 1912 – 17 мая 1913) – война Балканского союза (Болгарии, Греции, Сербии, Черногории) против Турции с целью расширить свои территории.

Румынская столица со своим лабиринтом узких, кривых, плохо мощенных улиц, с одноэтажными домами в русском стиле, Митрополичьим холмом (кремлем в миниатюре) и наконец с многочисленными православными храмами производила в то время впечатление русского провинциального города. С тех пор она, разумеется, сильно изменилась, пройдя длинный путь европеизации.

Приезжему сразу же бросалось в глаза, что Бухарест, как и Москва, возник из беспорядочного – здесь еще более хаотичного, чем в Москве – нагромождения боярских усадеб, окруженных садами. Ему не хватало татарского обаяния Москвы, широты русской природы и особенно печати важных исторических событий.

Поскольку цель моего приезда – добиться согласия на поставки сигарет монополиям – оказалась недостижимой, пребывание мое здесь было коротким. Я тогда не мог себе и представить, что через восемнадцать лет, в зените моей жизни, судьба еще раз приведет меня туда и поставит перед необходимостью принятия одного важного решения.

Тогдашнего главу табачной монополии, Протопопеску, я встретил в 1904 году еще раз; он к тому времени стал влиятельным либеральным политиком и директором Национального банка²⁴⁰.

Следующей моей целью была Болгария, а именно ее столица София. Я уже был в Рушуке, когда пришло известие о начале болгарской революции и аресте князя Александра (фон Баттенберга)²⁴¹. Поскольку в мои планы не входила попытка стать претендентом на княжеский трон, я предпочел кратчайшим путем вернуться в Дрезден.

41. Путешествие в Испанию, 1887 год

Желание найти еще одну страну с табачной монополией в качестве рынка сбыта для наших сигарет не давало мне покоя, поэтому я в феврале и марте 1887 года совершил путешествие в Испанию. В коммерческом отношении эта поездка тоже не принесла положительных результатов, потому что испанцы не находили ничего хорошего в восточном табаке. Для моего образования и понимания Европы эта поездка имела огромное значение, ведь Испания – совершенно особая страна.

Если не считать уникальной, хотя и относительно небольшой коллекции картин в Прадо, которая состоит почти исключительно из одних шедевров, Мадридом я был разочарован. Несмотря на свое стремление быть современным, похожим на Париж, он не мог сравниться даже с Брюсселем, который к тому же был гораздо богаче художественно-историческими памятниками, нежели испанская столица. Над Мадридом все еще висит зловещая тень трагических исторических событий, произошедших в XVI и XVII веках, в эту кровавую эпоху, отмеченную жестокостью и религиозным фанатизмом.

Испанию, какой мы ее себе представляем, я увидел в Андалусии. Я сбежал туда, спасаясь от мадридского холода, от которого не было решительно никакой защиты, поскольку в этом южном европейском городе даже в лучших отелях до сих пор не нашел применения такой полезный предмет, как печь. Человек там мерз зимой. Хорошо, что я взял с собой шубу.

Ночью я отправился в Севилью и с ликованием приветствовал царившую там весну. Мощные пальмы, осенявшие нарядные площади на пути к отелю, показались мне фантастическими декорациями. На каждом шагу видны были следы арабского влияния, оставленные мавританским владычеством, которое длилось более пяти веков.

---

²⁴⁰ Фамилии Протопопеску среди руководителей Национального банка Румынии нет. В 1904 г. этот пост занимал Михаил Шуцу.

²⁴¹ Александр Баттенберг (1857–1893) – первый князь Болгарии (1879–1886). Был низвергнут в ходе переворота 21 августа 1886 г.

Не была в этом смысле исключением и моя гостиница, архитектурой и внутренним убранством напоминавшая «Тысячу и одну ночь». В красивом внутреннем дворике, окаймленном пальмами и служившем гостям чем-то вроде салона, я за утренним кофе услышал за соседним столиком чистейший балтийский немецкий, от которого на меня повеяло родиной, ведь это был родной язык моего деда. Я представился и свел знакомство с двумя балтийцами: с молодым графом Арнольдом Медемом²⁴² из Митавы²⁴³ и господином фон Биненштаммом. Медем, только что закончивший учебу в Дерпте, путешествовал по Европе в сопровождении своего наставника и друга Биненштамма. Оба оказались любезными, солидными джентльменами; Медем же был просто восхитительным малым. Мы быстро подружились и втроем после осмотра достопримечательностей Севильи совершили путешествие по Андалусии, которое привело нас в Марокко.

Пожалуй, самой интересной частью Европы делают Андалусию не только великолепная природа, пышная субтропическая растительность и удивительно интересное, весьма своеобразное население, но еще и потрясающее впечатление, которое производят на приезжих архитектурные памятники трех значительных культурных эпох: римской, арабской и Возрождения.

Уже Севилья поражает воображение своеобразным обаянием мавританских построек, среди которых Альгамбра в Гранаде занимает особое место. Мы видели Севилью с ее жемужиной Алькасаром, с ее «визитной карточкой» – Хиральдой, увенчанной флюгером в виде статуи Веры, мы видели отвратительный бой быков и ту страсть, которую возбуждает это зрелище в более чем десяти тысячах зрителей; мы видели знаменитую табачную фабрику с двумя тысячами Кармен, многие из которых потрясли нас своей жгучей красотой.

Мы посетили прильнувшую к подножию Сьерра-Невады Гранаду с ее Альгамброй, воспевать которую достойны лишь величайшие поэты; мы увидели Малагу, берега которой омывает синее море, и знаменитый парк герцога Монпансье²⁴⁴ в ее дальних окрестностях. Наконец мы видели во время морского путешествия грозную Гибралтарскую скалу, с которой Англия контролировала выход в Средиземное море.

В Танжере я в первый – и в последний – раз вступил на африканскую землю и был удивлен тем, что здесь, на пороге Европы, смог в чистом виде сохраниться восточный мир, в сравнении с которым Константинополь кажется совершенно европейским городом.

В Танжере наши пути разошлись: мои балтийские друзья продолжили свое путешествие и направились через Алжир в Италию, в то время как я пустился в обратный путь – в Мадрид через Кадис, Уэльву и Севилью.

42. Инцидент Шнебеле

За несколько дней до моего прибытия в Мадрид произошел франко-германский конфликт, вошедший в историю как «инцидент Шнебеле» и вызвавший серьезный резонанс во всем мире.

Это был напряженный политический период, когда французский шовинизм в очередной раз расцвел пышным цветом и поднял на щит известного поджигателя войны, генерала Буланже²⁴⁵. Французский пограничный чиновник Шнебеле, который, как было доказано, занимался в Эльзасе шпионажем через третьих лиц, был арестован при въезде в Германию²⁴⁶. Французская общественность буквально взорвалась от возмущения. Возникла реальная угроза

---

²⁴² Медем Арнольд Теодор Юлиус (1865–1899), граф.

²⁴³ Ныне латвийский город Елгава.

²⁴⁴ Имеется в виду Антуан Мария Филипп Луи Орлеанский, герцог де Монпансье (1824–1890).

²⁴⁵ Буланже Жорж Эрнест Жан Мари (1837–1891) – французский генерал.

²⁴⁶ Арест Гильома (Вильгельма) Шнебеле произошел в апреле 1887 г.

войны между двумя враждебными друг другу странами. Поэтому я решил ускорить свое возвращение домой через Париж (во Франции все самые быстрые пути ведут через Париж) и Женеву, где у меня еще были кое-какие дела.

Выехав из Мадрида, я совершил невероятную глупость, которая во Франции могла мне дорого обойтись. Моим соседом по купе в спальном вагоне оказался любезный молодой француз. Он вступил со мной в беседу, и вначале мы говорили об Испании, а потом перешли к политике.

В ходе беседы он неожиданно спросил меня, кто я по национальности, поскольку по моему французскому он этого не мог определить. Я, сам не зная отчего, ответил, что я русский.

Моя ложь была продиктована исключительно нежеланием доставить ему огорчение. Ничего глупее я сделать не мог, ибо едва я произнес эти злополучные слова, как с моим юным собеседником случился приступ такой безудержной откровенности и любезности, что мне стало не по себе. Теперь, восторженно воскликнул он, наконец-то дойдет дело до военного реванша; он, как французский офицер запаса, уже получил мобилизационное предписание и едет в свой драгунский полк в Нанси, готовый первым двинуться на Мец.

Он заказал у проводника бутылку шампанского, и не успел я опомниться, как он поднял бокал, протягивая мне второй со словами: «*Donc au succès de nos armes!*»²⁴⁷, ведь нет никаких сомнений в том, что мое отечество в союзе с Францией разгромит ненавистную Германию!

Я оказался в весьма затруднительном положении. Для меня было бы позором поддержать такой тост, но как выйти из положения?

Я отклонил его тост и довел до сведения моего разочарованного попутчика, что хотя Россия относится к Франции с большой симпатией, но не имеет никаких оснований питать враждебные чувства к Германии. Напротив, с нашими немецкими соседями мы живем в мире и дружбе – если не считать короткого и довольно нелепого недоразумения во время Семилетней войны²⁴⁸. В России никто и не думает о войне, а все, наоборот, желают сохранения добрососедских отношений с Германией. А что касается лично меня, то я из числа самых миролюбивых русских. Поэтому я вынужден отказаться от предложенного тоста, но прошу позволить мне выпить за здоровье дамы его сердца, которая, если она француженка, несомненно, обладает всеми прекрасными качествами, отличающими французских женщин.

Таким образом мне все же удалось вывернуться, и чтобы избежать дальнейших разговоров, я, сославшись на крайнюю усталость, выразил желание лечь спать.

Отходя ко сну, я со всей отчетливостью осознал степень совершенной мною глупости. Ведь мне еще предстояло пересечь пол-Франции, и я легко мог подвергнуться аресту в этой стране, одержимой шпиономанией, – достаточно было какого-нибудь недоразумения, которое дало бы основание для проверки моих документов.

Чертовски трудно, сказав однажды неправду, последовательно продолжать лгать. Чтобы избежать этого, я решил покинуть спальный вагон, следовавший до самого Парижа, еще на пограничной станции Ирун. Однако мой попутчик перечеркнул этот план спасения от его утомительной любезности.

В Ируне мне не удалось предотвратить очередной акт этой любезности – обильный завтрак, которым он меня угостил. «*Un russe* для него равнозначно *un compatriote*»²⁴⁹, – заявил он. Я был на грани отчаяния от услужливости этого господина. Уже перед самым отправлением поезда я сообщил ему, что, к сожалению, купил билет в спальный вагон только до Ируна, поэтому должен пересест в другой вагон, но в Париже мы непременно увидимся.

---

²⁴⁷ «За успех нашего оружия!» (*фр.*).

²⁴⁸ Имеется в виду война 1756–1763 гг., в которой участвовали с одной стороны Франция, Австрия, Россия и Испания, а с другой – Великобритания, Пруссия и Ганновер.

²⁴⁹ «Русский ... соотечественнику» (*фр.*).

Я полагал, что таким образом отделался от докучливого попутчика. Однако это оказалось наивным заблуждением: на каждой станции между Ируном и Бордо он подходил к окну моего купе (во Франции тогда еще не было поездов с сообщающимися вагонами) и спрашивал, не может ли он все же чем-нибудь мне помочь. В конце концов я решился на радикальный шаг: не успел поезд остановиться в Бордо, как я выбросил свою ручную кладь на перрон, бросился к багажному вагону, получил свой багаж и, скрывшись в здании вокзала, дождался, пока поезд не скроется вдали вместе с моим французом.

Только теперь я с облегчением вздохнул. Затем, сев на поезд, идущий через Лион в Женеvu, я на собственной шкуре прочувствовал все прелести путешествия на французском «скором поезде» и убедился в допотопности французского железнодорожного сообщения, если, конечно, не считать парижских магистральных линий.

43. В Берлине

1888 год был важным, но очень болезненным периодом из-за смерти старого кайзера Вильгельма²⁵⁰. Я видел его лишь однажды, в Дрездене.

Его несчастного сына, любимца народа, кайзера Фридриха III, я видел перед самым концом его 99-дневного правления.

«Наш Фриц» показался своему народу, уже будучи обреченным, стоя вместе со своей супругой у окна своего берлинского дворца.

Я никогда не забуду, как десятки тысяч людей, собравшихся на площади перед дворцом, безмолвно, с болью в сердце, приветствовали своего кайзера, который молча, с благодарностью во взоре, смотрел на своих верных подданных. Мало кому удавалось сдержать слезы. Ведь тогда существовало удивительное единство народа и правящей династии.

Создателя этого единства, нашего великого Бисмарка, я видел единственный раз, за несколько лет до этого печального события. Это было в тот день, когда он в рейхстаге на весь мир произнес гордые слова: «Мы, немцы, боимся только Бога и больше никого на свете». Мне не удалось войти в здание рейхстага, и я, стоя в огромной толпе, ждал появления Бисмарка на Ляйпцигер-штрассе (там тогда находилось здание рейхстага).

Его, чьи слова мгновенно разлетелись по городу и по всей стране, приветствовали нескончаемыми овациями. Когда он сел в свой закрытый автомобиль, я не удержался и, выскочив из толпы, бежал рядом с автомобилем до самого дворца рейхсканцлера, восторженно крича великому государственному деятелю «ура», вероятно к его немалой досаде. Он же время от времени благодарно кивал мне и смотрел на меня своими удивительными, необыкновенно выразительными глазами.

44. Московский соблазн

Отец уже много лет, с 1882 года, держал меня в курсе своих еще существующих деловых интересов в России и особенно любил рассказывать о своей прежней коммерческой деятельности, в сравнении с которой эту «штамповку сигарет» в Дрездене считал чем-то несерьезным.

При этом он не учитывал, что может тем самым сформировать в сыне, в котором сумел воспитать необыкновенное честолюбие, такое же скептическое отношение к его кругу деятельности.

Так и случилось: перед лицом соблазна я и в самом деле почувствовал себя пресыщенным своей работой в Дрездене. Мне казалось, что я достиг здесь всего, чего можно было достичь. Я был счастливо женат, был директором процветающего, причем крупнейшего в своей обла-

---

²⁵⁰ Вильгельм I Фридрих Людвиг (1797–1888) – германский император (1871–1888).

сти предприятия в Германии, а кроме того, председателем Объединения немецких сигаретных фабрик. Чего я могу еще достичь здесь, в Дрездене, далеко не самом важном торговом центре, кроме того, что стану в обозримом будущем коммерции советником, спрашивал я себя. А эта перспектива была отнюдь не пределом моих честолюбивых мечтаний.

Деньги тоже были для меня не главной целью: отец и сестра привили мне определенное пренебрежение к деньгам как таковым. К тому же я уже считал себя состоятельным человеком. Честолюбие мое жаждало какого-то нового поприща с неясными, не вполне определенными целями.

Соблазн овладел мной во время поездки в Москву в августе 1888 года. Мой кузен Эрнст Шпис, которому отец доверил руководство «Товариществом Франца Рабенека» и который параллельно с другими, новыми областями коммерции занимался также хлопковым и вигоневым бизнесом ликвидированной фирмы «Штукен и Шпис» на свой, отдельный счет, пригласил меня в Москву.

Отец неохотно и не сразу дал свое согласие²⁵¹. Он сделал это в расчете на то, что кузен прежде всего введет меня в «Товарищество Франца Рабенека». Однако его и моя надежда не оправдалась. Только летом 1890 года, когда в результате неожиданного поворота событий в Москве я все же оказался во главе этого общества, отец примирился с моим переездом в Россию.

В мае 1889 года мы с женой и двумя нашими детьми, Альбертом²⁵² и Луизой, переехали в мой родной город, Москву.

---

²⁵¹ Из переписки между Георгом и Эрнстом Шписами ясно, как сильно Роберт Шпис возражал против этой перемены. Так, 17 сентября 1888 г. Георг Шпис писал Эрнсту Шпису: «В остальном папа свыкся с мыслью о моем уходе. <...> Отношение к нему <...> тоже не такое, как прежде».

²⁵² Альберт Шпис (1886–1971), фермер и пчеловод, с 1913 г. жил в Аргентине, а позднее в Чили. Обучение он, в частности, прошел в имениях князя Юсупова в Южной России.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. МОСКВА. 1889–1902

45. Москва

Хотя я при переезде в Москву был уже вполне зрелым мужчиной и меня ждала там необыкновенно разносторонняя для моего возраста деятельность, теперь, трезво оглядываясь на свой московский период с 1889 по 1902 год, я могу рассматривать его не иначе как очередной учебный курс в университете, именуемом жизнью.

Как уже было сказано, Москва сначала принесла мне разочарование, связанное с тем, что мой кузен не торопился вводить меня в упомянутое общество, чуть ли не единственными акционерами которого были мой отец и Вильгельм Штукен.

46. Несколько слов об истории рабенековских красилен

Предметом коммерческой деятельности предприятия была в первую очередь ализариновая красильня в Болшеве под Москвой, которой блестяще руководил кузен Эрнст Шпис.

Считаю необходимым вкратце рассказать историю фабрики, поскольку она относится к старейшим предприятиям текстильной промышленности России.

В начале XIX века в Эльберфельде была ализариновая красильня, принадлежавшая семье Рабенок, продукция которой находила сбыт прежде всего в России. В 1825 году, во время великого английского торгового кризиса, который и без того губительно сказался на экономическом положении, Рабенеков постигло несчастье: весь их склад с пряжей в Петербурге был уничтожен страшным наводнением. Они вынуждены были прекратить платежи в Эльберфельде, а оба брата, Франц и Людвиг, уехали в Россию и в 1828 году открыли под Москвой, в деревне Болшево на реке Клязьме, новую красильню. Дела у них шли так хорошо, что уже через несколько лет они смогли выплатить все свои долги в Эльберфельде до последнего пфеннига²⁵³.

Еще через несколько лет братья расстались. Младший из них и более предприимчивый, Людвиг, открыл в 1831 году ниже по реке Клязьме, в Соболеве, свою фабрику, которая вскоре значительно превзошла Болшевскую красильню за счет расширения сферы производства. Там появились большая красильня для крашения ситца и набивочный цех, а потом еще ализариновая фабрика. Франц Рабенок остался верен кумачу²⁵⁴.

Фирма моего отца имела тесные деловые отношения с обеими фабриками Рабенеков. Она поставляла им марену или гарансин, получаемый из маренового корня краситель для крашения ализариновым цветом.

Кроме того, старый Франц Рабенок с самого начала, когда только мой отец прибыл в Россию в 1846 году, оказывал ему широкую отеческую поддержку, а с его сыновьями Германом и Эвальдом, особенно с Эвальдом, отец был очень дружен. Одним словом, когда в конце 60-х годов, после смерти старого Франца, появился новый способ крашения – с помощью ализарина²⁵⁵, красителя, получаемого из каменноугольной смолы, – Герман и Эвальд, потеряв

---

²⁵³ Людвиг Рабенок, потомок основателя рода, написал в Париже, куда эмигрировал после 1917 г., мемуары, см.: Москва и ее «хозяева» (времени до Первой мировой войны 1914 г.) // Возрождение (Париж). 1960. № 105; Москва времени до Первой мировой войны // Там же. 1960. № 107; К. С. Станиславский и его семья: Из личных воспоминаний // Там же. 1963. № 133; Московская хлопчатобумажная промышленность // Там же. 1963. № 135; Незабываемое прошлое // Там же. 1964. № 149; Хлопчатобумажные мануфактуры Москвы и Подмосковья времени до Первой мировой войны // Там же. 1965. № 161, 162, 164; Хлопчатобумажная промышленность Старой Москвы 1914 года // Там же. 1966. № 172.

²⁵⁴ По другой версии младший брат Людвиг только в 1831 г. отправился в Москву и самостоятельно основал в этом же году – не имея никакого отношения к фабрике старшего брата Франца – красильню в Соболеве.

²⁵⁵ Имеется в виду искусственный ализарин.

кураж и не решившись продолжать дело, продали его в 1868 году фирме моего отца, который преобразовал его в акционерное «Товарищество Франца Рабенека». Объем годовой продукции составлял тогда двенадцать тысяч пудов; благодаря блестящей коммерческой деятельности моего кузена Эрнста Шписа он возрос до пятидесяти тысяч пудов.

И вот к этому бизнесу мой кузен и не торопился меня подпускать, когда я в 1889 году приехал в Москву. Он определил меня в другую отрасль своей коммерции – торговлю жидким топливом, мазутом, о которой я тогда не имел ни малейшего представления²⁵⁶.

47. Торговля мазутом и поездки в Баку

В 80-е годы бакинское жидкое топливо начало вытеснять дрова и торф, а также английский уголь в Московском промышленном районе (производство угля в южнороссийском Донетском угольном бассейне еще только начинало развиваться).

Почти бесплатное бакинское жидкое топливо – тамошние цены колебались от 66 пфеннигов до 1,32 марки за тонну – доставлялось по Волге в Нижний Новгород и Ярославль, а оттуда в цистернах в Москву. Кроме Товарищества братьев Нобель, ведущей фирмы в данной отрасли, этим занимались только Эрнст Шпис и торговец углем Карл Беш²⁵⁷.

Эта область коммерции моего кузена дала мне возможность в первый раз, поздней осенью 1889 года, совершить путешествие на Кавказ и в Баку. Удивительно интересные края и источники нефти в районе Баку произвели на меня чрезвычайно сильное впечатление.

В то время, когда железной дорогой от Владикавказа (гордое имя которого означает «владыка Кавказа») через Грозный до Петровска на Каспийском море еще и не пахло, путешествия в Баку были не так приятны, как сегодня. Нужно было ехать поездом до Владикавказа, оттуда по так называемой Военно-Грузинской дороге до столицы Кавказа Тифлиса²⁵⁸ и вновь по железной дороге до Баку.

Владикавказ, административная столица Терской области, производил впечатление приветливого альпийского городишки. Бурная река Терек несется с ледника Казбека через весь утопающий в садах город, имеющий важное значение, поскольку ведущая от него дорога соединяет Северную Осетию и Грузию и – если не считать двух морских путей и менее значимой (ведущей только в Мингрелию) так называемой Военно-Осетинской дороги – большую часть Закавказья с остальной Россией.

В соответствии с ее стратегической и экономической важностью Военно-Грузинская дорога, ведущая через Центральный Кавказ, содержалась в образцовом порядке и была, особенно с северной стороны горного массива, надежно защищена многочисленными укреплениями. Эти простые форты с бойницами и казачьими отрядами казались скорее живописными, чем грозными, однако они отвечали своему назначению – держать в узде вооруженных старыми кремневыми ружьями горцев, осетин и разбойников-ингушей. К тому же на дороге постоянно несли патрульную службу казачьи разъезды, что было отнюдь не лишним: ингуши умели на ходу незаметно срезать закрепленный сзади на повозке багаж путешественников и скрываться.

Общая длина этой дороги составляла приблизительно 220 километров. Через каждые 20–30 километров были расположены почтовые станции. Путешествие в почтовой карете до Тифлиса занимало два дня и отнюдь не было увеселительной прогулкой.

---

²⁵⁶ Эрнст Шпис, вероятно, начал заниматься перевозкой нефти вскоре по прибытии в Москву в 1873 г. В 1892 г. Товарищество московского нефтяного склада было продано Георгом Шписом компании Нобеля.

²⁵⁷ Фирма Карла Ивановича (Карла Фридриха) Беша, занимавшаяся торговлей минеральным топливом, строительными материалами, чугуном, железом и проч., была основана в 1873 г., а в 1907 г. преобразована в Товарищество «К. Беш».

²⁵⁸ Тифлис был тогда столицей Кавказской администрации, которой подчинялись Тифлисская, Эриванская и Бакинская губернии, а также ряд областей.

Поэтому я всегда – и в первый раз тоже – путешествовал с так называемой «срочной почтой». Ты получаешь отдельную удобную открытую коляску (зимой сани), запряженную четырьмя лошадьми; на козлах, рядом с кучером – провожатый пассажира, «конвой», который сопровождал пассажира до самого Тифлиса, с помощью оглушительного рожка освобождал дорогу от других повозок, встречных или пытавшихся обогнать твою коляску, останавливал караваны, а кроме того, должен был на станциях заботиться о том, чтобы ты поскорее получил свежих лошадей.

С этой «срочной почтой» путник чувствовал себя князем, и на дорогу – при безостановочной езде – уходило всего 22–25 часов.

Поездка интересна природными красотами и живописными видами. Дорога идет сначала вдоль стремительного Терека и вскоре, через несколько станций, поднимается на высоту 2345 метров. Северный склон Кавказа поражает своей дикой величественной красотой, венцом которой является Казбек (5043 метра, в то время как высота Монблана – лишь 4810 метров), вторая по высоте вершина горного хребта. Его ледяной конус, вонзившийся в небо, неожиданно открывается после одного из поворотов дороги и поражает мощью и величием.

Все кажется более суровым, мощным и самобытным, чем в Альпах; на Северном Кавказе не чувствуется смягчающего влияния человеческих рук, создавших в Альпах приветливые поселения. Кавказ еще являет собой зрелище стихийности и варварства – лишь изредка попадаются аулы, селения местных жителей, и уже упомянутые причудливые культурные образования, казачьи крепости.

Через некоторое время после преодоления перевала картина меняется. Леса исчезают, и дорога устремляется вниз, к южным равнинам. Мы в Грузии, стране фруктов и виноделия, среди восточного народа, чья христианская культура древнее германской²⁵⁹. Под голубыми небесами пестреют разбросанные по живописным долинам многочисленные деревни, архитектура которых не оставляет сомнений в бедности населения, однако почти в каждой деревушке имеется церквушка, выстроенная в своеобразном приятном стиле, свидетельствующем о византийском влиянии.

Тифлис – один из интереснейших и живописнейших городов мира, а в уютном и опрятном Hotel de Londres²⁶⁰, у весьма толковой хозяйки, г-жи Рихтер, чувствуешь себя как в Европе. Через весь раскинувшийся на холмах город, естественный центр Кавказа, течет Кура. Здесь можно наблюдать восхитительную с точки зрения архитектуры и этнографии смесь русской (уже европеизированной), древней грузинской, такой же древней армянской и персидской культур. Нельзя не упомянуть и еще один кусочек Европы в так называемом немецком районе города, возникшем из основанной здесь в 1818 году немецкой колонии вюртембергцев.

Из Тифлиса я по железной дороге доехал до Баку. Об этой столице каспийского региона – этот титул город честно заслужил – я намерен рассказать более подробно в связи с моим длительным пребыванием в Баку в 1902–1904 годах.

Первый мой визит в Баку был посвящен изучению ситуации с нашей топливной коммерцией, и я очень быстро убедился в том, что некий господин Стефанини²⁶¹, которому мой кузен доверил представлять здесь свои интересы, был не лучшей кандидатурой на эту роль и что его деятельность, заключающаяся в обеспечении мазута за счет контрактов на период навигации по твердым ценам, не всегда была основательной, потому что маленькие нефтеперерабатывающие заводы просто не поставляли мазут в периоды, предвещающие рост рыночных цен.

²⁵⁹ На территории нынешней Грузии христианство распространялось с I в. н. э., а на территории нынешней Германии – с VIII в. н. э.

²⁶⁰ «Лондонском отеле» (фр.).

²⁶¹ Стефанини Карло – итальянский консульский агент в Баку.

Поэтому я взял курс на заключение соглашения с товариществом БНИТО²⁶², ротшильдовской фирмой в Баку, речь о которой пойдет ниже.

Сначала мне хотелось бы сказать несколько слов о том впечатлении, которое произвел на меня Стефанини, один из самых больших оригиналов, каких я когда-либо видел.

Стефанини, некогда бедного, но трудолюбивого итальянца, в свое время занесло в Москву, где он получил неплохое место в фирме «Вогау и К°», открывшей отделение в Баку. Правда, ему пришлось за это взять в партнеры толстого Филиппа Марка²⁶³, брата одного из акционеров «Вогау и К°». Тот, будучи, в общем, довольно талантливым человеком, страдал непреодолимым отвращением ко всякому труду.

Однако Стефанини умел извлекать пользу хотя бы из внушительного физического веса своего партнера: он вменил ему в обязанность садиться на копировальную книгу и таким образом сэкономил на приобретении копировального пресса.

Стефанини был ненасытен в работе и в зарабатывании денег. Я никогда не видел ничего подобного. Он с дикой страстью отстаивал свои присланные нам авансовые отчеты с изрядно завышенными суммами, которые я вынужден был опротестовывать, и даже вскакивал от возбуждения, как обезьяна, на стул, на котором Филипп обычно копировал письма. Вероятно, я потребовал слишком мало исправлений в этих документах, потому что после завершения данной процедуры он пригласил меня на ужин – неслыханная расточительность при его скупости. Еще одна странность в его поведении заключалась в том, что он из ревности никому не показывал женщину, на которой недавно женился.

Будучи старым холостяком, думавшим только о стяжательстве и уже скопившим состояние в шестьсот тысяч рублей, Стефанини несколько своеобразным способом нашел себе жену, которая, кстати, никогда не давала ему поводов для ревности. Когда он созрел для женитьбы, он обратился к лондонскому партнеру «Вогау и К°» с письменной просьбой подыскать ему жену. После долгих раздумий, писал Стефанини, он пришел к выводу, что оптимальным вариантом для него была бы англичанка. Русские женщины тоже хороши, но мысль о том, что его потомство должно будет перенять веру матери, для него как католика невыносима; немки хотя и отличаются верностью, но скучны; француженки интересны, но нечистоплотны (притом что Стефанини сам был отъявленным грязнулей); англичанки же известны своей чистоплотностью, верностью и миловидностью. Поэтому дочь Альбиона для него – единственно верный выбор.

Мой друг Шумахер²⁶⁴ сразу же взялся за дело. Он отправился в универмаг Уайтли²⁶⁵ и заявил владельцу, с которым был хорошо знаком, что один итальянец в Баку с состоянием в шестьдесят тысяч фунтов желает выписать себе из Лондона жену, а так как всем известно, что Уайтли по желанию может достать даже белого слона, то он, Шумахер, не сомневается, что универмаг сможет выполнить просьбу итальянца и организовать ему невесту.

– Нет ничего проще! – воскликнул мистер Уайтли со смехом. – Я расскажу эту историю про итальянца с шестьюдесятью тысячами фунтов своим продавщицам. И будьте уверены: на деньги клонет сразу несколько хорошеньких девушек.

И в самом деле, по прошествии нескольких дней Шумахер получил от мистера Уайтли шестнадцать фотографий хорошеньких молодых англичанок, готовых выйти замуж за шестьдесят тысяч фунтов в Баку. Однако эта фотогалерея, отправленная Шумахером в Баку, пришла слишком поздно: Стефанини уже уехал в Париж, чтобы посмотреть на рекомендованную ему кем-то невесту.

---

²⁶² Батумское нефтеперерабатывающее и торговое общество.

²⁶³ Марк Филипп (1854–1928).

²⁶⁴ Имеется в виду Макс Шумахер.

²⁶⁵ Уайтли Уильям (1831–1907) – английский предприниматель.

Ею оказалась уже немолодая девушка-католичка из обедневшей французской семьи, получившая строго религиозное воспитание, с единственной родственницей – матерью.

Стефанини заинтересовался этим вариантом, но поставил матери условие: ее дочь должна предъявить ему медицинское свидетельство о том, что у нее «все в порядке».

На возмущенные крики матери он заявил, что намерен жениться исключительно для того, чтобы получить наследника для своего состояния, и если ее дочь вдруг окажется бесплодной, то ему придется подыскать себе другую избранницу; это мадам должна понять.

Та сначала наотрез отказалась от «бесстыдного» и оскорбительного для ее дочери предложения, но, поскольку Стефанини был неумолим и настаивал на своем требовании, она в конце концов согласилась при условии, что в случае неудовлетворительного медицинского свидетельства – чего она себе, конечно же, и представить не может – он обязуется по крайней мере заплатить ее дочери тридцать тысяч франков за моральный ущерб.

Стефанини после долгой торговли согласился. Медицинское обследование невесты состоялось. У врача не было полной уверенности в наличии гарантированной репродуктивной функции у пациентки. Мать уже обрадовалась, что выторговала тридцать тысяч франков, но Стефанини категорически отказался платить. «Как? – вскричал он возмущенно. – Я – ни за что – должен отдать тридцать тысяч франков?! А знаете ли вы, мадам, как это нелегко, сколько требуется труда, чтобы заработать такие деньги? Нет, уж лучше я пойду на этот риск и женюсь на вашей дочери!»

И Стефанини женился на бедной девушке.

Детей у нее не было. Эпидемия холеры – кажется, в 1893 году, – одной из жертв которой стал и Стефанини, избавила бедняжку от ее мужа-тирана. Его дело было продано, госпожа Стефанини вернулась во Францию богатой вдовой, пожертвовала свое состояние церкви и ушла в монастырь.

Я уже упоминал, что пытался установить деловые контакты с БНИТО, которое было основано в Баку парижскими Ротшильдами сразу же после открытия в 1886 году железной дороги Баку – Тбилиси – Батуми. Полное название фирмы слишком длинное: *Societe Commerciale et Industrielle de Naphte Caspienne et de la Mer Noire, Societe Anonyme*²⁶⁶, поэтому ее обычно – в том числе и в печати – называют сокращенно БНИТО, в соответствии с ее телеграфным адресом.

У этой компании были в Баку свои нефтяные скважины и внушительный нефтеперерабатывающий завод, однако в то время она еще не торговала с Россией, а экспортировала используемый для освещения керосин в Европу и продавала остатки перегонки в качестве жидкого топлива на местном рынке в Баку.

Я предложил БНИТО продавать жидкое топливо через нас в Москве на комиссионной основе. Им это сулило более высокие цены, а мы избежали бы рисков на бакинском рынке и при перевозках по морским и речным путям.

Господин Арнольд, директор общества, которому я предложил рассмотреть возможность заключения такого контракта – в случае согласия моего кузена, – счел это выгодным для компании и посоветовал обратиться с моим предложением в Париж, обещав мне там свою поддержку.

Я вернулся в Москву и, получив согласие кузена, отправился в Париж, где изложил свою идею барону Альфонсу де Ротшильду²⁶⁷. Тот одобрил проект^{268,269}.

---

²⁶⁶ «Торгово-промышленное общество Каспийской и Черноморской нефти, акционерное общество» (*фр.*).

²⁶⁷ Ротшильд Альфонс Джеймс де (1827–1905), барон – французский финансист.

²⁶⁸ Рекомендательные письма от компаний «Роберт Варшауэр и К°, Берлин» и «Вогау и К°, Москва» обеспечили мне хороший прием у Ротшильда. Прежде чем я отправился в Париж, мой зять Гуго фон Вогау рассказал мне одну занятную историю из своего опыта, связанную с его визитом к барону. Однако перед этим я хотел бы напомнить, что до того, как мировое лидерство в производстве меди захватили Соединенные Штаты, мировым рынком меди владели парижские Ротшильды. В

После этого я проделал тот же путь в обратном направлении – через Москву в Баку (путешествие из Парижа до Баку тогда занимало ровно неделю), чтобы официально оформить сделку. Так я поздней осенью 1889 и зимой 1890 года дважды побывал в Баку.

***

Начавшаяся торговля жидким топливом с Ротшильдами шла как по маслу²⁷⁰ (если не считать трудностей, которые были у нас с поставками по Волге в предыдущий период навигации), поскольку у нас были не только надежные клиенты в Москве, но и надежный поставщик в Баку. Старые же контракты, касавшиеся перевозок по Волге, нам еще долго доставляли массу хлопот.

Нефть сначала доставлялась из Баку на танкерах, часто принадлежавших надежным бакинским татарам, на так называемый девятифутовый рейд перед дельтой Волги, где ее перекачивали в морские баржи, которые буксировались пароходами лишь вверх по дельте до Астрахани. Более глубокий фарватер выше дельты позволял транспортировать нефть на больших волжских баржах из Астрахани до Нижнего Новгорода или, весной, до Ярославля. Позднее нефтепродукты перевозили от Астрахани по Волге дизельные танкеры, а в то время транспортировка выглядела еще довольно примитивно; только для дорогого применяемого для освещения керосина использовались железные нефтеналивные баржи; для жидкого топлива использовались деревянные баржи, которые прибывали с Урала, вниз по Каме, с грузом соли и которые можно было дешево арендовать. Такие деревянные баржи из-за своей негерметичности приносили вред, естественно, волжской рыбе.

Организацию перевозок в дельте Невы Эрнст Шпис поручил предпринимателю Канненбергу²⁷¹, русскому немецкого происхождения, оказавшемуся большим мошенником. Он присвоил доверенную ему нефть на тридцать тысяч рублей. Дело дошло до судебного разбирательства в Астрахани.

Из-за этого я смог составить некоторое представление о системе правосудия на Нижней Волге. Самое печальное в таких судебных процессах в тех краях было то, что судебная реформа Александра II, предусматривавшая судей, получавших жалование от государства, еще не была проведена. В Астрахани все еще бытовала старая судебная система, по которой судья получал львиную долю судебных издержек, налагаемых на проигравшего процесс в размере 10% от суммы иска.

Это весьма своеобразное правило служило для судьи хорошим стимулом обречь на проигрыш ту сторону, которая представлялась ему наиболее платежеспособной, – иначе как ему получить свое? Судьи тоже хотят жить!

Поскольку Канненберг был заведомо неплатежеспособен, а Эрнст Шпис, напротив, считался человеком состоятельным, астраханский судья вынес приговор не в пользу моего кузена, то есть признал его жалобу необоснованной и таким образом положил в карман свои законные три тысячи рублей²⁷².

России же медное производство было в руках «Вогау и К°». Отсюда и возникли тесные связи между двумя этими компаниями. Итак, когда мой зять в свое время посетил барона, он, разумеется, спросил его между прочим, что тот думает по поводу цен на медь. Вместо ответа барон нажал на кнопку электрического звонка на своем письменном столе, на которой была видна буква М. Через мгновение вошел менеджер по меди. «Dites donc, – обратился к нему барон, – dites donc, cher monsieur, à monseigneur de Wogau ce que je pense du cuivre».

²⁶⁹ «Итак, дорогой господин, скажите господину де Вогау, что я думаю о меди» (*фр.*).

²⁷⁰ Партнером в сделке была фирма «Вогау и К°».

²⁷¹ Возможно, имеется в виду Александр Роберт Канненберг – бухгалтер и управляющий на заводах и нефтяных приисках в Баку.

²⁷² Процессу против Канненберга (Kannenberg) посвящены многочисленные телеграммы адвоката Г. О. Шифера, который вел этот процесс. См.: Письма и телеграммы адвоката Г. О. Шифера, 1892–1893 // Archiv Ernst und Georg Spies.

Лишь в суде высшей инстанции, в Сенате в Петербурге, моему кузену удалось успешно обжаловать этот чудовищный приговор и выиграть процесс. Однако ему пришлось довольствоваться исключительно моральным успехом, потому что Канненберг тем временем бесследно исчез с единственным своим активом – пароходом, который он заложил как гарантию выплаты долга Эрнсту Шпису. Только в России может внезапно исчезнуть такой предмет, как пароход. Канненберг проделал этот гениальный трюк не без помощи одного портового чиновника, который за взятку помог ему переименовать пароход и зарегистрировать его на новое имя. С тех пор он благополучно плавал на своем пароходе по нижнему Тереку.

Не могли мы добиться получения жидкого топлива на 20 000 рублей и от другого предпринимателя, организатора перевозок от Астрахани до Нижнего Новгорода, одного русского, фамилию которого я запомнил. В этом случае наше топливо спасла водка. Этот тип был безнадежный пьяница. Поэтому я пригласил его в Нижнем Новгороде на завтрак и с помощью целой батареи бутылок водки довел его до нужного состояния, в котором он подписал заготовленные мной заранее документы. И пока он в течение нескольких дней пребывал в очередном запое – русские называют это «приболеть», – мне удалось перекачать нашу нефть в наши резервуары.

48. Я принимаю дела у Эрнста Шписа

Летом 1890 года в моей жизни произошли важные изменения. Стечение обстоятельств побудило моего кузена передать в мои руки все свои дела; сам же он сосредоточился исключительно на развитии своего металлургического завода на Северном Урале²⁷³. И я, двадцатидевятилетний молодой человек, неожиданно оказался во главе целого ряда коммерческих предприятий, с которыми был, если не считать торговли жидким топливом, мало знаком. Наряду с возложенным на меня руководством «Товариществом Франца Рабенека», главным моим делом, мне пришлось заняться импортом хлопка, продажей вигони, Черепетским чугуноплавильным заводом в Калужской губернии и, наконец, все тем же проектом бакинского жидкого топлива, который я вкратце описал выше²⁷⁴.

Принять все эти коммерческие отрасли мне облегчил в материальном плане бывший партнер моего отца, Вильгельм Штукен. В 1891 году я взял его сына Даниэля в свою основанную сначала (в 1890 г.) под моим именем фирму, которая с этого момента стала называться «Шпис, Штукен и К^о»²⁷⁵.

Упомянутые коммерческие отрасли были довольно разнородными и далекими друг от друга. Поэтому я после удачного начала торговли жидким топливом в течение навигационного периода 1890 года принял тяжелое решение отказаться от блестящих и многообещающих перспектив сотрудничества с Ротшильдами. Этот шаг был, пожалуй, самой большой коммерческой жертвой в моей жизни, потому что открытое мною в Москве представительство стало исходной точкой для создания БНИТО, то есть Ротшильдами, в России целой сети филиалов московской компании «Мазут» по продаже нефтепродуктов, на которой ее руководитель Поллак заработал миллионы²⁷⁶. Я вовсе не хочу сказать, что непременно добился бы тех же успехов, что и Поллак, однако совершенно очевидно, что личное мое знакомство с Ротшильдом

²⁷³ В 1887 г. Эрнст Шпис приобрел рудник в Кутиме на Северном Урале, а через три года построил там завод, занимавшийся выплавкой чугуна.

²⁷⁴ Эрнст Шпис продал свои пай в нефтяном деле, в красильне Франца Рабенека, в Черепетском чугунолитейном заводе, а также в торговле вигонью (совместно с Августом Шмельцером) в Вердау (Саксония) «Товариществу Франца Рабенека», то есть Георгу Шпису, который тогда им руководил.

²⁷⁵ Фирма «Шпис, Штукен и К^о» была основана в июле 1892 г. См.: Archive Brandt (Архив Брандта). Bt 1/1/15.

²⁷⁶ С 1892 г. фирма «Мазут» стала транспортным предприятием БНИТО Ротшильда и успешно развивалась под руководством Александра Поллака (1837 – ?). В 1912 г. Ротшильды продали ее «Ройял датч шелл».

сыграло бы огромную положительную роль в моей карьере. Не думаю, что найдется еще кто-нибудь на свете, кто добровольно отказался от представительства Ротшильда.

Но тогда я считал этот шаг необходимым, полагая, что смогу в полной мере обеспечить наши фамильные интересы в «Товариществе Франца Рабенека» лишь в том случае, если откажусь от дел, связанных с бакинским жидким топливом, которые неизбежно вынуждали бы меня часто покидать Москву.

С тех пор моя деятельность была сосредоточена на «Товариществе Рабенека», хлопке и вигони. Для Даниэля мы открыли торговлю химикалиями (танином), красильным деревом и другими импортными товарами (например, сарсапарелем).

Кажется, в 1892 году я взял к себе партнером брата Леона Шписа, деятельность которого в компании «Лаферм» в Петербурге уже не казалась мне нужной. На него было возложено руководство новой отраслью, импортом чая, которым мы с Вогау торговали на полонинных началах²⁷⁷.

Как ни хороши были наши личные отношения с братом, в деловой сфере взгляды наши все же слишком диссонировали, что исключало долгосрочное успешное сотрудничество. Поэтому я, если не ошибаюсь, в 1895 году предложил ему расстаться и уступил ему, пожалуй, самую доходную, надежную и в то же время не требующую серьезных капиталовложений коммерческую отрасль – представительство по продаже вигони Августа Шмельцера из Вердау в Саксонии и Мышкова в Польше. Он с Эдмундом Преном открыл в Москве фирму «Шпис и Прен»²⁷⁸.

49. Чугуноплавильные заводы

Помощником и доверенным лицом на Черепетском чугуноплавильном заводе был у меня Пауль Крэнляйн, кузен Эрнста Шписа.

Черепетский завод принадлежал старинному дворянскому роду Билибиных, у которых мой кузен его и арендовал. Это был самый маленький из шести или семи чугуноплавильных заводов, открытых еще при Петре Великом и использовавших тульскую железную руду и лесные ресурсы Калужской губернии.

Фосфоросодержащий бурый железняк, богатый железом (52–54%), из Тульской губернии хорошо годится для производства литых изделий из жидкого чугуна, получаемого в домнах, которые топили древесным углем.

К сожалению, Черепетский завод имел весьма неудобное географическое положение: из-за отсутствия железной дороги весь необходимый годовой объем руды нужно было доставлять на санях (зимой) с залежей, находившихся в среднем в 120 километрах от завода; летней доставки по причине ее дороговизны не было вообще. Древесный уголь, получаемый на обычных кострах, тоже мог быть привезен из окрестных лесов лишь зимой. Проблемы были и с вывозом готовой продукции, ведь ближайшая железнодорожная станция, Калуга, находилась в 30 километрах от завода. Несколько лучше дело обстояло с речным транспортом: от завода до судоходной Оки, притока Волги, впадающего в нее у Нижнего Новгорода, было всего три километра. По этой причине мы старались сделать главным местом сбыта нашей продукции Нижегородскую ярмарку.

---

²⁷⁷ Причина, побудившая компанию «Вогау и К^о» пойти на это, заключалась в том, что она начала торговлю фасованным чаем в пачках как фирма «Товарищество “Караван”» и увидела в чае в коробках угрозу для своего сбыта. Поэтому была предпринята попытка вести эту торговлю под видом моей фирмы.

²⁷⁸ Фирма «Шпис и Прен» была основана в ноябре 1894 г. сообща с Эдмундом Преном (1857–1924) из старинной московской фирмы «Прен». Уставный капитал составил 300 000 руб., из которых 200 000 руб. принадлежали Леону Шпису. См.: Archive Brandt (Архив Брандта). Вt 1/1/16; РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1161.

Таким образом, требовался непропорционально большой оборотный капитал, чтобы обеспечить производство чугунной посуды, важного предмета потребления русского крестьянина. Эта посуда, которая продавалась на Нижегородской ярмарке в период от шести до двенадцати месяцев, требовала затрат на добычу руды (поскольку разработку месторождения руды нам приходилось финансировать самим) приблизительно на двенадцать месяцев, расходов на транспортировку руды приблизительно на девять месяцев, на рубку леса (обычно частное предприятие) приблизительно на двенадцать месяцев, на углежжение (обычно частное предприятие) приблизительно на девять месяцев. Таким образом, оборотный капитал мог обернуться лишь один раз в году и приносил весьма скромные проценты. Все это, а также то, что Черепетский завод был всего лишь арендован и поэтому ни о каких существенных улучшениях примитивного технического оборудования речь не могла идти, побудило меня через несколько лет приобрести завод, расположенный под Алексином на Оке, неподалеку от устья реки Мышеги, впадающей в Оку.

Помимо своего неудачного расположения, Черепетский завод (как, впрочем, и все остальные чугунолитейные предприятия этого района) отличался допотопностью технического оснащения. Окруженная мощной каменной стеной маленькая домна времен Петра Великого с примитивнейшим дутьем, обеспечиваемым таким же примитивным мельничным колесом, давала чугун. Предварительного прогрева задуваемого в печь воздуха не было вовсе; доменные газы практически не использовались. То есть в техническом отношении завод находился на уровне подобных предприятий первой половины XVIII века.

Техническое несовершенство в сочетании с уже упомянутыми высокими транспортными затратами обуславливали высокие цены на чугун: 60–62 копейки за пуд на Черепетском и 42 копейки за пуд на Мышегском заводе.

Таковыми же допотопными были на Черепетском заводе архитектура и оборудование литейных цехов, а также условия оплаты труда рабочих, живших в своих убогих крестьянских домах. Хотя заработную плату им выдавали в рублях и копейках, тарифы за сдельную работу рассчитывались в так называемых ассигнационных рублях (один серебряный рубль был равен трем ассигнационным). Чистое Средневековье, что ни возьми!

Но справедливости ради надо сказать, что на Черепетском заводе рабочие получали еженедельную заработную плату наличными, а при заводе, в отличие от конкурирующих предприятий, не было ни продуктовой лавки, ни пивной, где владелец завода тут же выкачивал из рабочих их в поте лица заработанные деньги.

С каким бесстыдством это проделывали на других фабриках, я однажды имел возможность наблюдать во время поездки из Черепети в Мышегу через принадлежащий Барановым чугунолитейный завод. Там рабочие вынуждены были покупать продукты, водку, одежду и т. д. в заводской лавке, потому что получали свой заработок в чеках, которые можно было отоварить только в этой лавке.

Владелец завода зарабатывал на этом 33⅓%. А поскольку рабочие были постоянными должниками этой лавки, хозяева не только нещадно эксплуатировали этих бедолаг, но и держали их в вечном рабстве. Неудивительно, что, когда социальный вопрос в России грозной тучей навис над страной, эти измученные люди увидели спасение в коммунизме.

Это зимнее путешествие – дело было в январе – из Черепети до Мышеги длиной в 70 километров по сильному морозу я никогда не забуду. Когда мы выезжали – еще в предсветных сумерках, – термометр показывал 35° ниже нуля по Реомюру; к полудню температура поднялась до 28°, а к вечеру, когда мы прибыли в Мышегу, снова опустилась до 32°²⁷⁹.

²⁷⁹ То есть соответственно 44°, 35° и 40° ниже нуля по шкале Цельсия.

Восход солнца в кристально чистом небе над безбрежной заснеженной равниной представлял собой удивительное зрелище. В первых солнечных лучах вспыхнули миллиарды бриллиантов, рассыпанных по полям, которые затем превратились в море огня!

Из-за узости санной дороги приходилось запрягать наших трех лошадей одну за другой, и головной лошадей кучер управлял с помощью длинного кнута. Узость же дороги объяснялась тем, что ее прокладывали крестьянские сани, запряженные одной лошадейкой. Так при продолжительном снегопаде постепенно возникает укатанная дорога-коридор, по сторонам которой высятся метровые сугробы.

Такие санные пути хороши, пока ты едешь по ним один. Однако картина резко меняется, когда приходится обгонять длинные караваны крестьянских саней, которые возвращаются домой, доставив на чугуноплавильные заводы руду и древесный уголь. Порожние сани, как правило, уступали дорогу едущему сзади «барину», сворачивая в сторону, на снежную целину, с которой им потом бывало непросто вернуться на дорогу. Однако ожидать такого же почтительного отношения от «каравана» с тяжелым грузом руды мы не могли.

В таких случаях нам приходилось самим лезть в сугробы и ждать, когда «караван» проедет мимо, принимая на себя все прелести этого сложного маневра. Обычно приходилось распрягать лошадей, которые вязли в глубоком снегу и начинали нервничать. Нам и самим приходилось стоять по грудь в снегу. Подобные акробатические этюды в тридцатиградусный мороз доставляли мало удовольствия. Полуденный привал, который мы устроили ради лошадей на барановском заводе, дал мне возможность, помимо прочих тягостных впечатлений, получить некоторое представление об особенностях русского промышленного предприятия, а заодно о патриархальном русском укладе жизни и русском гостеприимстве, с которым сталкиваешься в России на каждом шагу.

В просторном доме жил владелец завода со всеми уже женатыми сыновьями и их семьями. Он, как патриарх, важно восседал в кругу своих потомков. Никто из сыновей и невесток, не говоря уже о внуках, не смел рта раскрыть без разрешения. За длинным обеденным столом по одну сторону сидели мужчины, по другую – женщины, которые очень недурно выглядели, но вели себя так, будто не умеют считать до трех. Удивительно, как изменился этот народ со времен первой революции (1905).

На гораздо более крупном заводе в Мышеге, куда мы прибыли вечером, промерзнув до костей, владелец завода, Ковригин, человек гораздо более цивилизованный, нежели Баранов, принял нас с тем же широким гостеприимством.

Русское гостеприимство проявляется в такой непривычной для европейца форме, что его трудно переоценить. Правда, эта прекрасная черта русского национального характера возникла во времена, когда никаких железных дорог еще и в помине не было и путникам в стороне от почтовых трактов негде было найти приют, кроме как в ближайшей помещичьей усадьбе. Однако она сохранилась и коренится, несомненно, в природной русской доброте.

Я не раз во время своих поездок на рудники в Тульской губернии оказывался в положении, когда вынужден был проситься на ночлег в первой попавшейся усадьбе, владельцы которой не знали ни меня, ни даже моего имени. Достаточно было попросить слугу передать хозяевам визитную карточку с просьбой позволить у них переночевать. Прием неизменно был таким радушным, как будто встречали старого доброго дядюшку, от которого ждали наследства. Гостя потчевали обильнейшим ужином, а если у хозяина были взрослые дочери, гость же оказывался молодым человеком, как я, то потом еще полночи танцевали.

В результате этой поездки я через некоторое время купил завод в Мышеге и, кажется, в 1896 году основал «Общество Мышегских чугуноплавильных заводов»²⁸⁰.

---

²⁸⁰ «Общество Мышегских и Черепетских горных заводов» было образовано в 1895 г. Уставный капитал составлял 1,2 млн руб. Акционеры – «Воган и К^о», «Шпис, Штукен и К^о», «Шпис и Прен», Пауль Крёнлейн, Гретер и Даниэль Штукены.

С экономической точки зрения это было очень удачное решение: Мышега находилась вблизи железной дороги и к тому же на судоходной Оке. Сложности были сначала лишь с древесным углем. Чтобы решить эту проблему и, кроме того, получить возможность влиять на цены на местном рынке древесного угля, мы приобрели один из соседних лесов (Ферзиково, 4000 га), расположенный у железной дороги (с двумя собственными станциями).

Покупка Ферзикова позже утратила свою актуальность, когда на юге России, в Донском угольном бассейне, началась добыча кокса и выяснилось, что построенную нами новую доменную печь в Мышеге можно топить коксом и это никак не отражается на качестве получаемого чугуна, необходимого для производства чугунной посуды или труб. Поэтому Ферзиково было выделено из активов Мышегского общества и преобразовано в «Калужское лесопромышленное общество»²⁸¹.

Построенный в 1724 году чугуноплавильный завод в Мышеге был заложен с размахом. Однако в соответствии со своим почтенным возрастом он безнадежно устарел в техническом отношении: домну пора было сносить, многочисленные литейные цеха напоминали казематы. Поэтому мы полностью перестроили завод: возвели на месте старой домны новую, современную, построили новые цеха для отливки труб и фабрику для производства эмалированной посуды.

То есть ценность Мышеги, когда мы ее приобретали, заключалась не в техническом оборудовании старого завода, а в его географическом положении и в местных рабочих, которые, будучи безземельными, были привязаны к работе в Мышеге, во всяком случае те, что не имели возможности уехать в Тулу или Москву.

Дело в том, что в связи с проведенным в 1861 году освобождением крестьян многие промышленники ошибочно исходили из того, что чугунолитейные заводы в Центральной России и на Урале не останутся без рабочих, поскольку местное население уже несколько поколений зарабатывало себе пропитание на этих заводах. Хотя рабочие-литейщики официально принадлежали к крестьянскому сословию, этих «безземельных крестьян» превратили в подлинных пролетариев.

Мышегские рабочие, как и служащие, жили в многочисленных принадлежавших заводу каменных домах. Огромная роскошная заводская церковь, другие солидные здания, такие как больница, аптека, школа, богадельня для старушек и т. д., дополняли картину и придавали заводскому комплексу вид довольно представительного живописного горного городка.

Внутренность жилых домов, конечно, была сильно запущена. Нам пришлось вложить немало средств, чтобы сделать их действительно жилыми.

Мой первый обход заводской территории после приобретения Мышеги стал для меня настоящим потрясением: я впервые так близко столкнулся с провинциальной русской нищетой. Жадный Ковригин положил школьному учителю, который уже много лет блестяще исполнял свой долг и, конечно же, и сам имел кучу детей, всего двенадцать рублей жалованья в месяц (при бесплатном жилье), полагавшихся сельскому учителю. Я, до того никогда не встречавший такой чудовищно низкой ставки, спросил учителя, робко смотревшего на меня как на своего нового господина, какое у него жалованье. «Двенадцать с половиной рублей», – ответил он печально, словно стыдясь за непомерно высокую оплату своего труда. «Двенадцать с половиной рублей?...» – воскликнул я в ужасе, не веря своим ушам. И тут бедняга бросился передо мной на колени и со слезами в голосе стал умолять меня проявить милосердие к его детям и не сокращать его жалованье!

Кутымский завод на Урале, принадлежавший Эрнсту Шпису, снабжал эти заводы рудой.

²⁸¹ Общество было основано в 1899 г., ликвидировано в 1913 г. Пайщиками наряду с Георгом Шписом были его братья Альберт, Леон и Вильгельм, а также Адель Р. фон Вогау, Г. Д. Браун, П. В. Крёнлейн и К. Й. Третер. Уставный капитал – 375 000 руб. См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 733.

Несчастный! Он, как побитая собака, опасался, что новый господин окажется еще более жестокосердным, чем Ковригин. Когда я поднял его с колен и сказал, что он неверно истолковал мой возглас, что я, напротив, изумлен скудостью его заработной платы, что отныне он будет получать двадцать пять рублей ежемесячно, он от неожиданной, неслыханной радости лишился чувств, и мне лишь с трудом удалось предотвратить его попытку поцеловать мне ноги. Никогда больше я не видел такого счастливого, такого благодарного взгляда.

Бедный русский народ! Неудивительно, что в один прекрасный день разразилось восстание рабов.

Менее отрадный финал был у моего первого и последнего визита в богадельню, учрежденную одним из бывших дворянских владельцев Мышеги. Я увидел там с дюжину старушек, получавших скудные гроши на пропитание, бесплатное жилье, отопление и освещение. Конечно же, они хотели бы получать больше. Это было далеко не самое страшное. Гораздо хуже было то, что они друг друга терпеть не могли и сочли своим долгом обрушить на меня все взаимные по-детски глупые жалобы и обвинения, все гадости и гнусные сплетни. По-видимому, они десятилетиями не имели никого, кто мог бы их выслушать. Я словно разворошил мерзкое, зловонное осиное гнездо и потому поспешил поскорее унести оттуда ноги.

Мышегский завод принес мне массу хлопот и огорчений и стал для меня косвенным источником тяжелых потерь. В конце концов, после нескольких неудач, мне все же удалось найти для завода подходящих технического руководителя и местного администратора. Для центрального же заводоуправления в Москве я так и не смог найти достойную кандидатуру.

Поэтому я объединил Мышегское общество с новым бельгийским металлургическим предприятием, Société anonyme des Hauts Fourneaux de Toula²⁸², нуждавшимся в нашей обширной рудной концессии, приобретение которой я ему организовал. За Мышегу было заплачено тульскими акциями, приносившими тогда двадцать процентов дивидендов и хорошо котирувавшимися на Брюссельском рынке.

Именно это последнее обстоятельство и тот факт, что акциями русских, по русским законам основанных промышленных компаний в 90-е годы еще почти не торговали на русских биржах, – ситуация, которая изменилась лишь в этом веке, – побудили меня конвертировать мышегскую недвижимость в тульские акции.

Эта, казалось бы, правильная мера обернулась для меня несчастьем, о чем речь пойдет ниже.

50. Общество по продаже хлопка

Прежде всего, мне кажется, следует отразить развитие коммерции в самой Москве и, хотя моим главным поприщем было «Товарищество Франца Рабенека», начать лучше с двух коммерческих отраслей, которые в 1881 году перешли от отцовской фирмы «Штукен и Шпис» к Эрнсту Шпису: хлопка и вигони.

Хлопок я доверил своему кузену Альфреду Класону, вызвав его из Германии. Он быстро научился самостоятельно и успешно вести дела.

Американский хлопок мы сначала получали исключительно от «Класон и К°» в Саванне, Новом Орлеане и Манчестере (позже в Дюссельдорфе), фирмы моего тестя Клеона Класона, унаследованной им от своего отца Нильса Класона.

Этот в середине XIX века значительный и очень авторитетный торговый дом не сумел надолго сохранить свой прежний почетный статус поставщика хлопка и утратил его, когда морские перевозки стали принимать все более спекулятивный характер.

---

²⁸² Société anonyme des Hauts Fourneaux de Toula было основано в 1895 г. с уставным капиталом 7,5 млн франков. Одним из директоров был Георг Шпис.

Поэтому мы в дополнение к сотрудничеству с ним наладили взаимодействие с фирмой его брата Артура, «Артур Класон и К°», которая стала нашим главным партнером по торговле американским хлопком в Соединенных Штатах и в Манчестере.

По египетскому хлопку мы работали с очень солидным торговым домом «Хореми, Бенахи и К°» в Александрии²⁸³, который ослабил свои русские коммерческие связи, а теперь стал активно их оживлять.

Наконец мы занимались импортом левантийского хлопка из Смирны и Аданы, когда бухарский хлопок с волокнами короткой длины резки перестал удовлетворять запросы российского рынка.

То обстоятельство, что я, будучи руководителем «Товарищества Франца Рабенека», закупал пряжу, в значительной мере облегчило нам налаживание импорта хлопка.

Не в последнюю очередь мы были обязаны своими серьезными успехами тому доверию, которое прядильщики питали ко мне, сыну их бывшего партнера, надежного и порядочного человека, каким он остался в их памяти. Только в Москве мне открылся подлинный масштаб личности моего незабвенного отца и его значимости в деловых кругах, результат его многолетнего честного труда.

За такие качества тогдашние русские платили неслыханной, несоизмеримой с европейскими мерками партнерской верностью. С тех пор я познакомился с деловой психологией и методами большинства европейских стран, а также Америки и должен откровенно заявить, что нигде не работалось так приятно и легко, как с московским крупным купечеством 90-х годов. Правда, нужно оговорить, что молодое, «образованное» поколение было уже совсем другим. В качестве ярчайшего примера честности и верности мне хотелось бы упомянуть здесь старого Герасимова, директора Реутовской прядильной фабрики²⁸⁴.

В середине 90-х годов в Фергане началось выращивание хлопка из американских семян. Я счел необходимым наладить торговлю этим хлопком, потому что со временем он неизбежно должен был вытеснить американский хлопок. Трудность заключалась в выборе подходящей кандидатуры на роль руководителя тамошнего филиала, ведь эта деятельность могла быть успешной, а качество товара – высоким лишь при условии, что хлопок-сырец, не очищенное от семян волокно, покупается непосредственно у производителя и очищается на арендованных хлопкоочистительных заводах. Поскольку найти подходящего коммерческого директора с соответствующими специальными знаниями не представлялось возможным, мне пришлось сначала отправить своего доверенного, господина Гроотена из Петербурга, на год в Америку, чтобы он там на месте изучил эту профессию.

По возвращении Гроотена из Саванны мы арендовали по хлопкоочистительному заводу в Коканде и Намангане (оба города находятся в Фергане) и начали дело. Когда все уже было налажено и мы купили большую партию хлопка-сырца, Гроотен неожиданно заболел черной оспой и через несколько дней умер.

Подобные случаи наглядно показывают опасности, которыми чревато освоение совершенно новых областей коммерции. Что мне было делать? Отправлять еще кого-нибудь в Америку?²⁸⁵

Я решился, несмотря на обстоятельства, заняться этой частью нашего хлопкового бизнеса, который благодаря осторожности и предусмотрительности нашего молодого бухгалтера

---

²⁸³ См. о нем: *Haag M. Alexandria: City of Memory*. New Haven; London, 2004. P. 80.

²⁸⁴ Реутовская хлопкопрядильная мануфактура была основана в 1903 г. Л. А. Рабенеком. В 1903 г. оборот составлял 3,9 млн руб. См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 953.

²⁸⁵ Инвестиция в Туркестане рассматривалась широкими деловыми кругами как неудача: так, Герман Дернен, глава московского филиала Санкт-Петербургского международного коммерческого банка, писал, что предприятие в Туркестане «закончилось неблагоприятно» (РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 598).

в Фергане, Вильгельма Майер-Галлера²⁸⁶, все еще мог приносить доход. И до 1901 года мы занимались импортом хлопка.

Альфред Класон блестяще руководил этой отраслью нашей коммерции.

51. Торговля вигонью

Эта коммерческая отрасль базировалась на связи отцовской фирмы с вигоневой прядильней Августа Шмельцера в Вердау (Саксония) и Мышкове (Польша), основанной в 1869 году.

Наш вигоневый бизнес был чрезвычайно приятным. Мы получали от Августа два процента комиссии и два процента за делькредере²⁸⁷, при постоянно растущем обороте, который в мое время существенно превышал миллион рублей. К тому же у нас был всего один покупатель, Владимир Щенков²⁸⁸, которому мы сбывали годовой объем продукции в рамках двух, максимум трех сделок.

Торговля вигонью приносила нам около сорока тысяч рублей. Этим безотказным источником доходов мы были обязаны исключительно консерватизму Шмельцера и клиентской верности Щенкова, который, будь он западноевропейцем, давно бы уже избавился от нашего отнюдь не дешевого посредничества.

Руководство вигоневой коммерцией Щенков передал своему доверенному лицу Афиногену Степановичу Изергину, замечательнейшему умному, верному человеку из Вятской губернии (никогда не знавшей крепостничества). Мой «рожденный в Афинах» приятель принадлежал со своим тайным, смешанным со страхом восхищением европейской культурой к тому типу старомодных русских, которые глубокую набожность сочетали с граничащим с ненавистью отвращением ко всему европейскому. Это был инстинктивный протест полуазиата (ибо таковыми и являются все русские) против силы Запада, разлагающего русско-восточную культуру, чувство, под влиянием которого находился и Достоевский. Изергин никогда не был в Петербурге. Он категорически отказывался ступить на землю этого «европейского» города, через который в святую православную Русь проникали западные идеи. В свое время мне стоило немалых усилий уговорить его съездить на шмельцеровскую фабрику в Польше, потому что он много лет считал для себя невозможным путешествие в католическую страну.

Уже приняв меня в свое сердце, он поделился со мной своей болью по поводу того, что я протестант. Ибо мне придется однажды испытать адские муки, сказал он, в то время как он, православный христианин, возможно, сразу попадет на небо. Сознание того, что он не встретит там, на небесах, меня, своего дорогого друга, глубоко огорчало его.

52. «Товарищество Франца Рабенек»

Значение ализариновых фабрик товарищества, как и наших российских конкурентов Людвиг Рабенек²⁸⁹, «Ватермеза»²⁹⁰, Петра и Александра Соловьевых²⁹¹, Гладкова²⁹², базиро-

---

²⁸⁶ Вильгельм Майер-Галлер стал менеджером у «Штукен и К°» в Грозном и Санкт-Петербурге. В 1918 г. он выехал в Германию и стал пайщиком фирмы Georg Spies GmbH в Берлине. См.: Bericht Maier-Haller // Mannesmann-Archiv (Архив Маннесманна).

²⁸⁷ Делькредере – ручательство комиссионера перед уполномочившим его лицом за исполнение договора, заключенного с третьим лицом.

²⁸⁸ Щенков Владимир Васильевич (1822–1903) – московский купец 1-й гильдии и текстильный фабрикант; директор шелкоткацкой мануфактуры «С. Зубков и К°» и экипажно-автомобильной фабрики П. П. Ильина, а также «Общества средних торговых рядов в Москве».

²⁸⁹ Товарищество мануфактур «Людвиг Рабенек». Основатели – Людвиг Рабенек (1791–1862) и его сыновья Людвиг (1831 – после 1894), Артур (1836–1864) и Эдмунд (1842–1908). В 1832 г. они основали первую ситценабивную мануфактуру в Богородском.

²⁹⁰ Товарищество «Ватермез» было основано французскими предпринимателями-текстильщиками Моттом из Рубе и Жилем из Лиона. См.: Pouchain P. Les Maitres du Nord du XIX siècle à nos jours. Paris, 1998. P. 188–189; Eugène Motte: sa légion

валось на внушительном, но неперспективном использовании крестьянского домашнего ткачества в Восточной России (Волжский регион, Урал), а также в Западной Сибири и в Центральной Азии.

Названные шесть красильных фабрик производили в общей сложности 2 500 000 кг кумача, из них обе рабенековские красильни – по 800 000 кг каждая, ватермезская – 480 000 кг; остальные 420 000 кг поставляли три русские красильни.

Эти шесть фабрик были связаны ежегодно обновляемым договором относительно объема продукции, а с единственной красильней в Польше (Брасс в Ченстохове) существовало соглашение о том, что российские фирмы предоставляют Брассу польский рынок, а он отказывается от сбыта продукции в России. Благодаря этим соглашениям у нас даже в годы неблагоприятной конъюнктуры были надежный сбыт и гарантированная прибыль. До 1902 года я был председателем на всех переговорах нашего объединения.

Механическое пестроткачество Московского промышленного района перерабатывало относительно мало красной пряжи – всего лишь около 160 000 кг, которые поставлял преимущественно Людвиг Рабенок, в то время как наша красильня выделялась своими яркими красками так называемого крестьянского товара и, кроме того, лидировала относительно цен.

Сбыт этих товаров в значительной мере основывался на льноводстве крестьян Восточной России и их старинной привычке красить свою льняную пряжу индиго у кустарных красильщиков-одинок, ездивших от деревни к деревне. Синяя пряжа как основа и кумач как уток давали на крестьянском ткацком станке вполне приличную ткань со стойкой окраской, которая хоть и не могла претендовать на особую красоту, но ей, как говорится, сносу не было, что лучше отвечало потребностям крестьян, чем продукция крупной промышленности.

Немецкие колонисты на Средней Волге, в Саратовской и Самарской губерниях, напротив, предпочитали основную пряжу для изготовления так называемой сарпинки, пестротканевой хлопчатобумажной материи для дамских платьев, для которой они создали рынок во всей России. (Слово «сарпинка» происходит от Сарепты, названия значительного немецкого поселения на Нижней Волге, где и началось производство этой материи.)

Когда я принял на себя руководство компанией, устройство нашей медленно, в течение многих лет возникавшей красильни в Болшеве было – особенно строения – допотопным, социальные объекты же, например квартиры рабочих и т. п., были вполне удовлетворительными.

В течение последующих лет я, выделяя часть прибыли на нужды фабрики, систематически перестроил и модернизировал ее и настолько усовершенствовал социальные объекты, что правительство неоднократно призывало русских промышленников брать пример с «немецкой фабрики» и учиться, как нужно заботиться о своих рабочих.

Стоимость крашения, включая общую сумму накладных расходов и транспортировку в Москву, как правило, составляла девять рублей за пуд. При плате в десять рублей с механических ткацких фабрик она позволяла получать прибыль не больше одного рубля за пуд. Однако это было наше самое маленькое дело. Большой объем кумача – крестьянского товара – продавался с прибылью от одного до четырех рублей за пуд. На этом крестьянском товаре мы зарабатывали 150 000–200 000 рублей. Плюс прибыль, получаемая от цветной и сырой пряжи.

Эти солидные доходы давали мне возможность заботиться о наших рабочих, проводить мероприятия по перестройке и модернизации фабрики и при этом выплачивать дивиденды в размере 20% от акционерного капитала компании, составлявшего всего лишь 500 000 рублей.

---

d'honneur, son empire en 1897 // Bulletin de la Société d'Emulation de Roubaix. Roubaix, 1999. P. 21.

²⁹¹ Фабрики Александра Александровича (1824–1895) и Петра Александровича (1815–1903) Соловьевых (пряже-красильная, миткально-красильная, ситценабивная, миткально-ткацкая) были расположены около города Киржач Владимирской губернии.

²⁹² Гладков Александр Петрович (1804 – ?) – предприниматель, в 1856 г. приехал из Казани в Москву. См.: Справочная книга о лицах, получивших ... купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1870. С. 17.

***

Остальные отрасли нашего товарищества не оказывали существенного влияния на формирование прибыли.

Маслобойный завод мой кузен Эрнст Шпис завел, имея в виду применение касторового масла при изготовлении масляных протрав, воздействию которых подвергается пряжа в процессе крашения. Однако от этого маслобойного завода на наши собственные потребности шло всего лишь 15% его продукции, остальные же 85% производились для продажи третьим лицам в Московском промышленном районе.

Расположен маслобойный завод был неудачно: с Большевым тогда еще не было железнодорожного сообщения; эту проблему мы смогли решить совместно с «Товариществом Людвига Рабенека» только к середине 90-х годов за счет гарантирования Московско-Ярославской железной дороге процента за проложенную тогда железнодорожную ветку Мытищи – Болшево – Щелково²⁹³

---

²⁹³ Железнодорожная линия Мытищи – Болшево – Щелково была построена в 1896–1897 гг. См.: Письмо Р. Шписа к Э. Шпису от 26 марта 1880 г. // AEGS.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.